

В. Измозик, Б. Старков, Б. Павлов, С. Рудник

ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ РСДРП—РКПб—ВКПб

★
БЕЗ
УМОЛЧАНИЙ
И
ФАЛЬСИФИКАЦИЙ

краткий курс

 ПИТЕР

Владлен Измозик

**Подлинная история РСДРП–
РКПб–ВКПб. Краткий курс. Без
умолчаний и фальсификаций**

«Питер»

2009

Измозик В. С.

Подлинная история РСДРП–РКПб–ВКПб. Краткий курс. Без
умолчаний и фальсификаций / В. С. Измозик — «Питер», 2009

ISBN 978-5-49807-254-8

Скоро исполнится 70 лет со дня выхода в свет «Краткого курса истории ВКП (б)». Эту книгу называли «библией сталинизма». Ее миллионные тиражи внушали читателям необходимую власти версию исторического развития России. Сегодня немного найдется людей, которые держали ее в руках. Авторы решили наполнить эту форму новым современным содержанием, основанным на многочисленных документах, в том числе и добытых ими самими в результате архивных поисков. Книга включает в себя историю партии большевиков с момента ее возникновения до 1938 года (которым Сталин и закончил «Краткий курс ВКПб») и рассчитана на самый широкий круг читателей, заинтересованных в объективном изложении истории нашей страны в переломные, трагические и героические ее годы.

ISBN 978-5-49807-254-8

© Измозик В. С., 2009

© Питер, 2009

Содержание

Вступление	5
I Раздел	13
I глава	13
1. Россия в пореформенный период: новые надежды и новые разочарования: 1860-1880-е гг.	15
2. Первые шаги рабочего движения: 1870-1880-е гг.	18
3. Плеханов и его группа «Освобождение труда», или «Новому времени новый костюм...»	28
4. Рождение русского марксизма	32
II глава	37
1. Владимир Ульянов: начало пути. 1890-е гг.	37
2. «Попутчики» Ульянова, или Многоликий «русский марксизм»	42
3. Рождение «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». 1895 г.	46
4. Испытание тюрьмой и ссылкой. 1896-1899 гг.	49
5. «Союзы борьбы» действуют	56
6. Рождение РСДРП (1898 г.): «первый блин комом»	58
7. Первый раскол: марксисты – «политики» и марксисты – «экономисты»	61
8. «Как чуть не погасла «Искра»». 1900 г.	63
9. Из «Искры» возгорится пламя! 1901-1902 гг.	67
10. Типография «Нина», Леонид Красин и деньги, деньги, деньги...	72
III глава	77
1. «Буря! Скоро грянет буря». Россия накануне революции (1901– 1903)	77
2. На пути к съезду: склочная эмигрантская жизнь. 1901-1903 гг.	82
3. Второй съезд РСДРП (1903 г.): праздник, закончившийся вечной ссорой	85
Конец ознакомительного фрагмента.	86

В. Измозик, Б. Старков, Б. Павлов, С. Рудник Подлинная история РСДРП— РКП(б)—ВКП(б). Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций

Светлой памяти тех, кто искренне верил в возможность создания общества социальной справедливости – без насилия, без чиновничества, без армии, без денег – посвящается

Вступление

Сталин был великим мистификатором, большим артистом и крупным идеологом... мы... до сих пор питаемся... идеологемами, которые прошли через «Краткий курс», вошли во все учебники и сегодня присутствуют в нашей учебной литературе.

А. Н. Сахаров, член-корреспондент Российской АН

С 9 по 19 сентября 1938 г. центральный орган ВКП(б), газета «Правда», опубликовал полный текст одобренной ЦК ВКП(б) книги «История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс» под редакцией комиссии ЦК ВКП(б). Одновременно этот труд появился на страницах журнала «Большевик», главного теоретического органа Коммунистической партии, имевшего тираж 550 тыс. экземпляров, в номерах за 15 сентября и 1 октября 1938 г. 19 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) постановило напечатать «Краткий курс» (так в то время обычно называли эту книгу) тиражом 6 млн экземпляров. Через неделю, 23 сентября, состоялось решение Политбюро об издании «Истории ВКП(б)» на 27 языках — 11 союзных и 16 автономных республик. 27 сентября Политбюро ЦК дало указание перевести книгу на «французский, английский, немецкий, польский, чешский, шведский, финский, испанский, итальянский, китайский, японский, малайский, индусский, болгарский и югославский языки», потребовав сделать это в кратчайший срок – до 15 ноября¹.

В тот же день И. В. Сталин выступил на совещании пропагандистов и руководящих работников по пропаганде Москвы и Ленинграда по поводу изучения истории ВКП(б). Через три дня, 1 октября, Сталин вновь произнес речь перед этими людьми. Наконец, 10 октября на заседании Политбюро ЦК с участием приглашенных работников идеологического аппарата Сталин опять говорил об изучении истории партии и роли в этом процессе новой книги².

В результате «Краткий курс истории ВКП(б)» на многие годы оказался в центре всего партийно-комсомольского идеологического просвещения. Какими только восторженными эпитетами не награждали эту книгу журналисты и ученые, писатели и партийные работники. Авторы буквально соревновались в славословии, называя ее «энциклопедией марксизма». На XVIII съезде партии, в марте 1939 г., один из главных официальных идеологов страны А. А. Жданов говорил: «Надо прямо сказать, что за время существования марксизма это первая марксистская книга, получившая столь широкое распространение». Ежегодно ее переиздавали,

¹ Зеленов М. В. Сталин в работе над «Кратким курсом истории ВКП(б)» // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 3, 4.

² Там же. С. 11-15, 16-21.

общий тираж составил более 60 млн экземпляров, так как только на русском языке вышло 42 млн экземпляров.

Но эта книга не пережила века. Последний раз она вышла тиражом 10 млн экземпляров в 1953 г. Уже в феврале 1956 г., на XX съезде КПСС, один из членов сталинского Политбюро, Анастас Микоян, в частности, сказал: «Если бы наши историки по-настоящему, глубоко стали изучать факты и события истории нашей партии..., если бы они порылись хорошенько в архивах, исторических документах, а не только в комплексах газет, то они смогли бы теперь лучше, с позиций ленинизма, осветить многие факты и события, изложенные в «Кратком курсе»»³. Через 50 лет ее называли «библией сталинизма». Сегодня об этой книге помнят только специалисты. Она давно стала библиографической редкостью.

Поэтому надо, хотя бы вкратце, напомнить, как она создавалась и с какой целью, кто были ее авторы, насколько ее текст отражал реальную историю России и большевистской партии.

Прежде всего, об авторстве. В первом и последующих изданиях «Краткого курса» авторы скрывались под словосочетанием «комиссия ЦК ВКП(б)». Но уже 6 ноября 1938 г. в докладе В. М. Молотова на торжественном заседании Московского совета, посвященном 21-й годовщине «Великой Октябрьской социалистической революции», прозвучала фраза: «Выход этого курса «Истории ВКП(б)» стал возможен только благодаря исключительной работе над этой книгой самого товарища Сталина»⁴. В 1947 г., к 70-летию «великого вождя и учителя», вышла в свет его «Краткая биография». Здесь без всяких оговорок было сказано, что «История ВКП(б). Краткий курс» написана товарищем Сталиным и одобрена комиссией ЦК ВКП(б)⁵. На самом деле это была очередная полуправда-полуложь.

После окончания Второй российской революции 1917–1921 гг., закончившейся победой большевиков, новой власти было необходимо укрепить свое положение. Одной из главных задач стало насаждение идеологии марксизма, особенно среди учащейся молодежи. Старые исторические мифы надо было заменить новыми – о героизме революционеров, о неизбежности прихода партии коммунистов во главе с Лениным к власти. Начали выходить различные учебники по истории Коммунистической партии. Их авторами были старые большевики, активные участники революционной борьбы: А. С. Бубнов, В. И. Невский, Н. Н. Попов, Е. М. Ярославский. Поэтому эти книги содержали массу имен, живых подробностей реальной истории, конечно, окрашенных субъективным восприятием конкретного автора. По мере нарастания внутрипартийной борьбы выпадавшие из руководства Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, Н. И. Бухарин,

А. И. Рыков и их сторонники получали в новых изданиях все более резкие оценки. Итогом этого этапа написания истории партии стало письмо И. В. Сталина от 26 октября 1931 г. в редакцию журнала «Пролетарская революция», опубликованное в № 6 за 1931 г.

Победитель в борьбе за власть нуждался в новой истории большевистской партийной организации, где бы он предстал, наряду с Лениным, в роли одного из двух большевистских вождей. Неслучайно он обрушился «на архивных крыс», копающихся в бумажках. Реальные документы могли стать только помехой в формировании нового мифа. Письмо Сталина стало началом кампании поиска ошибок в книгах и статьях по истории ВКП(б), взаимных обвинений, покаяния их авторов⁶.

Уже послушное вождю Политбюро ЦК 7 января 1932 г. приняло решение о создании новой истории ВКП(б). В редколлегиях включили членов Политбюро И. В. Сталина, Л. М. Кагановича, В. М. Молотова; второго секретаря ЦК КП(б) Украины П. П. Постышева, заведомо

³ Микоян А. И. Речь на XX съезде КПСС. М., 1956. С. 34.

⁴ Большевик. 1938. № 21–22. С. 36.

⁵ Иосиф Виссарионович Сталин: Краткая биография. М., 1947. С. 163.

⁶ О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская Революция»// Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1940. С. 357–358.

культуры и пропаганды ЦК А. И. Стецкого, директора Института Ленина В. В. Адоратского. В число составителей попали директор Историко-партийного института красной профессуры В. Г. Кнорин, партийные историки В. А. Быстрянский, Н. Н. Попов, Е. М. Ярославский; наркомы просвещения РСФСР и Украины А. С. Бубнов и Н. А. Скрыпник. Секретарем издания был назначен бывший секретарь Сталина И. П. Товстуха, замдиректора Института Маркса-Энгельса-Ленина.

Но на протяжении нескольких лет реальная работа над такой «главной книгой» практически не велась скорее всего по нескольким причинам. Во-первых, шла постепенная работа переписывания истории большевистской партии. Партийные кадры и, в первую очередь, работники «идеологического фронта» должны были привыкать к мысли о двух вождях – Ленине и Сталине. Важным этапом в этом плане стало появление в июле 1935 г. брошюры «К вопросу об истории большевистских организаций Закавказья». Автором значился первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) Л. П. Берия⁷. Здесь Сталин представал крупнейшим организатором партийной работы в этом регионе. Конечно, не случайно уже 10 августа «Правда» посвятила этому опусу свою передовицу «Вклад в летопись большевизма». Во-вторых, Сталин уже обдумывал планы «большой чистки» в партии и в стране. Предстояло исчезнуть сотням тысяч и миллионам людей, в том числе и большей части так называемой «ленинской гвардии». А «История партии» должна была зафиксировать в качестве образца для подражания будущим поколениям лишь деятельность тех, кто переживет эту чистку; кто, независимо от реальной биографии, поистине окажется преданным своему вождю. В вопросе, кто канет в небытие и кто останется в истории, еще предстояло определиться на протяжении ряда ближайших лет. Уже в 1932 г. застрелился Н. А. Скрыпник, в 1935 г. прошли процессы по делу «рабочей оппозиции», «Кремлевскому делу»; в августе 1936 г. суд приговорил к расстрелу Зиновьева, Каменева и других обвиняемых на этом процессе. 1937 год начался с суда над старыми большевиками, видными руководителями советской экономики – Ю. Л. Пятаковым, Г. Я. Сокольниковым; публицистом К. Радеком, игравшим видную роль в формировании курса внешней политики, и другими. А скольким еще предстояло пройти этот путь морального и физического уничтожения! Одновременно Главлит (орган советской цензуры) составлял новые списки книг, которые подлежали изъятию, уничтожению или передаче на специальное хранение. Никакие заслуги в прошлом не спасали автора от безжалостной критики, если он хоть в малейшей степени ставил под сомнение заново сочиняемую историю большевистской партии. «Правда» 9 мая 1934 г. поместила статью члена редколлегии П. Н. Пospelова с резкой критикой воспоминаний Н. К. Крупской, вдовы В. И. Ленина, где Сталин упоминался крайне редко.

В-третьих, обновленные кадры партийных работников и пропагандистов должны были получить ясно и просто написанный катехизис, не вызывавший никаких сомнений в его истинности. К февралю 1937 г. среди секретарей райкомов высшее образование имели 12,1 %, низшее – 80,3 %; среди секретарей окружных комитетов – соответственно 16,1 и 77,4 %; среди секретарей обкомов – 15,7 и 70,4 %. Такой процент полуграмотных людей, которых Сталин называл «офицерским составом партии», в определенной мере облегчал распространение новых исторических мифов. К этому моменту Сталин уже четко определил, что новая книга должна стать учебником политической грамоты по основным вопросам марксистской теории и истории России с 1880-х гг., написанным в его собственной интерпретации.

Это нашло отражение в замечаниях Сталина «Об учебнике по истории ВКП(б) (Письмо составителям учебника по истории ВКП(б))», разосланных 7 апреля 1937 г. как материал к предстоящему заседанию Политбюро и отредактированных им 13 апреля. 16 апреля было принято постановление Политбюро: «Предложить группе, работающей над учебником по исто-

⁷ Берия Л. П. К истории большевистских организаций Закавказья. (Есть убедительные свидетельства, что подлинным автором этого труда был Э. Бедия.)

рии ВКП(б) – тт. Кнорину, Ярославскому и Пospelову, положить в основу их работы проект т. Сталина и предложенную им схему периодизации истории ВКП(б)». Авторы должны были представить книгу через четыре месяца. Но на деле первый машинописный вариант появился к марту 1938 г.⁸ К этому времени уже были арестованы историки партии В. Г. Кнорин, А. С. Бубнов, В. И. Невский, Н. Н. Попов и др. Так что над текстом трудились П. Н. Пospelов и Е. М. Ярославский⁹.

Сталин, Пospelов и Жданов обсуждали первоначальный текст ночью 4 и 5 марта 1938 г. Он содержал массу фактического материала. Понятно, что авторы стремились избегать теоретических обобщений, понимая, что эта роль принадлежит теперь одному человеку. Сталин приступил к редактированию текста во второй половине мая 1938 г. Последовательно создавая образ скромного человека, он вычеркнул из книги эпизоды своей дореволюционной биографии и жизнеописаний оставшихся членов Политбюро. Дал ряд теоретических установок. Во второй половине июля – начале августа был готов второй машинописный вариант.

5 августа 1938 г. Политбюро приняло постановление «О романе Мариэтты Шагинян «Билет по истории», часть 1-я «Семья Ульяновых»». Роман, одобренный Н. К. Крупской и братом Ленина Д. И. Ульяновым, был запрещен. Дело было не только в конкретной книге. В решении было записано: «Воспретить издание произведений о Ленине без ведома и согласия ЦК ВКП(б)», т. е. без ведома Сталина. Это был еще один шаг в мифологизации истории большевистской партии.

С 15-го по 19-е, с 21-го по 24-е, с 26-го по 30-е августа Сталин никого не принимал в кремлевском кабинете. Шла активная работа над редактированием краткого курса истории ВКП(б). 16 августа Сталин написал записку членам Политбюро Пospelову и Ярославскому: «Я исходил. из целесообразности подчеркнуть и выпятить теоретические моменты истории партии ввиду слабости наших кадров в области теории и ввиду настоятельной необходимости начать ликвидацию этой слабости». Здесь же он отметил, что ему «из 12-ти глав. пришлось переделать коренным образом 11. Только 5-я глава осталась без переделки»¹⁰. Редактирование было направлено на то, чтобы, по сути, сделать историю партии безликой. По нашим подсчетам, на ее страницах в окончательном варианте указано лишь 112 фамилий членов большевистской партии. Из 38 упомянутых положительно (за редким исключением единожды) к концу 1938 г. оставалось в живых 18. Из них двоим – Ф. И. Голощекину и Н. И. Ежову – предстояло стать

⁸ Зеленов М. В. Указ. соч. // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 5, 6.

⁹ Пospelов Петр Николаевич (1898-1979). Член партии с 1916 г. Учился в Московской сельскохозяйственной академии, в 1930 г. окончил Институт красной профессуры (экономическое отделение). В 1918-1919 гг. работал в большевистском подполье в Челябинске. В 1920-1925 гг. – инструктор ЦК. В 1931-1934 гг. – член редколлегии «Правды». На XVI съезде (1930) избран членом Центральной контрольной комиссии, на XVII съезде (1934) – член Комиссии партийного контроля. В 1937-1940 гг. – зам. зав. отделом ЦК, начальник Управления пропаганды и агитации ЦК. На XVIII (март 1939) – XXII (октябрь 1961) съездах избирался членом ЦК. В 1940-1949 гг. – редактор «Правды». В 1949-1952 гг. – директор Института Маркса–Энгельса–Ленина при ЦК. С 1946 г. член-корр. АН СССР, с 1953 г. – академик. В 1953-1960 гг. – секретарь ЦК. Герой Социалистического Труда (1958). В 1957-1961 гг. – кандидат в члены Президиума ЦК. В 1961-1967 гг. – директор Института марксизма-ленинизма при ЦК. Председатель редакционных комиссий многотомных изданий «История Великой Отечественной войны Советского Союза» и «История КПСС». Ярославский Емельян Михайлович (Губельман Миней Израилевич; 1878 – 1943). Из семьи ссыльнопоселенца. Член партии с 1898 г. Активный участник революционного движения. Делегат IV (1906) и V (1907) съездов РСДРП. С 1907 г. на каторге в Горном Зерентуе, на поселении в Восточной Сибири. Делегат VI (август 1917) съезда. В октябре 1917 г. член Московского партийного центра, член Военно-революционного комитета. В 1918 г. «левый коммунист», противник Брестского мира. В конце 1918 г. автор ряда статей в «Правде» против злоупотреблений органов ВЧК на местах. В 1919-1922 гг. – председатель Пермского губкома партии, член Сибирского областного бюро ЦК. В 1921 г. – секретарь ЦК. Делегат VIII-XVIII съездов партии. На VIII (1919) – IX (1920) съездах избирался кандидатом в члены ЦК. На X (1921), XI (1922) и XVIII (1939) съездах избирался членом ЦК. На XII (1923) – XVI (1930) съездах избирался членом ЦКК; на XVII съезде – членом Комиссии партийного контроля. Один из руководителей антирелигиозной борьбы в 1920-1930-е гг. Член редколлегий газеты «Правда», журналов «Большевик», «Историк-марксист». В 1931-1934 гг. – председатель Всесоюзного общества старых большевиков. Похоронен в Кремлевской стене. Родной его брат, один из руководителей партизанского движения в Сибири в годы Гражданской войны, был репрессирован в 1937 г.

¹⁰ Зеленов М. В. Указ. соч. // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 7; 2003. № 3. С. 3.

«врагами народа» и быть расстрелянными. Из 74 человек, которых книга клеймила как оппортунистов, пособников буржуазии, предателей и шпионов, семеро успели умереть, двое (Алексинский и Троцкий) были в эмиграции, 63 – репрессированы, и только двое (С. Я. Багдатьян и А. М. Коллонтай) оставались на воле. Из 63 уничтоженных семеро являлись членами и кандидатами в члены Политбюро, тринадцать – входили в Оргбюро ЦК и семеро одновременно были секретарями ЦК¹¹. В главах XI и XII, рассказывающих о якобы громадных, всемирно-исторических успехах советской экономики, культуры; о вступлении СССР в «полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунистическому обществу», практически не названы руководители этих свершений, кроме Сталина, Кирова (в связи с его убийством 1 декабря 1934 г.), Жданова и Молотова (даны ссылки на их выступления – первого на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 г., второго – по поводу 20-летия Октябрьской революции). История партии заканчивалась описанием «триумфа партии большевиков» на выборах в Верховный Совет 12 декабря 1937 г., подтвердивших «морально-политическое единство советского народа»¹².

Одновременно Сталин весьма тщательно отработывал теоретические моменты. Приведем лишь несколько примеров. Из главы VII была убрана фраза «Октябрьская социалистическая революция положила начало международной социалистической революции пролетариата»¹³. Таким образом, предлагалось забыть, что вплоть до 1924 г. вся советская печать писала об Октябре 1917 г. как первом акте мировой пролетарской революции. В заключение Сталин, в частности, вписал следующие положения: «1) Все неком[мунистические] партии в рабочем классе – эсеры, меньшевики, анархо-синдикалисты и пр.[очие] стали контрреволюционными буржуазными партиями уже перед октябрьской революцией и впоследствии превратились в агентов иностранных разведок. 2) все оппозиционные течения внутри нашей партии – троцкисты, правые (Бухарин, Рыков), «леваки» (Ломинадзе, Шацкий), «рабочая оппозиция» (Шляпников, Медведев и др.), «демократические централисты» (Сапронов), националисты всех мастей и республик СССР, – стали в ходе борьбы врагами народа и агентами (шпионами) иностранных разведок»¹⁴. Таким образом, по отношению к уничтоженному идеологическому оппоненту совершалось не только физическое, но и моральное убийство.

Начиная с 16 августа Сталин стал рассылать отдельные главы «для просмотра и отзыва» членам и кандидатам в члены Политбюро: А. А. Андрееву, К. Е. Ворошилову, Н. И. Ежову, А. А. Жданову, Л. М. Кагановичу, М. И. Калинин, А. И. Микояну, В. М. Молотову, Г. И. Петровскому, Н. С. Хрущеву, а также Пospelову и Ярославскому. Конечно, эти отзывы были в значительной степени формальными. По нашим подсчетам, четверо – Андреев, Ежов, Каганович, Хрущев – возвращали текст без всяких предложений. Лишь иногда, например Хрущев, добавлял «Прочел с большим удовольствием, замечаний у меня нет». Еще пятеро – Ворошилов, Жданов, Калинин, Микоян, Петровский – решились высказать от одного (Жданов) до трех замечаний (Микоян), в основном редакционных поправок. В подавляющем большинстве они не были приняты. Например, Микоян обнаружил фактическую неточность во фразе: «В конце 1920 года началось освобождение Закавказья от ига буржуазных националистов...» Он напомнил Сталину, что советская власть в Азербайджане была установлена 27 апреля 1920 г.,

¹¹ Подсчет по: История ВКП(б): Краткий курс. М., 1938. С. 3-346. Голощекин Ф. И. (1876-1941) – арестован 15 октября 1939 г., расстрелян 28 октября 1941 г.; Ежов Н. И. (1895-1940) – арестован в апреле 1939 г., расстрелян 4 февраля 1940 г.; Троцкий Л. Д. (1879-1940) – смертельно ранен в Мексике 20 августа 1940 г. агентом НКВД Р. Меркадером. Поразительно, но факт, что даже в издании «Краткого курса», подписанном в печать 5 августа 1940 г., фамилии Голощекина и Ежова по-прежнему присутствуют в неизменном виде. Можно предположить, что подобный парадокс мог служить основой для мифов, что эти люди живы и где-то работают, ибо никаких официальных сообщений об их судьбе не было. Лишь в последующих изданиях эти фамилии просто исчезли.

¹² История ВКП(б): Краткий курс. С. 336.

¹³ Зеленев М. В. Указ. соч. // Вопросы истории. 2002. № 12. С. 11.

¹⁴ Там же. С. 20.

и предлагал начать предложение словами «С весны 1920 г.». Но текст изменен не был. Лишь трое внесли от 7 (Молотов, Пospelов) до 8 (Ярославский) предложений и поправок. В основном они также были частными или указывали на необходимость выделить роль Сталина в революционном движении в Закавказье (Пospelов, Ярославский), подчеркнуть роль Сталина в заключительной главе (Молотов, Ярославский). Но были и рекомендации, которые Сталин принял. Например, совет Пospelова дать характеристику национального вопроса в 5-й главе (1908-1912 гг.); предложение Ярославского сказать в той же главе о явлениях «богостроительства» и «богоискательства» в большевистской среде¹⁵.

При этом во всех отзывах звучала неприкрытая лесть. Члены Политбюро в основном делали это в сжатой форме. Например, М. И. Калинин (жена которого уже находилась в заключении) писал о первых двух главах: «Очень хорошо, не знаю, как можно сделать лучше»; о 3-й главе: «Удивительно хорошо»; о 4-й главе: «Можно сказать, что миллионы людей получили возможность почти осязательно понять идеологию коммунизма». А. И. Микоян о первых двух главах высказывался более многословно: «... выход в свет Истории КП(б) явится историческим событием в жизни партии и Коминтерна». Гораздо более развернуто выражали свой восторг люди, писавшие и готовившие «болванку» книги, – Пospelов и Ярославский.

П. Н. Пospelов 17 августа 1938 г. заявлял: «Несколько раз читал и перечитывал первые две главы «Истории ВКП(б)». Прежде всего охватывает чувство большой радости: теперь партия, в результате громадной работы, проделанной Вами, имеет действительно достойную ее историю, где все вопросы поставлены на огромную научную, теоретическую высоту и, вместе с тем, даны в кристально-ясной форме, где нет ни одного лишнего слова, где, поистине, и взвешено каждое слово, каждое определение. видишь, насколько несовершенным и по содержанию, и по форме был представленный нами в виде макета материал. Но с одним моментом, мне кажется, нельзя согласиться. При коренной переработке сокращено все или почти все, что касается истории большевистских организаций Закавказья. Между тем эта деятельность, под руководством товарища Сталина имела огромное общепартийное значение». Не уступал ему и Ярославский, писавший о 4-й главе: «Должен вам сказать, что не мог оторваться от чтения. Читая эту главу, я особенно почувствовал недостатки собственной работы в этом направлении. Вы знаете, что я не принадлежу к льстецам, поэтому вы не истолкуете мои восторги ложно»¹⁶. Эти высказывания невольно заставляют вспомнить героя пьесы Е. Л. Шварца, резавшего «правдую матку» своему королю: «Позвольте сказать, ваше величество, – вы гений!»

В первоначальном варианте книга называлась: «История ВКП(б). Краткий курс. Под редакцией Ем. Ярославского, П. Пospelова. Одобрено комиссией ЦК ВКП(б) для партийных и комсомольских школ, курсов, кружков». Затем фамилии исчезли¹⁷. Представляется, что причин могло быть несколько. Во-первых, эти люди могли исчезнуть подобно многим другим. В частности, был выведен из состава Политбюро и смещен с должности председатель Президиума Верховного Совета Украинской ССР Г. И. Петровский, хотя и оставлен в живых как депутат-большевик IV Государственной думы. Предстояло исчезнуть наркому внутренних дел, секретарю ЦК, председателю Комиссии партийного контроля, кандидату в члены Политбюро, «преданному другу товарища Сталина» Н. И. Ежову. Во-вторых, не годилось, чтобы в сознании миллионов людей, которым предстояло изучать эту книгу из года в год, закрепились чьи-либо еще имена как неприкасаемых теоретиков, кроме Сталина.

Это, в частности, подтверждала докладная записка Главлита уже после выхода «Истории ВКП(б)». Анализируя пятый номер журнала «Историк-марксист» за 1938 год, цензор, в частности, отмечал: «в передовой статье т. Ярославского «Краткая энциклопедия больше-

¹⁵ Подсчет наш: Зеленов М. В. Указ. соч.// Вопросы истории. 2003. № 3. С. 4-23.

¹⁶ Зеленов М. В. Указ. соч.// Вопросы истории. 2003. № 3. С. 4, 5, 7, 9, 10.

¹⁷ Зеленов М. В. Указ. соч.// Вопросы истории. 2002. № 11. С. 7.

визма» («История ВКП(б). Краткий курс» – *Авт.*) автор, говоря о Сталинской конституции, писал, что Сталинская конституция «стала возможна на основе глубоких перемен, которые произошли в социальном строе СССР». Эта формулировка, как неправильная, была исправлена¹⁸. Явное раздражение вызвало у Сталина обращение 28 ноября 1938 г. старого большевика, депутата IV Государственной думы Ф. И. Самойлова, директора Музея революции к заведующему секретариатом Сталина А. Н. Поскребышеву с просьбой получить от Сталина для музея несколько написанных или правленных им страниц «Краткого курса» или правленных им гранок. В ответ 6 декабря Сталин пишет: «т. Самойлову. Не думал, что на старости лет займетесь такими пустяками. зачем вам рукописи? Чтобы успокоить вас, я шегл все рукописи. С приветом, И. Сталин»¹⁹.

После начала публикации книги в газете «Правда» у Сталина каждый вечер собирались, как правило, Жданов, Молотов, Пospelов, Ярославский для обсуждения очередного материала, внесения поправок.

Одновременно с публикацией текста в «Правде» 23 сентября книга была сдана в набор и 25-26 сентября подписана к печати²⁰. Практически сразу началась широчайшая кампания по подготовке ее изучения. С этим и связан ряд выступлений Сталина, о которых говорилось выше. В них звучало несколько основных идей. Во-первых, что книга обращена прежде всего к руководящим кадрам, к восьми миллионам работников аппарата управления. Во-вторых, что ЦК (следует понимать, Сталин) настаивал на уклоне «этой книги в сторону теоретических вопросов», ибо «история, заостренная на лицах, для воспитания наших кадров ничего не дает или дает очень мало». В-третьих, книга построена по принципу трех узлов, трех этапов: борьба за образование большевистской партии (1-4-я главы), борьба большевистской партии за победу пролетарской революции (5-7-я главы), партия большевиков у власти (7-12-я главы)²¹.

Спустя ряд лет выход «Краткого курса истории ВКП(б)» был официально оценен авторами биографии Сталина следующим образом: «Выход в свет этой книги явился крупнейшим событием в идейной жизни большевистской партии. Партия получила. настоящую энциклопедию основных знаний в области марксизма-ленинизма. Со сталинской четкостью и глубиной в этой книге изложен и обобщен гигантский исторический опыт коммунистической партии, равного которому не имела и не имеет ни одна партия в мире»²².

Последствия появления «Краткого курса» для советской исторической науки, для советской философии, для всей духовной жизни советского общества были крайне серьезными и печальными. У огромного аппарата Главлита появилось безошибочное лекало, которое они вплоть до 1956 г. прикладывали ко всем статьям, брошюрам, книгам, касавшимся данного периода российской истории или проблем марксистско-ленинской теории. Были изъяты из свободного пользования стенограммы партийных конференций, «Материалы и документы к XV съезду ВКП(б)», «Партия и оппозиция накануне XV съезда ВКП(б). Сб. документальных материалов», 1-е и 2-е издания «Истории ВКП(б)» под общей редакцией Ярославского и огромное количество другой литературы²³. Но даже после 1956 г., после критики культа личности Сталина, трупный яд этой книги многие годы мешал воссозданию правдивой истории России, реальной истории большевистской партии. Даже в многотомной «Истории КПСС», издававшейся в 1960-1980-е гг. под редакцией Б. Н. Пономарева, ощущается влияние «Краткого курса». Поэтому одной из важнейших задач подлинных ученых-историков после 1956 г. было

¹⁸ Зеленов М. В. Главлит и историческая наука в 20-30-е годы // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 32.

¹⁹ Зеленов М. В. Указ. соч. // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 24-25.

²⁰ История ВКП(б): Краткий курс. М., 1938. С. 352.

²¹ Зеленов М. В. Указ. соч. // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 5-21.

²² Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. М., 1948. С. 163.

²³ Зеленов М. В. Главлит и историческая наука в 20-30-е годы // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 32.

постепенное разрушение и преодоление концепции «Краткого курса». Значительная заслуга в этом принадлежит, в частности, таким советским историкам, как А. Я. Аврех, Э. Н. Бурджалов, П. В. Волобуев, Р. Ш. Ганелин, В. С. Дякин, О. Н. Знаменский, И. П. Лейберов, В. Д. Поликарпов, Г. Л. Соболев, В. И. Старцев, К. Н. Тарновский, Ю. Токарев и многие другие. Испытывая постоянное давление идеологической цензуры, они создавали труды, в которых, пусть в ограниченных рамках, действовали реальные персонажи российской истории, и она представляла в сложном переплетении разнонаправленных процессов.

С начала 1990-х гг. подлинная история Коммунистической партии России и Советского Союза оказалась, по сути, вновь забытой. Ее нередко заменяют другие мифы, легенды различного идеологического содержания. Средства массовой информации нередко демонизируют фигуру Ленина – одного из крупнейших политиков XX в. – или придают ей карикатурный облик. Но большевистская (коммунистическая) партия существовала и действовала на протяжении более 90 лет, оказывала после 1917 г. огромное воздействие на жизнь России и СССР, а также и всего человечества. Поэтому группа историков сделала попытку воссоздать в рамках «Краткого курса» реальную историю РСДРП – РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) во всей ее сложности, драматичности и трагедийности.

І Раздел РСДРП в 1898-1913 гг.

І глава «Призрак коммунизма» приходит в Россию

Царская Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития... Царская Россия была тюрьмой народов... Уже в 70-х и особенно 80-х годах прошлого (XIX. – ред.) столетия рабочий класс в России начал пробуждаться и повел борьбу с капиталистами... До появления марксистских групп революционную работу в России вели народники, являвшиеся противниками марксизма... Народники отвлекали внимание трудящихся от борьбы с классом угнетателей бесполезными для революции убийствами отдельных представителей этого класса.

История ВКП(б): Краткий курс

Утром 1 марта 1881 г. в Петербурге в квартире дома № 5 на Тележной улице собрались члены тайной революционной организации «Народная воля». Дочь действительного статского советника 27-летней Софья Перовская передала четыре бомбы Гриневицкому, Рысакову, Емельянову и Тимофею Михайлову. Эти «метательные снаряды» (бомбы) были в срочном порядке изготовлены накануне за 15 часов талантливым изобретателем Николаем Кибальчицем и его двумя товарищами. Тем самым народовольцы завершили подготовку к покушению на жизнь императора Александра II, которому Исполнительный комитет организации вынес смертный приговор еще в августе 1879 г. Революционеры надеялись, что убийство императора станет сигналом к всеобщему восстанию народа. Шесть их предыдущих попыток убить царя завершились неудачей. На сей раз народовольцы торопились, так как в начале 1881 г. один за другим в руки властей попали ведущие деятели «Народной воли», а 27 февраля был арестован и главный организатор готовящегося покушения Андрей Желябов. Но это не изменило планов террористов. На Малой Садовой улице, в доме № 4, в помещении, снятом под сырную лавку, они вырыли подкоп, чтобы взорвать царскую карету на обратном пути в Зимний дворец из Михайловского манежа, но 1 марта царь возвращался другой дорогой.

Примерно в 14 часов 30 минут лейб-кучер Фрол Сергеев повернул царскую карету на набережную Екатерининского канала. С. Л. Перовская подала условный знак. Еще через несколько секунд Н. И. Рысаков бросил бомбу в карету царя. Александр II не пострадал, но экипаж был разрушен, смертельно ранены казак охраны и мальчик-прохожий. Через несколько минут И. И. Гриневицкий бросил бомбу между собой и вышедшим из кареты императором. Когда развеялся дым, то очевидцы увидели страшную картину: два десятка раненых людей лежали на мостовой, стонали и кричали от полученных ран, а среди снега, мусора и крови виднелись остатки изорванной одежды, кровавые куски человеческого мяса, и, самое жуткое, они увидели окровавленного самодержца с раздробленными ногами. Третий метальщик, Емельянов, потрясенный увиденным, забыв, что у него под мышкой портфель с бомбой, бросился помогать усаживать царя в сани. Александра II привезли в Зимний дворец, где он и скончался.

Убийство царя-освободителя ознаменовало собой поворот в государственной жизни России. Новому императору Александру III, потрясенному убийством отца, предстояло сделать выбор: или продолжить преобразования, или приостановить их и внести определенные коррективы. В первую очередь следовало определить судьбу подготовленного министром внут-

ренных дел М. Т. Лорис-Меликовым проекта реформы политической системы страны, который предусматривал привлечение «сведущих людей» – представителей земств и городских дум – к законотворческой деятельности в Государственном Совете. Утром трагического дня 1 марта 1881 г. Александр II одобрил этот проект. После гибели Александра II решение было принято быстро. 8 марта на заседании Совета министров К. П. Победоносцев, обер-прокурор Синода, а также воспитатель императора в бытность того наследником, выступил с пламенной речью не только против проекта Лорис-Меликова и конституционных идей, но и высказал резкую критику всей внутренней политики предыдущего царствования, приведшей, по его мнению, к гибели императора. Александр III, по сути, поддержал Победоносцева, заявив: «Да, все мы виноваты». 29 апреля 1881 г. увидел свет написанный Победоносцевым Манифест «О незыблемости самодержавия», который возвестил жителям России волю нового императора сохранить во всей полноте самодержавную власть, унаследованную от предков. В обществе этот документ получил ироничное название «ананасного» из-за торжественной фразы: «а на нас возложить священный долг самодержавного правления»²⁴. Тем самым император дал понять всем, и в первую очередь народовольцам и либерально настроенной публике, что он не собирается привлекать к управлению государством «общество» или «народ» и делиться властью. Издание манифеста повлекло за собой отставку министров-реформаторов М. Т. Лорис-Меликова, А. А. Абазы и Д. А. Милютина.

Новый курс Александра III предполагал не только пересмотр законов и учреждений, появившихся в эпоху реформ, но и решительную борьбу с революционным движением. После убийства императора полиция с помощью «расколовшегося» на допросе Рысакова схватила всех руководителей «Народной воли». 10 марта на Невском проспекте была опознана и арестована Перовская. Суд приговорил цареубийц – Желябова, Перовскую, Кибальчича, Михайлова, Рысакова – к виселице. Казнь состоялась солнечным утром 3 апреля 1881 г. на Семеновском плацу столицы, в присутствии разной многочисленной публики, которая в массе своей полагала, что это вешают дворянских сынков, отомстивших все-таки царю-батюшке за освобождение крестьян от крепостной неволи.

Для борьбы с «крамолой» в 1881 г. на местах появились новые учреждения полицейского сыска – Отделения по охране порядка и общественной безопасности (так называемые охранки). В отличие от жандармов они работали негласно, имели свою обширную секретную агентуру и сыщиков – «филеров». С 1883 г. в Париже начала действовать заграничная политическая агентура, которая вела слежку за революционерами-эмигрантами по всей Европе. На Сахалине была открыта политическая каторга. Всего в царствование Александра III по политическим мотивам было осуждено около 4 тыс. человек, из них 17 казнено. Министр внутренних дел Д. А. Толстой был недалек от истины, когда в 1888 г. заявил о том, что в России не осталось ни одного революционера.

В числе казненных государственных преступников были и студенты Петербургского университета – члены «Террористической фракции «Народная воля»», готовившие покушение на царя. Агенты полиции выследили и задержали «бомбистов» на Невском проспекте в 11 часов утра 1 марта 1887 г. Цесаревич Николай II записал в тот день в своем дневнике: «Боже! Какое счастье, что это миновало!» По решению суда пятерых «первомартовцев» повесили 8 мая 1887 г. в Шлиссельбургской тюрьме. Среди казненных был и старший брат В. И. Ленина Александр Ульянов. Император Александр III написал синим карандашом на первом листе следственного дела: «На этот раз Бог нас спас, но надолго ли? Спасибо всем чинам и агентам полиции, что не дремлют и действуют успешно»²⁵. Сомнения государя вскоре подтвердились, хотя сам он не подозревал, что в недалеком будущем полиции предстоит иметь дело не с группой терро-

²⁴ См.: Твардовская В. А. Александр III // Российские самодержцы. М., 1994. С. 238.

²⁵ 1 марта 1887 г. М. – Л., 1927. С. 362.

ристов, а с новой силой, которая зарождалась в недрах российского общества, – на авансцену политической жизни страны выходило рабочее движение.

Александр Ульянов

1. Россия в пореформенный период: новые надежды и новые разочарования: 1860-1880-е гг.

Со смертью Александра II, царя-освободителя, закончилась эпоха в истории России, названная современниками эпохой Великих реформ. Преобразования 1860-1870-х гг. были вызваны самой жизнью и особенно поражением России в Крымской войне, которая со всей очевидностью показала военно-техническую отсталость страны. Российское общество требовало перемен, а власть в лице императора – «реформатора поневоле», как о нем сказал историк В. О. Ключевский, – понимала, что косметическими изменениями на сей раз не обойтись. Было очевидно, что без решительных изменений «сверху» Российская империя могла навсегда перейти в разряд второстепенных европейских стран.

Крестьянская реформа, в результате которой 23 млн крепостных крестьян получили долгожданную «волю», судебная, военная, земская, городская реформы дали мощный импульс социально-экономической жизни страны и ознаменовали начало новой России, выраставшей из крепостнической эпохи. В стране быстрыми темпами развивалось промышленное производство, что явилось следствием создания в стране рынка наемной рабочей силы, капиталов и товаров. В пореформенный период возникли новые отрасли промышленности, с которыми связывался индустриальный прогресс: нефтедобыча, химическая, угольная промышленность, транспортное машиностроение. Локомотивом российской индустриализации стало железнодорожное строительство: надо было наращивать производство рельсов, паровозов, вагонов. Новые магистрали связали центр страны с Поволжьем, черноморскими и балтийскими портами, с западной границей империи. В середине 1890-х гг. железные дороги устремились на Север, в Сибирь и Среднюю Азию, через Кавказский хребет. В 1880-1898 гг. была построена Среднеазиатская железная дорога длиной 2,5 тыс. км. В 1891 г. развернулось строительство

Транссибирской магистрали (или Великого сибирского пути, как ее еще называли) протяженностью около 9 тыс. км. Дорога соединила Европейскую Россию с дальневосточной окраиной империи (от Челябинска до Владивостока) и стала одним из самых успешных проектов в российской истории. В 1902 г. Транссиб был завершен. Французские журналисты писали, что после открытия Америки Колумбом «история не знала более выдающегося события, чем постройка Транссибирской магистрали»²⁶. Всего же за 40 лет после отмены крепостного права объем промышленной продукции в России увеличился более чем в 7 раз (в то время как в Германии в 5 раз, во Франции – в 2,5 раза, в Англии – в 2 раза)²⁷.

Таким образом, на рубеже веков Россия стала аграрно-индустриальной державой с огромными потенциальными возможностями. Россия занимала 5-е место в мире и 4-е в Европе по абсолютным показателям промышленного производства. Однако несмотря на очевидные успехи индустриализации, она по-прежнему оставалась сельскохозяйственной страной – 80 % населения было занято в аграрном секторе экономики. Наряду с США страна была главным экспортером зерна на мировом рынке. Российская экономика была многоукладной – рядом соседствовали крупные фабрики, небольшие предприятия и кустарное производство. Министр финансов С. Ю. Витте в 1900 г. писал в докладной записке Николаю II, что «в промышленном и в торговом отношении Россия очень отстала от главнейших иностранных государств».

Российскую империю конца XIX в. невозможно представить страной с «молочными реками и кисельными берегами» еще и потому, что в ней оставались нерешенными старые проблемы, которые со временем становились все острее. Прежде всего, ключевой для страны аграрный вопрос: деревня страдала от перенаселения и малоземелья. Крестьяне, получившие за выкуп земельный надел, лишились при этом примерно пятой части земли (так называемые «отрезки»), которой они пользовались до реформы. Это обстоятельство, а также тот факт, что за полученные наделы земли, которую крестьяне считали Божьей и смотрели на нее как на общее достояние тех, кто ее обрабатывает, они должны были расплачиваться с помещиками и государством, вызывало их недовольство, нередко перераставшее в бунты. При этом каждый крестьянин был «приписан» к своей общине, которая и распоряжалась землей, и без согласия «мира» не мог из него выйти. Получилось так, что, освободившись от помещика, вчерашние крепостные оказались в плену общины, которая сдерживала развитие инициативы, самостоятельности в крестьянском хозяйстве. Рост населения в деревне (с 50 млн человек в 1861 г. до 86 млн в 1900 г.) не только множил малоземелье, но и готовил все более массовую основу будущих социальных потрясений. Доходность основной массы крестьянских хозяйств была крайне низкой. Треть крестьянских дворов была безлошадной, еще одна треть имела только одну лошадь. Крестьян выручали различные местные и отхожие промыслы. Многие деревни вокруг промышленных центров назывались «бабьими», так как мужское население постоянно находилось на заработках.

Немало «взрывоопасных» проблем накопилось в России и в области межнациональных отношений. По данным переписи 1897 г., на территории страны проживало 140 различных народов. В конце XIX в. самодержавие стало последовательно проводить политику русификации национальных окраин. Особые правила ограничивали права еврейского населения. С конца XVIII в. для евреев была введена так называемая черта оседлости, означавшая право их проживания лишь в 15 западных губерниях. Исключение составляли купцы 1-й гильдии, лица с высшим образованием и ряд других категорий граждан. Евреям было запрещено покупать землю и заниматься земледельческим трудом. В учебных заведениях для них была введена «процентная норма» – 10 % в «черте оседлости», 5 % – в других районах и 3 % – в Петербурге и Москве. При этом особенно тяжелым было положение еврейской ремесленной и пролетарской

²⁶ См.: Корелин А. П., Степанов С. А. С. Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 112.

²⁷ Хромов П. А. Экономическое развитие России. М., 1967. С. 283.

бедноты. Начало 1880-х гг. было отмечено серией еврейских погромов в южных и западных губерниях России. Поводом к ним послужили широко расходившиеся в народной массе слухи, что якобы именно евреи были повинны в убийстве царя Александра II. Все это во многом объясняет, почему в российском революционном движении был так высок удельный вес еврейской молодежи. С другой стороны, алчность еврейской буржуазии нередко приводила к тому, что крестьяне и горожане видели в ней причину своих финансовых бед, и поэтому официальный антисемитизм получал подкрепление снизу.

Реформы Александра II не затронули высшие органы государственной власти. Царь-освободитель верил в то, что самодержавие является лучшей и наиболее органичной для русского народа формой правления. Кроме того, он был убежден, что не только простой мужик, но и высшие слои русского общества не достигли еще, по его словам, «той степени образованности, которая необходима для представительного правления»²⁸. В 1865 г. император так ответил на предложение собрать «выборных людей»: «Я готов подписать какую угодно конституцию, если бы я был убежден, что это полезно для России. Но я знаю, что сделаю я это сегодня – и завтра Россия распадется на куски». Александр II считал, что реформы не должны привести к дестабилизации общества, распаду многонациональной империи. Его преемник Александр III, отличавшийся прямоотой суждений, после восшествия на престол так заявил петербургскому градоначальнику: «Конституция? Чтобы русский царь присягал каким-то скотам?!»²⁹ Таким образом, Российская империя по-прежнему оставалась самодержавной монархией: до 1905 г. никакая политическая деятельность в стране, кроме государственной, не имела легального основания.

Быстрое развитие капитализма в пореформенный период постепенно меняло социальную структуру населения. Наряду с традиционными сословиями в новых условиях шел процесс формирования промышленной буржуазии и пролетариата, основу которого составляли постоянные рабочие, лишенные средств производства, разорвавшие связь с землей и собственным хозяйством и весь год трудившиеся на фабриках и заводах. Численность рабочего класса (всех, начиная с сельскохозяйственных наемных работников и заканчивая рабочими крупных предприятий) выросла за пореформенный период почти в 4,5 раза и составила в 1900 г. 14 млн человек. Среди них особое место занимали фабрично-заводские рабочие: если в 1860 г. их было 0,72 млн человек, то в 1890 г. – уже 1,5 млн, а в 1900 г. – 2,81 млн. Особенно выделялись главные индустриальные центры – Санкт-Петербург и Москва, где трудилось более трети всех фабрично-заводских рабочих страны³⁰.

Реформы Александра II мало затронули рабочих. Их положение оставалось бесправным, а условия труда тяжелыми. Произвол предпринимателей ничем не ограничивался. Рабочее законодательство отсутствовало. Один из первых фабричных инспекторов Московской губернии профессор Московского университета И. И. Янжул констатировал: «Хозяин фабрики – неограниченный властитель и законодатель, которого никакие законы не стесняют, и он часто ими распоряжается по-своему, рабочие ему обязаны «беспрекословным повиновением», как гласят правила одной фабрики»³¹. Обычно, вплоть до 1880-х гг., наем рабочих на фабрично-заводские предприятия практиковался на основе «словесного» или письменного договора сроком на год, чаще всего «от Пасхи до Пасхи». До истечения установленного срока у рабочих забирались в контору паспорта, и они фактически лишались свободы, не имея права требовать досрочного расчета. В то же время предприниматели имели право по своему усмотрению уволить рабочего в любое время за «дурную работу» или за «дерзкое поведение». Внед-

²⁸ См.: Захарова Л. Г. Александр II // Российские самодержцы... С. 191.

²⁹ См.: Троицкий Н. А. Россия в XIX веке: Курс лекций. М., 1997. С. 299.

³⁰ «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX – начале XX в. // История предпринимательства в России. Кн. 2. М., 1999. С. 345.

³¹ Там же. С. 349.

рение машинного производства вело к резкому росту продолжительности рабочего дня для всех категорий рабочих, в среднем она составляла по всей России от 12 до 15 часов в сутки. Наиболее длительным он был на предприятиях текстильной, пищевой и горнозаводской промышленности. Интенсивно применялся дешевый труд женщин, малолетних детей и подростков, особенно на текстильных, пищевых, резиновых, спичечных, табачных фабриках.

Заработная плата задерживалась и выплачивалась неаккуратно. Все зависело от воли хозяина: рабочие должны были выпрашивать у фабриканта как особую милость заработанные ими деньги. Хозяин предприятия выдавал деньги рабочим или два раза – на Пасху и Рождество, или три-четыре раза (иногда чаще) в год. Нередко расплата производилась товарами: на многих предприятиях рабочие были обязаны в принудительном порядке покупать товары в хозяйственной лавке по завышенным ценам. Фабричные торговые точки давали огромный доход фабрикантам. На рубеже XIX–XX вв. зарплата русских рабочих оставалась в среднем в 2 раза ниже, чем в Англии, в 4 раза ниже, чем в США. Лишь у 4 % высококвалифицированных рабочих она превышала прожиточный минимум.

До виртуозности была развита система штрафов, которые иногда достигали половины заработка. Штрафовали, например, за пение (вчерашние крестьянки никак не могли отвыкнуть от деревенской привычки петь во время работы), за курение, за выход за ворота во время рабочего дня, за появление в конторе не поодиночке. Общая сумма штрафов достигала на некоторых фабриках нескольких тысяч рублей в год и также являлась немаловажным источником дохода.

Регламентировался не только труд рабочих, но и их личная жизнь: проживавшие в фабричных казармах могли отлучаться только в определенные сроки. Рабочие не были защищены от издевательств и оскорблений со стороны хозяина и его подручных. В Москве, например, даже в начале 1890-х гг. на фабрике «Карл Тиль и К^о» применялись розги.

Чудовищными оставались жилищные условия большинства рабочих, причем в связи с быстрым ростом их численности жилищный вопрос даже обострялся. По данным фабричного инспектора С. Гвоздева, в 1897 г. только 25 % рабочих жили в своих домиках, остальные снимали жилье у частных лиц и почти половина пользовалась фабричными общежитиями-казармами, в которых условия были «крайне антисанитарные», а «грязь, вонь и теснота не поддаются описанию». Все это рождало у рабочих тягостное ощущение ущербности своей жизни, чувство безнадежности, неосознанную злобу. В рабочих кварталах нередко процветали пьянство, драки, поножовщина.

Всякие организации рабочих, в том числе по защите их экономических интересов, были запрещены. Роль арбитра в отношениях фабрикантов и рабочих брало на себя государство. С конца 1850-х гг. правительственные чиновники неоднократно создавали комиссии для разработки фабрично-заводского законодательства, в их работе принимали активное участие представители петербургских и московских деловых кругов. Однако какие-либо попытки запретить или ограничить детский труд, ввести фабричную инспекцию и другие подобные предложения наталкивались на сопротивление предпринимателей. Поэтому все проекты были благополучно положены под сукно в министерских архивах.

2. Первые шаги рабочего движения: 1870-1880-е гг.

Революционеры-народники и фабричные смутьяны

Конец 1860-х – начало 1870-х гг. ознаменовались нарастанием недовольства рабочих и усилением рабочего движения. Особенно обострились отношения между рабочими и предпринимателями в ведущей отрасли страны – текстильной, прежде всего хлопчатобумажной,

промышленности. Широкий резонанс получила стачка на Невской бумагопрядильне в Петербурге в мае 1870 г., в которой приняли участие 800 ткачей и прядильщиков. Рабочие требовали увеличения сдельной оплаты труда. Суд над ее организаторами сделал достоянием гласности дикий произвол на фабрике. Присяжные заседатели осудили зачинщиков всего на несколько дней ареста, а вышестоящая судебная инстанция вообще всех оправдала. Это обстоятельство стало причиной правительственного запрета на публикацию в прессе сведений о стачках и издания секретного циркуляра, в котором признавалось, что эта стачка «явление совершенно новое, до сего времени еще не проявлявшееся». Циркуляр был разослан на места губернаторам с требованием, «чтобы они имели самое строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением»³². Губернаторам рекомендовалось не допускать «дела» о стачках до судебного разбирательства и высылать их зачинщиков в административном порядке.

В августе 1872 г. произошла мощная стачка на Кренгольмской мануфактуре, в ходе которой 7 тысяч рабочих предъявили следующие требования: продлить обеденный перерыв на полчаса, прекратить работу детей по вечерам, уменьшить размер штрафов, установить более точные расценки при поштучной работе и удалить из больницы фельдшера, которым были недовольны рабочие. Власти вначале вступили с рабочими в переговоры, а затем вызвали войска. «Подстрекателей» жандармы арестовали. Стачки на Невской бумагопрядильне и на Кренгольмской мануфактуре дали основание для публикации в печати заявлений о появлении в России «рабочего вопроса».

На серую, забитую рабочую массу обратили внимание не только правительственные чиновники и журналисты, но и представители нового поколения революционеров, получивших название народников. Многие из них были выходцами из среды разночинной молодежи, отрицавшей идеалы своих отцов и традиции прошлого. Тургенев дал им название «нигилисты», себя они называли «новыми людьми». Подобно движению декабристов, выраставшему из дворянского свободолюбия, народничество в нравственном плане опиралось на нигилизм разночинцев.

Длинноволосые, радикально настроенные молодые люди были уверены, что царь и его вороватые чиновники обманули крестьян, которые, по их мнению, после отмены крепостного права в 1861 г. не получили настоящей свободы. Не дождавшись крестьянского восстания как ответа на тяжелые для народа условия крестьянской реформы, сторонники крайних мер, хотя их было не много, перешли к пропаганде революционного насилия, распространяя прокламации, призывавшие «Русь к топору». Правительство ответило репрессиями.

Не принимая существующего порядка вещей, революционеры-народники были убеждены в особенности исторического развития России, верили в то, что она минует капиталистический этап развития и придет к справедливому обществу – социализму через крестьянскую революцию, опираясь на крестьянскую общину и рабочие артели в городах. Родоначальниками теории русского крестьянского социализма, учителями и кумирами молодежи были А. И. Герцен, издававший в Лондоне газету «Колокол», и Н. Г. Чернышевский, написавший в 1863 г. в камере Петропавловской крепости роман «Что делать?».

В 1870-е гг. многочисленные группы и кружки народников объединяла идеология революционного народничества, внутри которого обычно выделяют три направления: бунтарское (М. А. Бакунин), пропагандистское (П. Л. Лавров) и заговорщическое (П. Н. Ткачев). Бывший профессор артиллерийской академии П. Л. Лавров в своем сочинении «Исторические письма» дал ответ на вопрос, чем должна заниматься передовая молодежь. Главное – посвятить себя борьбе за освобождение народа, отодвинув все другие увлечения, вернуть «долг интеллигенции» народу за полученное образование, отправившись в деревню, чтобы помочь крестьянам вооружиться культурными знаниями и осознать справедливость социалистических идей.

³² Там же. С. 351.

В начале 1870-х гг. Лавров начал издавать в Цюрихе журнал «Вперед!» – первый печатный орган русских революционеров.

В 1874 г. началось уникальное в мировой истории массовое «хождение в народ», ставшее проверкой идеологии революционного народничества на практике. Революционеры-пропагандисты, половина из которых вышла из студентов, разошлись по всему обширному пространству Европейской России, за исключением Кавказа и самых северных губерний. У каждого молодого человека можно было найти в кармане или за голенищем фальшивый паспорт на имя какого-нибудь крестьянина или мещанина, а в узелке крестьянскую одежду и несколько революционных книг и брошюр. Главным оружием молодых революционеров было слово – устное и печатное. Этот поход разночинной интеллигенции закончился неудачей. Народ оставался глухим к проповедям социализма и к «бунтарской пропаганде», несмотря на то, что некоторые «ходебщики» даже предпринимали попытки вызвать волнения в народе от имени царя, то есть с помощью самозванства. Более того, крестьяне сами часто помогали арестовывать «смутьянов», «врагов царя». По всей стране жандармы переловили до 4 тыс. человек. В 1877 г. в Петербурге начался большой судебный процесс, к которому было привлечено 193 человека. 99 из них были приговорены к каторге, тюремному заключению, ссылке, остальные были оправданы за отсутствием состава преступления.

Провал «хождения в народ» показал, какая пропасть отделяла молодых пропагандистов-революционеров от мужика-крестьянина, которого они знали в основном по литературе. Тем не менее, народники не отказались от своих первоначальных целей, они лишь изменили тактику и, кроме того, стали искать пути и в рабочую среду. При этом самостоятельного значения рабочему классу они не придавали, считая его лишь частью трудового народа. Чем ближе к крестьянской массе стоял рабочий, тем больше он ими ценился. В этом отношении рабочих они делили на заводских и фабричных. Последним уделялось больше внимания, поскольку они раза 3-4 в год посещали свои села, где соприкасались с крестьянским миром, и, таким образом, по замыслу народников, должны были стать хорошими посредниками между революционной интеллигенцией и крестьянством. В середине 1870-х гг. народнические группы уже существовали на фабриках и заводах Петербурга, Москвы, Одессы, Харькова, Киева, Ростова-на-Дону, Орла, Тулы и других городов. Как правило, просветительская работа выражалась в создании немногочисленных вечерних кружков, в которых рабочие после трудовой смены изучали школьные предметы; кроме того, интеллигенты читали и обсуждали с ними произведения революционно-демократических писателей.

Наибольшую известность среди таких групп получила «Всероссийская социально-революционная организация», созданная в 1875 г., в которую наряду с интеллигентами-народниками (С. И. Бардина, И. С. Джабадари, Г. Ф. Зданович, Л. Н. Фигнер) вошли и рабочие. После непродолжительного общения с рабочими Лиговской артели Петербурга члены этой организации переехали в Москву и охватили пропагандой 20 фабрик. В начале апреля 1876 г. полиция арестовала все ядро группы. В 1877 г. проходил «процесс 50-ти». Одиннадцать подсудимых отказались от защиты, но при этом договорились выступить с программными речами. Кто-то должен был высказаться и от рабочих. Выбор пал на московского ткача Петра Алексеева, обладавшего могучим голосом. Алексеев тщательно готовился. Он сам написал свою речь (И. С. Джабадари только отредактировал ее), а затем выучил и декламировал у себя в камере. Накануне выступления, во время обеденного перерыва в судебном заседании, к великому удивлению жандармов, окружавших подсудимых, Алексеев с товарищами провел нечто вроде генеральной репетиции.

Яркая, обличительная речь рабочего Петра Алексеева, произнесенная 9 марта 1877 г., произвела в обществе громадное впечатление. Алексеев, который, по его собственным словам, «чуть ли не с самой колыбели всю свою жизнь зарабатывал 17-часовым трудом кусок черного хлеба», показал бедственное положение российского пролетариата. Он закончил свою эмоци-

ональную речь словами: «Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда... и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!»³³ В. Н. Фигнер вспоминала: «Как хорош был он в своей белой рубаше со смелым жестом поднятой кверху полуобнаженной, мускулистой руки. Тщетно председатель останавливал его. Тщетно кричал; рабочий громогласно закончил свой пламенный призыв, и, казалось, в лице его в зале заседания говорит весь пролетариат»³⁴. Позже В. И. Ленин оценил эти слова в речи Алексеева как «великое пророчество русского рабочего-революционера». Как вспоминал И. С. Джабадари, «сочувствие публики к Петру Алексееву после произнесенной им речи было так сильно, что на другой день вся камера Петрухи была завалена табаком, сигарами, фруктами, жареной дичью, поросятами, индейками, конфетами и печениями, а также платьем и бельем. Петруха, вскормленный на черном хлебе, иногда, быть может, пополам с лебедой, дивился, какими сластями питаются бары, купцы и попы, и, шутя говорил, что, если бы всегда его кормили так на убой, он, пожалуй, и не произнес бы своей речи»³⁵.

Выступление рабочего П. Алексеева на суде 10 марта 1877 г.

Тексты речей подсудимых по «процессу 50-ти» были переданы «на волю» и отпечатаны в нелегальной петербургской типографии А. Н. Аверкиева (за это он поплатился ссылкой). Их читала вся Россия. Дальнейшая судьба Петра Алексеева печальна: он был приговорен к 10 годам каторги, затем оказался в якутской ссылке. 16 августа 1891 г. он был убит грабителями, которые позарились на небольшие деньги, хранившиеся у него в подушке для побега. Когда о судьбе Алексеева еще не было известно (предполагалось, что он бежал), директор департа-

³³ Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. М., 1950. Т. II, ч. 2, с. 263.

³⁴ Фигнер В. Шлиссельбургские узники 1884-1905 гг. Биографические очерки. М., 1920. С. 55-56.

³⁵ И. С. Джабадари. «Процесс 50-ти» (Всероссийская социально-революционная организация) 1874-1877 гг. // Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге / Сост. В. Н. Гинев. Л., 1986. С. 217.

мента полиции Дурново разослал секретный циркуляр; в нем разъяснялось «первостепенное значение», которое правительство придает аресту «рабочего-революционера, закоренелого и стойкого в своих убеждениях».

В 1876 г. народнические кружки и группы объединились в подпольную организацию «Земля и воля» – самую крупную за всю историю революционного народничества. Продолжая делать ставку на мужика-крестьянина, землевольцы поддерживали разрозненные выступления рабочих, надеясь возбудить в пролетарской среде «бунтарский дух». Наиболее зримо эту тактику народники применили в Петербурге. 3 марта 1876 г. похороны замученного длительным тюремным заключением студента П. Чернышева вылились в демонстрацию с участием более 2 тыс. человек. Рабочие и ведущие среди них пропаганду студенты-землевольцы увидели, какое впечатление произвела эта акция протеста, и решили провести свою политическую демонстрацию, которая должна была показать правительству, что за интересы народа выступают не только студенты и наиболее передовая часть общества, но и сами трудящиеся. Предполагалось, что в ней примут участие 2-3 тыс. рабочих. По замыслу организаторов, после митинга все должны были направиться на Невский проспект и, если удастся, выйти на Дворцовую площадь, «чтобы требовать освобождения политических арестантов из тюрем». На деле все получилось не так, как задумывали организаторы, среди которых находился бывший студент Георгий Валентинович Плеханов, бросивший учебу в Петербургском горном институте. 6 декабря 1876 г. у Казанского собора собрались в основном студенты и курсистки. По данным Плеханова, рабочих было всего 200-250, по другим – еще меньше. Плеханов произнес перед собравшимися короткую речь, в которой выразил солидарность с Н. Г. Чернышевским и другими «мучениками» за народное дело. При словах: «Наше знамя – их знамя. На нем написано: земля и воля крестьянину и работнику!» 16-летний рабочий Торнтоновской фабрики Яков Потапов развернул и поднял на руках красное полотнище. Не успел еще Плеханов закончить речь, как начала действовать полиция. На помощь ей бросились дворники, извозчики и некоторые из «публики», как свидетельствуют полицейские документы, «которые против врагов царя» – «господ и девок в платках», пустили в ход кулаки и кнуты. Собравшиеся были окружены, побиты и рассеяны, а 31 человек был арестован, но организаторам демонстрации, в том числе Плеханову, удалось избежать ареста. Трех рабочих, в том числе Потапова, суд приговорил к пятилетнему монастырскому покаянию на Соловках «для исправления их нравственности и утверждения их в правилах христианского долга».

Мнение современников о Казанской демонстрации было противоречивым. Оценивая ее значение, Плеханов отмечал, что она была «первым крупным плодом сближения народников с петербургским пролетариатом». Либеральная печать высмеяла демонстрацию, и даже со стороны большей части революционеров она вызвала порицание. Рабочие полагали, что из нее вышло совсем не то, чего они хотели. Пролетариат стремился к борьбе за свои конкретные нужды, а не за отвлеченные демократические идеи. Непонятной для рабочих оказалась и надпись на знамени.

Через год, 9 декабря 1877 г., петербургские рабочие провели свою, пролетарскую демонстрацию, в которой приняли участие землевольцы. Поводом к выступлению стала гибель от взрыва 9 рабочих казенного патронного завода на Васильевском острове. Виновато было заводское начальство, пренебрегавшее элементарными требованиями технической безопасности. Во время похорон на Смоленском кладбище полиция пыталась арестовать рабочего-оратора. Однако тысячная толпа рабочих и присутствовавшие здесь революционеры, которые по этому случаю были хорошо вооружены, дали решительный отпор. Особенно энергично набросились на полицейских С. Халтурин, В. Осинский и Г. Плеханов. В результате демонстранты одержали маленькую победу. Как отмечал Плеханов, это выступление явилось второй после Казанской демонстрации практической попыткой осуществить агитацию среди рабочих Петербурга.

«Земля и воля» проявила себя еще в одном деле, получившем громкий резонанс. Речь идет о стачке на Новой бумагопрядильне в Петербурге. На сей раз поводом к выступлению рабочих стало снижение расценок, приведшее к значительному уменьшению заработной платы. Своеобразие стачки заключалось в том, что впервые рабочие обратились с петицией непосредственно к царственной особе, наследнику престола – будущему императору Александру III. По признанию самого сознательного пролетария Петра Моисеенко (товарищи называли студентом), «вера в царя тогда была очень сильна» и «нам приходилось изворачиваться: критиковать, ругать правительство, дворян, попов, купцов – словом, всячески отговаривать не подавать прошения царю. Царя трогать тогда нельзя было. Сложилась даже поговорка: «Посуду бей, а самовара не трогай»»³⁶.

И все-таки землевольцы уступили просьбе рабочих, составили прошение на имя наследника, которое было одобрено собранием рабочих, состоявшимся во дворе фабрики, и 16 марта 200 человек отправились к Аничкову дворцу, где жил наследник. Их встретил исполняющий должность градоначальника Петербурга генерал Козлов, которому П. А. Моисеенко пытался объяснить цель мероприятия, за что и угодил в пожарное отделение. Чуть позже, после разговора с наследником, Козлов «ласково и тихо» сказал Моисеенко, что «цесаревич сделать ничего не может, пока он еще не имеет на то права»³⁷. Хозяева фабрики пошли на незначительные уступки рабочим, и 20 марта стачка прекратилась.

Такой исход стачки был неожиданным для землевольцев. Их устроило бы иное: разгон демонстрации или, на худой конец, расправа с теми, кто передавал петицию Козлову. Тогда можно было бы призывать рабочих к новой демонстрации, то есть продолжать бунтарскую тактику. Отстаивание самих по себе экономических требований рабочих не входило в программу землевольцев. По мнению Г. В. Плеханова, другая слабая сторона агитации народников заключалась в том, что «возбуждая рабочих против «властей» и «государства», она не сообщала им определенных политических взглядов и потому не придавала сознательного характера их неизбежной борьбе против современного полицейского государства»³⁸.

Конец 1878 и начало 1879 г. можно считать расцветом деятельности землевольцев среди петербургских рабочих. Осенью 1878 г. через Розалию Марковну Боград (вскоре она стала женой Г. В. Плеханова) они организовали пять конспиративных квартир. Р. М. Плеханова вспоминала: «Наш план был таков: завести по возможности во всех рабочих районах свои конспиративные квартиры, поселив в них хозяек из интеллигенток, ходивших в народ и, следовательно, умевших подойти к рабочему, не вызывая в нем подозрения. На этих квартирах должны были поселиться уже распропагандированные рабочие, чтобы привлекать туда своих малосознательных товарищей... План наш был одобрен делегатами от «Земли и воли»»³⁹. Квартира на Екатерининском канале, где хозяйкой была О. Н. Присекая, являлась центральной и служила штабом для всех остальных. На квартире имелся также небольшой склад оружия. «Особенно часто, – вспоминала О. Н. Присекая, – бывал Георгий Валентинович. Он приходил, переодевался в рабочий костюм, – для этого в квартире было несколько костюмов, – и шел на завод и в рабочие кружки. Возвращался довольно поздно, чтобы переодеться»⁴⁰. Спал он на диване в столовой, из которой было удобно наблюдать подходы к дому, и в случае необходимости мог через кухонное окно выпрыгнуть на крышу небольшого сарайчика, а с нее – во двор и скрыться. Под подушкой у Плеханова всегда были наготове револьвер и кастет, чтобы

³⁶ Моисеенко П. А. Воспоминания. 1873-1923. М., 1924. С. 17

³⁷ Там же. С. 18-19.

³⁸ Цит. по: Бережанский А. С. Г. В. Плеханов: От народничества к марксизму. Воронеж, 1990. С. 43.

³⁹ Из воспоминаний Р. М. Плехановой «Моя жизнь» // Вопросы истории. 1970. № 12. С. 108-109.

⁴⁰ См.: Бережанский А. С. Г. В. Плеханов: От народничества. С. 58.

в случае внезапного появления в комнате полиции не отдаться в ее руки без сопротивления. Конспиративные квартиры просуществовали недолго – до апреля 1879 г.

Руководство районными кружками рабочих осуществляли Г. В. Плеханов и А. Д. Михайлов. Факты свидетельствуют, что устройство квартир и кружков совпало с усилением стачечного движения в Петербурге. В конце 1878 – начале 1879 г. произошли стачки на Новой бумагопрядильной фабрике, на фабрике Шау и т. д. Землевольты напечатали две прокламации в поддержку стачечников. По мере расширения забастовочной борьбы усилились преследования полиции.

К лету 1879 г. в народническом движении стали брать верх сторонники террористических методов борьбы. Воронежский съезд «Земли и воли» завершился расколом на две организации: «Народную волю» (А. И. Желябов, А. Д. Михайлов, С. Л. Перовская) и «Черный передел» (Г. В. Плеханов, В. Н. Игнатов, Л. Г. Дейч). Революционная молодежь явно тянулась к «Народной воле», которая на деле была первой русской политической партией. Народовольцы создали строго законспирированную организацию со своей типографией и службой безопасности, ее агент Н. В. Клеточников два года работал в самом III отделении. Ядро организации – Исполнительный комитет – приступил к систематическому политическому террору, вынес смертный приговор императору Александру II. Протестуя против этих планов, Плеханов безуспешно доказывал, что с их осуществлением к имени царя лишь прибавятся три палочки вместо двух, настаивал на необходимости продолжать агитацию и пропаганду среди крестьян и рабочих. Однако возглавляемый им «Черный передел» так и не обрел в России настоящей силы.

После убийства Александра II идеология народничества оказалась в глубоком кризисе. Прежде всего не оправдались надежды народников на террор – убийство царя не привело к изменению политического строя страны и не послужило сигналом к народному восстанию, как рассчитывала «Народная воля». С другой стороны, данные о развитии капитализма в России в целом и разложении крестьянской общины в частности подрывали самые основы народнического мировоззрения.

Организованное рабочее движение

Революционное народничество дало толчок организованному рабочему движению. Первая рабочая организация в России была создана в Одессе. В 1872 г. в этом южном городе начал пропаганду среди рабочих приехавший из Петербурга интеллигент-революционер Е. О. Заславский. Его взгляды сформировались под сильным воздействием идеологии Лаврова. В свою очередь, деятельность среди рабочих заставила Заславского обратиться к практическим вопросам пролетарского движения. Это уже было отходом от народничества. Под руководством Заславского в июле 1875 г. был составлен устав организации, которая получила название «Южнороссийский союз рабочих». В него вошли 60 человек, примерно 150-200 человек находились в сфере влияния «Союза».

«Южнороссийский союз рабочих» воспринял некоторые положения программных документов I Интернационала. Под их влиянием в уставе «Союза» провозглашалась необходимость революционного переворота, цель которого – уничтожение привилегий господствующих классов, освобождение рабочих от ига капитала, превращения труда в основу личного и общественного благосостояния. В декабре 1875 г. «Союз» прекратил свое существование, многие его участники были преданы суду. Заславский умер в тюрьме.

Е. О. Заславский

В 1878 г. в Петербурге была создана другая пролетарская организация – «Северный союз русских рабочих». Среди его организаторов особенно выделялись слесарь Виктор Обнорский и столяр Степан Халтурин. В. П. Обнорский был начитанным человеком. Он трижды бывал за границей, где изучал опыт рабочих организаций Западной Европы. Разработанная программа «Северного союза» предусматривала введение свободы слова, печати, проведения собраний и ликвидацию политического сыска. Требование политических свобод было наиболее сильной стороной взглядов участников организации. Выдвигались и пролетарские требования: ограничение рабочего дня, запрещение детского труда. Революционные задачи «Северного союза» заключались в призывах к ниспровержению «существующего политического и экономического строя», учреждению «свободной народной федерации общин», ликвидации частной собственности на землю и орудия производства. «Северный союз» насчитывал около 200 членов. Организация предприняла попытку издания нелегальной газеты «Рабочая заря», единственный номер которой вышел в 1880 г. В дальнейшем С. Н. Халтурин примкнул к «Народной воле» и увлекся террором, другие руководители союза были арестованы, и его деятельность прекратилась.

С. Н. Халтурин

В. П. Обнорский

И все же активность народников в пролетарской среде, их попытки придать выступлению рабочих организованный смысл, равно как и такие же попытки «сознательных», грамотных одиночек, были исключением из правил – в массе своей движение рабочих за свои права в этот период носило стихийный характер.

Самая мощная стачка пореформенной эпохи вспыхнула 7 января 1885 г. на Никольской мануфактуре Т. С. Морозова в с. Орехове. На ней работало около 11 тыс. рабочих. В период экономического кризиса, начавшегося в 1882 г., на фабрике пять раз снижалась заработная плата. В 1885 г. ее снизили в шестой раз, причем сразу на 25 %. В то же время выросло число необоснованных штрафов. Рабочие называли Т. С. Морозова колдуном и вампиром, на которого нет управы: «задушил штрафами так, что моченьки нет, деться некуда с семьей», у него «фабрика заколдована от всяких бунтов»⁴¹. Справедливости ради надо отметить, что хозяин все-таки проявлял заботу о тружениках своей фабрики. При мануфактуре существовали аптека, двухэтажная больница на 200 коек, народное училище для детей и учебные мастерские, библиотека, богадельня для престарелых. По желанию каждый из работников мог устроить свой огород. Однако обиды, копившиеся на хозяина годами, выплеснулись в забастовку. Вожаки рабочих П. А. Моисеенко (он уже имел опыт пролетарской борьбы), В. С. Волков, Л. И. Иванов долго беседовали со своими товарищами (разговоры по душам, как правило, проходили в трактирах), объясняя им, что рабочим «остается одно, как можно теснее и дружнее сплотиться и общими силами повести борьбу против ненасытного вампира... Для этого у нас одно оружие – стачка»⁴². Стачка началась 7 января, которое было объявлено рабочим днем, хотя ранее этот день всегда был выходным. Рабочие вышли на смену, но несколько подростков отключили свет, и вся фабрика остановилась. Сразу 8 тыс. человек бросили работу и с красными флагами вышли на улицы с. Орехова. В первый день забастовка вылилась в бунт: рабочие, а некоторые из них подогрели себя спиртным, разгромили и ограбили фабричную продовольственную лавку, контору, квартиры директора и одного из ненавистных рабочих мастеров. На следующий день организаторы стачки выработали коллективные требования, включавшие 17 пунктов: отменить все штрафы, увеличить зарплату на 25 %, восстановить старые расценки, взыскивать за прогул не больше рубля, а за простой по вине хозяина пла-

⁴¹ Моисеенко П. А. Воспоминания. С. 57, 58.

⁴² Там же. С. 62.

тить рабочим по 40 копеек в день. Претензии высказывались не только хозяину фабрики, но и правительству. С трудом, но эти требования были переданы владимирскому губернатору. На усмирении бунта власти вызвали солдат и казаков, которые с помощью прикладов и нагаек выгнали рабочих из казарм и заставили приступить к работе. По указанию губернатора, наиболее заметных «фабричных смутьянов» арестовали, до 600 человек выслали к себе на родину (это был один из самых распространенных способов наказания забастовщиков). Над зачинщиками стачки состоялись два судебных процесса. Судебная палата приговорила П. Моисеенко и В. Волкова к трем месяцам тюрьмы. Суд присяжных отвел все пункты обвинения и оправдал рабочих.

П. А. Моисеенко

В. С. Волков

Несмотря на это, Моисеенко и Волков, по распоряжению министра внутренних дел, были сосланы в Архангельскую губернию.

Борьба рабочих не пропала даром. После первых массовых стачек в конце 1870-х – начале 1880-х гг. были приняты законы, ставшие основой российского рабочего законодательства. Правительство в 1882 г. учредило фабричную инспекцию. Закон «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» 1 июня 1882 г. запретил труд детей до 12-летнего возраста, а труд малолетних от 12 до 15 лет ограничивал 8 часами. Непосредственно под впечатлением Морозовской стачки 3 июня 1886 г. вышел закон, который устанавливал правила найма и увольнения, условия оплаты труда и штрафов. В частности, теперь по закону размеры штрафов не могли превышать трети заработка, а штрафные деньги не рассматривались как доход предпринимателей и должны были использоваться на нужды рабочих. Однако тот же

закон устанавливал уголовную ответственность за участие в забастовках (оно каралось арестом до одного месяца).

2 июня 1897 г., после серии мощных забастовок, в ходе которых выдвигалось требование 8-часового рабочего дня, был установлен его максимум в 11,5 часа, а в ночное время – в 10 часов. Но законы и жизненные реалии далеко не всегда совпадали.

3. Плеханов и его группа «Освобождение труда», или «Новому времени новый костюм...»

Учение немецких социалистов К. Маркса и Ф. Энгельса, опирающееся на оригинальную философскую систему, соединяющую материализм и диалектику, рассматривало историю человечества как закономерную смену формаций, происходящую в результате классовой борьбы. Кульминацией последней являются социальные революции. Буржуазное общество, по мнению Маркса, тоже исторически преходяще. В результате борьбы буржуа и пролетариев оно будет уничтожено социалистической революцией. На смену ему придет социалистическое общество, не знающее частной собственности и эксплуатации человека человеком.

Знакомство русского общества с идеями Маркса началось еще в середине 1840-х гг. В России распространялись отдельные произведения, в журналах публиковались рецензии и изложения некоторых работ основоположников марксизма. В начале 1870 г. группа революционеров-эмигрантов во главе с Утиным, последователей Чернышевского, создала в Женеве русскую секцию Международного Товарищества Рабочих – Первого Интернационала и обратилась к Марксу с предложением быть ее представителем в Генеральном совете Интернационала. Русские революционеры выражали Марксу «глубокую признательность за ту помощь, которую» он оказал им «теоретической и практической пропагандой». Маркс принял предложение секции. Спустя полгода в состав Генерального совета Интернационала был введен (по инициативе Маркса) революционер Герман Александрович Лопатин – первый переводчик «Капитала» на русский язык, тесно связанный с петербургскими народническими кружками. В конце 1870 г. Лопатин прибыл в Россию для организации побега Н. Г. Чернышевского из сибирской ссылки. Дерзкая попытка Лопатина не увенчалась успехом; он был заточен в иркутский острог, откуда бежал в 1873 г. в Петербург, а затем за границу.

Среди народников незнание основных идей «Капитала» К. Маркса было равно признанию в полном невежестве. Например, члены «Земли и воли», говоря о противоположности интересов рабочих с интересами хозяев, разъясняли рабочим теорию прибавочной стоимости К. Маркса. Но народники считали учение Маркса пригодным только для Западной Европы, где гигантскими шагами шло развитие капитализма. Россия же, по их мнению, шла особым путем, и основную роль в ее экономике в дальнейшем должна была играть крестьянская община, опираясь на которую можно будет перескочить от феодализма и начальных стадий капитализма сразу к социализму. Народники были не одиноки в своем отношении к марксизму. До начала 1880-х гг., принимая отдельные положения теории Маркса, прежде всего критику капитализма, русские общественные деятели считали ее в целом не применимой к России.

В начале января 1880 г. Г. В. Плеханов и его товарищи по «Черному переделу» Я. В. Стефанович, Л. Г. Дейч и В. И. Засулич, спасаясь от преследования царских властей, нелегально переехали за границу. Талантливый публицист и пропагандист, Г. В. Плеханов выделялся среди революционеров-народников серьезным отношением к теории. Он не мог не видеть несоответствие между реалиями пореформенной России и народнической доктриной. Деятельность среди рабочих привела к изменению взглядов Плеханова и некоторых народников на значение рабочего движения. «Вопрос о городском рабочем, – писал Плеханов, – принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самую жизнь, самостоятельно выдвигаются вперед, на подобающее им место, вопреки априорным теоретическим решениям революционных деяте-

лей». В конце 1870-х гг. Плеханов уже был знаком с экономической теорией Маркса. Например, в статье «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» (1879 г.) он отмечал, что «у автора «Капитала» социализм является сам собою из хода экономического развития западноевропейских обществ». Хотя в то время Плеханов оставался, по собственному признанию, «народником до конца ногтей».

Г. В. Плеханов

За границей Плеханов и его товарищи обосновались в Женеве, где существовала довольно большая русская колония, имевшая библиотеку с читальным залом, в котором регулярно устраивались собрания, делались доклады и происходили дискуссии. Плеханов сразу приступил к серьезному изучению трудов по теории социализма, в том числе работ Маркса и Энгельса (для этого он специально выучил немецкий язык). Его записная книжка за 1880-1882 гг. содержит около 144 названий книг, сборников, журнальных статей по экономическим, философским, юридическим и политическим вопросам. Так, Плеханов был в восторге от книги Ф. Энгельса против немецкого философа Е. Дюринга («Анти-Дюринг»), поскольку нашел в ней наиболее цельное и обобщенное изложение трех основных частей марксизма – диалектического и исторического материализма, политической экономии и учения о социализме и коммунизме. Он называл ее классическим трудом и говорил, что «она очень многое выясняет для понимания научного социализма»⁴³.

Эту книгу Ф. Энгельса Плеханов читал на языке оригинала вместе со своей женой Розалией Марковной, которая приехала к нему в Женеву в середине июня 1880 г. С конца этого года и до осени 1881 г. они жили в Париже и его окрестностях, а затем вновь вернулись в Швейцарию, где жизнь была дешевле, чем во Франции. В мае 1881 г. у них родилась дочь Лидия (в честь казненной 4 апреля Перовской девочке решили дать второе имя – Софья), а в 1883 г. – Евгения. В материальном отношении им приходилось очень трудно. Плеханов зарабатывал в основном тем, что давал частные уроки русского языка в одной богатой русской семье. Помогали друзья, особенно П. Л. Лавров, и эта помощь несколько облегчала положение. Плеханов почти ежедневно посещал Национальную библиотеку в Париже или библиотеку Св. Женевьевы. Вечера он проводил дома за книгой или посещал рабочие собрания с неизменным выступлением на них социалистов.

Процесс замены народнической социалистической доктрины марксизмом совершался постепенно, незаметно. Сам Плеханов говорил, что летом 1880 г. он был «уже едва ли не на

⁴³ См.: Дейч Л. Как Г. В. Плеханов стал марксистом // Пролетарская революция. 1922. № 7. С. 128.

половину социал-демократом...»⁴⁴. На политические взгляды Плеханова и его товарищей оказывали влияние не только произведения основоположников научного коммунизма, но и их критические высказывания в адрес черно-передельцев, время от времени доходившие от лиц, бывших в близких отношениях с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Например, в известном письме к Ф. А. Зорге от 5 ноября 1880 г. Маркс резко критиковал чернопредельцев за их отказ от «всякой революционно-политической деятельности», за их мечты о том, что «Россия должна одним махом перескочить в анархистско-коммунистически-атеистический рай»⁴⁵.

По собственному признанию Плеханова, эпохой в его жизни стало чтение «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Он «тотчас же решил его перевести на русский язык», что окончательно закрепило его решение стать марксистом. При переводе Плеханову пришлось заняться выработкой научной марксистской терминологии, поскольку первый перевод «Манифеста», сделанный, как полагают, М. А. Бакуниным в 1869 г., имел существенные недостатки: перевод текста нередко давался приблизительный и с ошибками, целый ряд терминов был переведен на русский язык неадекватно. (Например, понятие «класс» переводилось как «сословие», «классовые противоречия» как «сословные различия», «открытое восстание» заменялось словом «бунт» и т. д.) В конце 1881 г. Плеханов приступил к переводу «Манифеста». По его просьбе, переданной через П. Л. Лаврова, К. Маркс написал предисловие к русскому изданию. В нем говорилось о возможности сокращенного, минуя капиталистическую стадию, пути продвижения России к социализму: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития»⁴⁶. Русский перевод «Манифеста» вышел из печати в мае 1882 г. В предисловии Плеханов выдвинул в качестве насущной задачу создания организации русского рабочего класса.

Г. В. Плеханов и его товарищи попытались убедить народовольцев в необходимости признания научного социализма. Однако, убедившись в тщетности своих попыток, решили основать самостоятельную марксистскую организацию. 10 сентября 1883 г. Дейч достиг договоренности со старым русским эмигрантом А. Д. Трусовым о покупке у него в рассрочку шрифта и наборного станка за 2000 франков. Деньги на это предоставил В. Н. Игнатов. Участники группы долго обсуждали, как назвать будущую организацию. Во второй половине сентября в Женеве, в кафе на берегу речки Арвы собрались Г. В. Плеханов с супругой, П. Б. Аксельрод, В. И. Засулич, Л. Г. Дейч и В. Н. Игнатов. На этом совещании было принято решение назвать группу «Освобождение труда» и открыто заявить о своем существовании, опубликовав объявление об издании «Библиотеки современного социализма». Объявление было написано Плехановым и вышло из печати 30 сентября 1883 г. в виде брошюры малого формата в восемь страниц. В объявлении говорилось о том, что «бывшие члены группы «Черного передела». окончательно разрывают со старыми анархическими тенденциями» и излагались основные принципы всей деятельности группы «Освобождение труда»: 1) распространение идей научного социализма путем перевода на русский язык важнейших произведений Маркса и Энгельса; 2) критика взглядов народничества и разработка важнейших вопросов русской общественной жизни с точки зрения научного социализма и интересов трудящегося населения России. Так закончилось оформление первой российской организации революционных марксистов.

Первые шаги группы «Освобождение труда» были сопряжены с немалыми трудностями, прежде всего финансовыми. Средства для работы типографии складывались из частных

⁴⁴ Плеханов Г. В. Сочинения. М. – Л., 1922-1927. Т. 13. С. 26.

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 380.

⁴⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 89.

пожертвований. В 1887 г. случилось большое событие – одесские рабочие прислали около 20 рублей. Это был первый взнос из России. Бывали и неудачи. Группа теряла людей: в 1884 г. при попытке переправить в Россию транспорт с нелегальной литературой был арестован Л. Г. Дейч (до 1900 г. он находился в ссылке), в 1885 г. скончался от туберкулеза В. Н. Игнатов. Вся работа легла на плечи оставшихся трех человек. Сам Плеханов страдал не только от постоянного безденежья – с 1887 г. и до конца жизни он болел туберкулезом легких, его организм чутко реагировал на весенние и осенние перепады погоды. Врачи предрекали Плеханову скорую смерть, но он выжил благодаря заботам и материальной помощи друзей. В дальнейшем большую роль в поддержании здоровья Плеханова сыграла его жена – врач по профессии. Тяжелым ударом для них стала смерть любимой маленькой дочери Маши в начале 1894 г. Лишь в середине 1890-х гг. семья Плехановых обрела материальный достаток и относительный покой.

Другой проблемой являлось то обстоятельство, что почти все участники русского революционного движения вначале осуждали бывших чернопередельцев «за измену старым заветам» и относились к идеям новой группы почти враждебно. Основные принципы, которыми руководствовалась группа «Освобождение труда», были изложены Плехановым в работе «Социализм и политическая борьба» (1883). В ней с позиций последовательного марксизма рассматривались проблемы классовой борьбы. Плеханов доказывал значение революционной теории в освободительном движении. «Революционная по своему внутреннему содержанию идея есть своего рода динамит, которого не заменят никакие взрывчатые вещества в мире»⁴⁷. Пока русское революционное движение будет находиться во власти догм старой, народнической теории, у него не будет перспектив, «потому что, как сказал еще Гейне. Новому времени новый костюм / Потребен для нового дела»⁴⁸.

Отвечая своим критикам из народнического лагеря, Г. В. Плеханов в начале 1885 г. выпустил новую книгу – «Наши разногласия». В ней давалась развернутая критика всей системы взглядов и программных положений революционного народничества. М. Горький в автобиографической повести «Мои университеты» образно передал обстановку, в которой происходило обсуждение книги Г. В. Плеханова в одном из нелегальных кружков Казани. «В городе ходила по рукам какая-то волнующая книжка, ее читали и ссорились. Комната – пустая, без мебели, только – два ящика, на них положена доска, а на доске – как галки на заборе – сидят пятеро людей. Лампа стоит тоже на ящике, поставленном «попом». На полу у стен еще трое и на подоконнике один, юноша с длинными волосами, очень тонкий и бледный. Кроме него и бородача, я знаю всех. Бородатый басом говорит, что он будет читать брошюру «Наши разногласия», ее написал Георгий Плеханов, «бывший народоволец».

Во тьме на полу кто-то рычит:

– Знаем!..

Чтение длится утомительно долго, я устаю слушать, хотя мне нравятся острые и задорные слова, легко и просто они укладываются в убедительные мысли.

Как-то сразу, неожиданно пресекается голос чтеца, и тотчас же комната наполнилась возгласами возмущения:

– Ренегат!

– Медь звенящая!..

– Это – плевок в кровь, пролитую героями.

– После казни Генералова, Ульянова.

И снова с подоконника раздается голос юноши:

– Господа, – нельзя ли заменить ругательства серьезными возражениями, по существу?..

Юноша, наклоняясь с подоконника, спрашивает меня:

⁴⁷ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1956. С. 95.

⁴⁸ Там же. С. 95.

– Вы – Пешков, булочник? Я – Федосеев. Нам надо бы познакомиться. Собственно – здесь делать нечего, шум этот – надолго, а пользы в нем мало. Идемте?»⁴⁹.

В книге «Наши разногласия» и других работах Плеханов доказывал, что капиталистические отношения глубоко проникли во все сферы хозяйства России и, следовательно, надежды на самобытный путь развития страны бесперспективны. (Заметим, однако, что на тот момент Плеханов преувеличивал степень развития капитализма в стране и поэтому его анализ экономического положения России не во всем соответствовал действительности.) Роль гегемона (идейного и политического руководителя) освободительного движения в России Плеханов безоговорочно отдавал пролетариату, а не крестьянству. Выступая в 1889 г. на Парижском конгрессе II Интернационала, он заявил, что «революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих. Другого выхода у нас нет и быть не может!»⁵⁰ Плеханов четко сформулировал основную цель: «Возможно, более скорое образование рабочей партии есть единственное средство разрешения всех экономических и политических противоречий современной России»⁵¹. Он доказывал, что Россия стоит перед необходимостью осуществления сначала буржуазно-демократической революции, а через определенный период должна произойти социалистическая революция, в результате которой будет установлена власть рабочего класса.

В деле пропаганды марксистских идей группа «Освобождение труда» как родоначальница российской социал-демократии добилась многого. За 20 лет своей деятельности она издала свыше 250 марксистских работ. С Плехановым и его группой искали связи и сотрудничества молодые социал-демократические группы, появившиеся в самой России. Плеханов с товарищами поддерживал тесные контакты с лидерами рабочего движения стран Западной Европы. В то же время говорить о каком-либо влиянии группы «Освобождение труда» на рабочую массу в самой России не приходится. Рабочее движение в это время развивалось без всякой связи с социал-демократией.

4. Рождение русского марксизма

В конце 1883 г., почти одновременно с группой «Освобождение труда», в Петербурге образовалась первая группа социал-демократов, которой руководил студент Петербургского университета, участник национально-освободительного движения в Болгарии Димитр Благоев. В 1884 г. организация, в которую входили в основном студенты университета и Технологического института, стала именовать себя «Партией русских социал-демократов». Независимо от Плеханова группа Благоева отвергла народнический тезис о самобытности экономического развития России и признала тот факт, что капитализм «у нас уже зародился и растет». В ее программе подчеркивалось, что кадровые рабочие «должны послужить ядром политической силы народа». Поэтому блagоевцы стремились вести социал-демократическую пропаганду среди рабочих. В их кружках насчитывалось более 100 петербургских пролетариев. Группе Благоева удалось издать два номера газеты «Рабочий», в которых были помещены статьи Плеханова и Аксельрода – с ними блagоевцы установили контакт в 1885 г. В том же году был арестован и выслан на родину Благоев. В марте 1887 г. в связи с делом А. И. Ульянова и других «первомартовцев» полиция арестовала и других активистов группы, и она прекратила свое существование.

В условиях конспирации марксистские кружки нередко возникали параллельно, независимо друг от друга. Так случилось с группой П. В. Точисского. Примечательна его судьба.

⁴⁹ Горький М. Собр. соч. М., 1951. Т. 13. С. 565-566.

⁵⁰ Плеханов Г. В. Сочинения. Т. 4. С. 54.; История КПСС. Т. 1. С. 142.

⁵¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. 1. С. 364.

Выходец из дворянской семьи, он бросил гимназию и в 19 лет поступил рабочим в Екатеринбургские железнодорожные мастерские. Социал-демократом Точисский стал в Петербурге, куда приехал осенью 1894 г. Здесь он работал на заводе Берда и одновременно учился в ремесленном училище. В конце 1885 г. из числа рабочих он организовал группу, которая получила название «Товарищество Санкт-Петербургских мастеровых». Наряду с распространением нелегальной литературы на крупнейших предприятиях Петербурга члены группы собирали средства в помощь ссыльным и политзаключенным.

После разгрома группы Точисского в 1888 г. некоторые ее участники на базе студенческих кружков создали в 1889 г. новую организацию – «Социал-демократическое сообщество», которой руководили два студента – М. И. Бруснев из Технологического института и В. С. Голубев из Санкт-Петербургского университета.

В конце 1880-х гг. студенты, носители радикальных идей, часто объединялись в так называемые землячества, имевшие свои кассы взаимопомощи, библиотеки, кружки для изучения наук. Остатки революционных кружков пытались использовать землячества в своих целях. Всякий «прогрессивный» студент считал для себя обязательным прочесть всю запретную литературу – произведения А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, П. Л. Лаврова, нелегальные издания «Народной воли». Например, студент Петербургского технологического института Л. Б. Красин, перед тем как вступить в организацию Бруснева, весной 1890 г. подготовил для своих землячков из Тюмени реферат по первой и второй главам «Капитала». Как вспоминал Красин, конспект превзошел «по объему во много раз» сам оригинал, «так как трудный и сжатый язык Маркса я старался сделать понятным для своих не очень искушенных в философии товарищей»⁵². Популярность марксизма среди студентов Технологического института в конце 1880-х – начале 1890-х гг. можно объяснить особенностями учебной программы. Студенты хотели видеть себя в будущем гражданами новой, экономически развитой России. Они воспринимали труды Маркса, посвященные анализу развития капитализма, как неопровержимое доказательство того, что новая система отношений, новое общество неизбежно возобладают над старым.

Группа Бруснева ставила своей задачей готовить пропагандистов из среды самих рабочих. В группе существовала строгая конспирация: новички общались лишь с одним или двумя членами кружка, не зная ни адресов, ни прозвищ остальных участников группы.

М. И. Бруснев поддерживал связи с руководителями рабочих кружков Петербурга.

Уже в 1890 г. в Петербурге было создано 20 кружков, в которых занятия с рабочими проводили студенты-интеллигенты. В одном из них таким пропагандистом был Л. Б. Красин. Он вспоминал, как, прежде чем явиться к рабочим, товарищи дали ему конспиративную кличку «Никитич». Затем на квартире Бруснева состоялся обряд переодевания: Красин сменил «свою студенческую одежду на высокие сапоги, косоворотку, какое-то поношенное пальто и шапку, надвинутую по самые брови, выпачкал себе руки и немного лицо сажей из печной трубы, чтобы придать себе вид мастерового»⁵³ и в таком виде отправился в путь. Занятия с рабочими проходили на квартире рабочего Федора Афанасьева. В кружке было 6-7 рабочих. Конспирация была необходима, так как сам факт посещения студентами квартир рабочих вызывал подозрение у полиции. Проще всего было самому Михаилу Брусневу, который происходил из донских казаков. Он, по свидетельству Л. Б. Красина, «совершенно не имел того интеллигентского вида, который другим... несколько мешал»⁵⁴ при общении с рабочими.

Студенты обсуждали с рабочими проблемы истории и политической экономии, политики и общественной жизни. Один из них, рабочий А. А. Соловьев, вспоминал: «В глухой темной Гавани, в тесной комнатухе изучали законы вселенной, законы человеческого общества. В

⁵² Красин Л. Б. Дела давно минувших дней. М., 1925. С. 11-12.

⁵³ Там же. С. 18.

⁵⁴ Там же. С. 17-18.

кружке занимались космографией и дарвинизмом, читали Манифест, брошюры Плеханова, издания группы «Освобождение труда»»⁵⁵.

Весной 1891 г. группа Бруснева приняла участие в похоронах писателя-демократа Н. В. Шелгунова, превратившихся в многолюдную политическую демонстрацию. Неожиданным стало появление нескольких десятков рабочих, которые несли металлический венок с красной лентой и с надписью, составленной самими рабочими: «Указателю пути к свободе и братству». На следующий день власти выслали из столицы некоторых студентов – участников демонстрации, в том числе Л. Б. Красина и его брата.

А через две недели, 1 мая 1891 г., за Невской заставой Петербурга, на берегу реки Екатерингофки сто рабочих из брусневских кружков провели первую маевку. Полиция не успела разогнать собравшихся. И произнесенные здесь речи рабочих Ф. А. Афанасьева,

Н. Д. Богданова и В. И. Прошина были отпечатаны на гектографе, а затем изданы группой «Освобождение труда» и широко распространялись среди демократической публики. В 1892 г. такие же тайные маевки устраиваются в Вильне и Туле.

Весной-летом 1892 г. полиции удалось арестовать ядро организации брусневцев, к дознанию было привлечено 38 человек. Суд приговорил М. И. Бруснева к одиночному заключению в «Крестах» на четыре года с высылкой затем на 10 лет в Восточную Сибирь. Из ссылки он вернулся лишь в 1904 г. и в политической деятельности больше не участвовал.

С 1882 г. активная пропаганда марксизма велась в Польше. В конце 1880-х гг. марксистские конспиративные кружки и группы, не связанные между собой, появлялись и в других регионах страны. Большую роль в пропаганде марксизма в Поволжье сыграл Николай Евграфович Федосеев и его кружок, возникший в Казани в конце 1887 – начале 1888 г. Вокруг федосеевцев группировалось несколько низовых кружков. В один из них вступил Владимир Ильич Ульянов (Ленин) после возвращения из ссылки (из деревни Кокушкино, куда он был выслан под гласный надзор полиции за участие в сходке студентов Казанского университета). Для начинающих марксистов 17-летний Федосеев составил программу, в которой в систематизированном виде представил список литературы по самым различным вопросам, в том числе по философии, политэкономии, истории, естествознанию, а также перечень актуальной художественной литературы. Все это должно было способствовать выработке не только научного, но и социально-этического «цельного мировоззрения».

В 1908 г. на Капри Ленин в разговоре с Горьким отметил, что «лучшего пособия в то время никто бы не составил»⁵⁶ и именно эта работа Федосеева, содержащая помимо Маркса и Энгельса конспект основных изданий группы «Освобождение труда», оказала ему «огромную услугу» и открыла «прямой путь к марксизму». Ленин всегда уважительно называл Федосеева только по имени и отчеству, а в 1922 г. написал, что «для Поволжья и для некоторых местностей Центральной России роль, сыгранная Федосеевым, была в то время замечательно высока, и тогдашняя публика в своем повороте к марксизму несомненно испытала на себе в очень и очень больших размерах влияние этого необыкновенно талантливого и необыкновенно преданного своему делу революционера»⁵⁷.

Социал-демократические группы рубежа 1880-1890-х гг. действовали короткое время, обычно не более двух лет. Полиция быстро выслеживала их. Попытки связать отдельные кружки, ведущие пропаганду в разных городах, оказывались неудачными и лишь вели к провалу, побуждая пропагандистов более тесно замыкаться в своем кругу, чтобы не пасть жертвой жандармской провокации. А эта замкнутость, в свою очередь, сужала размах деятельности

⁵⁵ Казакевич Р. А. Социал-демократические организации Петербурга конца 80-х – начала 90-х годов (кружки П. В. Точисского и М. И. Бруснева). Л., 1960. С. 143.

⁵⁶ См.: Валентинов Н. Недорисованный портрет... М., 1993. С. 493-494.

⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 324-325.

социал-демократических групп, которые порознь не имели ни сил, ни средств придать своей работе сколько-нибудь широкий характер. К тому же рабочие и интеллигентские марксистские кружки продолжали существовать раздельно. В таких кружках большинство рабочих воспринимали марксистское учение упрощенно. Поэтому в течение нескольких лет успех социал-демократов в пролетарской среде был ничтожен.

Н. Е. Федосеев

В 1890-е гг. многие русские интеллигенты увлекались марксизмом, в том числе большинство мыслителей, будущих либералов – П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, С. П. Булгаков и другие. В марксизме интеллигенция искала ответы на два насущных вопроса: как завоевать политическую свободу и как поднять экономическую жизнь страны на более высокий уровень? Литературовед и публицист народнического направления Р. В. Иванов-Разумник констатировал: «Начиная с 1893-1894 гг., волна русского марксизма нарастает со сказочной быстротой»⁵⁸. Во многом этому способствовал голод 1891-1892 гг., поразивший 29 губерний, в которых голодало 35 млн человек. Голодной смертью тогда умерли 600 тыс. человек. Бедствие вызвало большое оживление среди демократической интеллигенции, стремившейся прийти на помощь голодающей деревне. В сборе средств для голодающих принимали участие Л. Н. Толстой, А. И. Чехов, В. Г. Короленко и другие видные деятели русской культуры. Было собрано свыше 151 млн рублей. По признанию Струве, марксистом он стал «не в результате книжных влияний» и чтения «Капитала», его «марксистом гораздо больше сделал голод»⁵⁹. Мыслящая часть общества была убеждена, что плачевное и безвыходное состояние крестьянства является следствием общей экономической и культурной отсталости страны.

В то же время развитие капитализма в России, утверждение парламентского строя и расширение демократических свобод в Западной Европе делали приоритетным в общественном сознании западный путь развития. Как отмечал Франк, марксизм на рубеже веков в России «был. западной реакцией против типично русского славянофильски окрашенного «народничества», мечтавшего об особом русском пути к социализму»⁶⁰.

⁵⁸ Цит. по: Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация: В 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 533.

⁵⁹ Струве П. Б. *Patriotica*. Политика, культура, религия, социализм. Сборник статей за пять лет (1905-1910). СПб., 1911. С. 409-410.

⁶⁰ Цит. по: Гнатюк О. Л. П. Б. Струве как социальный мыслитель. СПб., 1998. С. 31.

По признанию Н. А. Бердяева, «по сравнению с марксизмом старый русский социализм мне представлялся явлением провинциальным. Марксизм конца 90-х годов был несомненно процессом европеизации русской интеллигенции, приобщением ее к западным течениям, выходом на большой простор»⁶¹. По мнению С. Н. Булгакова, марксизм был для общественного сознания шагом вперед, выходом «из томительного удушья 80-х годов». Таким образом, марксизм внушал чувство уверенности, оптимизма, что Россия не останется полуазиатской «окраиной» Европы, а превратится в современную страну со всеми присущими Западу демократическими ценностями (парламентаризм, свобода слова, собраний, печати, партий, союзов и т. д.). И если социализм – общество будущего – возможен, как считал П. Б. Струве, «то только через капитализм как зрелый и законченный период последнего»⁶².

Правительство и охранительные органы пока что мало интересовались движением социал-демократии. Их тревожили призраки народовольческого террора, кипение либеральных земств, крестьянское антипомещичье движение. Мало кто подозревал, что главные неприятности самодержавия вскоре будут связаны с людьми, занимающимися философией, политэкономией и социологией марксизма.

⁶¹ Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1990. С. 108.

⁶² Струве П. Б. Мои встречи и столкновения с Лениным // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья: В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 388.

II глава

Марксисты объединяются (1895-1903 гг.)

В 1895 году Ленин объединил в Петербурге все марксистские рабочие кружки... в один «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Этим он подготовил создание революционной марксистской рабочей партии... Ленин до конца разоблачил истинное лицо народников, как фальшивых «друзей народа», идущих на деле против народа... Но в то же время Ленин со всей резкостью критиковал «легальных марксистов», разоблачая их либерально-буржуазное нутро... Ленин стал громить «экономистов» с первых же дней их появления... Основную борьбу против «экономизма», за создание самостоятельной политической партии пролетариата провела организованная Лениным нелегальная газета «Искра».

История ВКП(б): Краткий курс

1. Владимир Ульянов: начало пути. 1890-е гг.

К середине 1890-х гг. закончился первый, по словам Ленина, «утробный» период развития российской социал-демократии. Начало нового периода совпало с ростом стачечного движения, толчком к которому послужило ухудшение условий труда, вызванное притоком безработных из деревни после голода 1891-1892 гг. Если в 1895 г. рабочие в разных формах проявляли свое недовольство 350 раз (в забастовках участвовало 80 тыс. рабочих), то в 1899 г. было зафиксировано 880 разного рода выступлений, в которых приняло участие 163 тыс. человек.

Пролетарское движение этого периода проявлялось преимущественно в экономической борьбе. На первом месте в требованиях рабочих стояли удвоение оплаты труда и сокращение рабочего дня. Их возмущало и то, что зарплату им выдавали не деньгами, а товарами, или что их рабочий день произвольно удлинялся путем сокращения времени на обед и т. д. Кроме того, они все чаще протестовали против неуважительного отношения к ним хозяев предприятий и фабрично-заводской администрации. Однако рабочие не поднимали вопроса о своих политических правах, не пытались претендовать на участие в государственном управлении. Тем большее негодование вызывали у них те свирепые меры, которыми правительство старалось подавить их борьбу за улучшение условий труда.

Наиболее показательной в этом отношении стала стачка на Ярославской Большой мануфактуре Корзинкина, которая произошла в апреле 1895 г. Здесь впервые в царствование Николая II была пролита кровь рабочих. После того, как семитысячная толпа стачечников потребовала освободить арестованных «зачинщиков», губернатор вызвал Фанагорийский гренадерский полк, стоявший в Ярославле. По приказу офицеров, солдаты открыли огонь по бастующим. Рабочие оборонялись камнями. При этом 13 человек были убиты. За этот «подвиг» Николай II объявил «солдатушкам» благодарность, написав на рапорте командира полка об этой расправе: «Спасибо молодцам-фанагорийцам за стойкое и твердое поведение во время фабричных беспорядков». Эти циничные слова облетели всю страну.

Получили известность и другие слова Николая II, сказанные им 17 января 1895 г. на торжественном приеме представителей земств, городов и сословий, прибывших в Зимний дворец по случаю бракосочетания царя. Тогда он заявил: «Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно,

как охранял его мой незабвенный родитель»⁶³. Царь предостерег против «бессмысленных мечтаний об участии представителей земства в делах внутреннего управления». Это был ответ нового императора тверскому земству, намекнувшему на возможность конституционной перспективы.

Когда император произносил эти слова, в Петербурге «дебютировал» на революционном поприще человек, которому было суждено сыграть решающую роль в истории России XX в., в частности в становлении большевизма, – Владимир Ильич Ульянов (Ленин). Он родился 10 (22) апреля 1870 г. в Симбирске. Его отец Илья Николаевич Ульянов был инспектором, а затем и директором народных училищ Симбирской губернии. В 1877 г. ему был присвоен чин действительного статского советника, равный по табели о рангах генеральскому званию и дававший право на потомственное дворянство. Демократ по убеждениям, И. Н. Ульянов видел свой жизненный долг в служении народу. Все его дети приняли участие в революционном движении, а старший – Александр – был казнен 8 мая 1887 г. за подготовку цареубийства. Смерть старшего брата и его товарищей глубоко потрясла юного Владимира Ульянова. В эти дни он сдавал выпускные экзамены на аттестат зрелости и, несмотря на приобретенную в глазах властей и обывателей крамольную репутацию брата государственного преступника, окончил гимназию с золотой медалью и поступил на юридический факультет Казанского университета. В то лето 1887 г. случилось еще одно важное для Ульянова событие – он заново прочитал роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», который его, по собственному признанию, «всего глубоко перепахал». 4 декабря 1887 г. студент Владимир Ульянов принял самое активное участие в студенческой сходке в Казанском университете. Согласно донесению попечителя университета министру просвещения И. Д. Делянову, В. Ульянов «бросился в актовывй зал в первой партии и вместе с Полянским первыми неслись с криком по коридору 2-го этажа, махая руками, как бы желая этим воодушевить других»⁶⁴. В ночь на 5 декабря он был арестован и вместе с 40 другими студентами помещен в пересыльную тюрьму. Когда в камере среди общего веселья кто-то предложил провести опрос товарищей по заключению, кто что думает предпринять после освобождения, Владимир ответил: «Мне что ж думать... Мне дорожка проторена старшим братом»⁶⁵. За участие в сходке В. И. Ульянов был выслан на год в имение матери в деревню Кокушкино. Во время этого вынужденного отдыха молодой Ульянов усиленно занимался самообразованием, читал Чернышевского и знакомился с марксизмом. В сентябре 1888 г. Ульянов вернулся в Казань и вступил в один из кружков, которые группировались вокруг Федосеева. Именно тогда он начал становиться марксистом. Осенью 1889 г. семья Ульяновых поселилась в Самаре. Несмотря на многочисленные просьбы Владимира и его матери Марии Александровны, власти не давали Ульянову возможности поступить в университет ни в России, ни за границей. Лишь весной 1890 г. он получил разрешение сдать экстерном экзамены на юридическом факультете Петербургского университета. За все ответы на экзаменах он получал одну оценку: «весьма удовлетворительно», то есть высший балл. В Самаре для В. И. Ульянова период «саморазвития» закончился. Теперь он и его товарищи-марксисты, которые, видимо, тогда впервые стали называть Ульянова «стариком», жаждали настоящего «дела». Старшая сестра В. И. Ульянова Анна Ильинична вспоминала, что Владимир «не захотел основаться в Москве, куда направилась вся наша семья вместе с поступающим в Московский университет младшим братом Митей. Москву питерцы называли тогда большой деревней, в ней в те годы было много провинциального, а Володя был уже сыт, по горло сыт провинцией. Он решил

⁶³ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. Николай II // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 60.

⁶⁴ См.: Логинов В. Т. Владимир Ленин. Выбор пути: Биография. М., 2005. С. 86.

⁶⁵ Там же. С. 87.

поселиться в более живом, умственном и революционном также центре – Питере»⁶⁶. 31 августа 1893 г. В. И. Ульянов приехал в Петербург.

В. И. Ульянов в Казанском университете

В середине 1890-х гг. в Петербурге действовали две социал-демократические группы. Одна получила название группы «стариков». В эту группу входили студенты Технологического института Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, А. А. Ванеев, П. К. Запорожец, а также С. И. Радченко, Н. К. Крупская и др. Именно в эту группу вошел, а вскоре стал играть в ней ведущую роль В. И. Ульянов.

Кроме социал-демократических групп в столице действовала «Группа народолюбцев» (М. С. Ольминский, М. Я. Сущинский, А. А. Федулов, А. А. Ергин). Она располагала тайной типографией, печатала «летучие листки». Марксисты и народники соперничали между собой за умы рабочих. А рабочие, сохраняя самостоятельность своих кружков и приглашая к себе «интеллигентов-просветителей», по словам питерского пролетария Василия Шелгунова, «чувствовали себя «дичью», на которую охотились с двух сторон: народолюбцы и марксисты»⁶⁷. Кружковцы нередко приглашали на занятия и тех и других, слушали их споры, а потом самоопределялись. В конечном итоге победу в этих словесных баталиях одержали социал-демократы.

В 1880-1890-х гг. на смену народникам – бунтарям и заговорщикам – пришли либеральные народники. Разделяя идею своих предшественников об особом, некапиталистическом пути развития России, либеральные народники отличались неприятием насильственных методов борьбы. Их духовным лидером был Н. К. Михайловский (его называли «властителем дум»), который в 1892 г. возглавил журнал «Русское богатство». Под его руководством это издание стало одним из самых популярных органов печати России. Михайловский полагал, что при капитализме человек становится все более и более эгоистичным, это препятствует прогрессу

⁶⁶ Ульянова-Елизарова А. И. О В. И. Ленине и семье Ульяновых. М., 1988. С. 130.

⁶⁷ См.: От группы Благоева к «Союзу борьбы» (1886-1894). Сборник. Ростов н/Д., 1921. С. 17, 56.

личности, а стало быть, и общества в целом. Выход он видел в сознательной борьбе против зла капитализма, которую ведут нравственные личности. Сотрудники «Русского богатства» С. Н. Кривенко и С. Н. Южаков сформулировали «теорию малых дел». Она подразумевала отказ от политической деятельности, от попыток в короткий срок изменить общественно-политический строй страны и призывала интеллигенцию к «черной» и внешне малозаметной работе по повышению культурного и материального уровня простого народа. По их мнению, пока социализм оставался отдаленным идеалом будущего, нужно было посредством «малых дел» хотя бы поддержать «на плаву» гибнущее крестьянское хозяйство.

Другими известными идеологами либеральных народников были Н. Ф. Даниельсон и В. П. Воронцов, более знакомые читающей публике под псевдонимами Николай-он и В. В. В. П. Исследования Воронцова, автора около 30 книг по проблемам социально-экономического развития России, были построены на основе анализа обширного статистического материала. Он полагал, что капитализм в России – явление искусственное, насаждаемое «сверху» правительством, так как для его успешного развития в стране не было важнейших условий – внешнего и широкого внутреннего рынков. Воронцов надеялся на возможность некапиталистического пути развития страны. Он доказывал неприменимость марксистской теории к России, полагая даже, что распространение ее постулатов на Россию, развивающуюся самобытным путем, является оскорблением памяти Маркса.

В. И. Ульянов быстро завоевал авторитет среди петербургских марксистов критикой либерального народничества. В начале ноября 1893 г. он выступил на многолюдном собрании марксистского кружка в связи с рефератом лидера группы студентов-технологов Германа Красина на тему «Вопрос о рынках». Критикуя взгляды либеральных народников, В. И. Ульянов призвал своих товарищей исходить не из голых схем и абстракций, а из анализа российской действительности. Он доказывал, что капиталистические отношения уже проникли в деревню, и поэтому там полным ходом идет процесс расширения товарного производства, расслоения крестьянства и его пролетаризации. В заключение В. И. Ульянов сказал: «Мы должны заботиться не о рынках, а об организации рабочего движения в России, о рынках же позаботится наша буржуазия»⁶⁸.

В начале января 1894 г., на Рождество, В. И. Ульянов гостил у родных в Москве. На одном конспиративном собрании, проходившем под видом студенческой вечеринки, он со свойственной ему полемической резкостью обрушился на одного очень солидного народника, плотного, с лысиной блондина, к которому молодежь обращалась очень почтительно. Агент охраны, присутствовавший, как обычно, на этом «секретном» мероприятии, доложил своему начальству, что защиту взглядов марксистов «принял на себя некто Ульянов (якобы брат повешенного), который и провел эту защиту с полным знанием дела»⁶⁹. Но когда, в конце вечеринки, Ульянов узнал от знакомой, что его оппонент, тот самый «солидный народник», был не кем иным, как самим В. П. Воронцовым – знаменитым В. В., то, по словам Ю. О. Мартова, «он переконфузился и сбежал с собрания».

Речь Ульянова имела успех. Теперь имя «петербуржца» было у всех на устах. Когда он вернулся в столицу, товарищи стали просить его дать ответ Михайловскому на его статьи в «Русском богатстве», направленные против марксистов. Весной и летом 1894 г. Ульянов завершил работу над статьей «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов)». Подготовительным материалом для этой работы явились его самарские рефераты. Петербургские марксисты не имели возможности издать работу типографским способом, и ее размножили на гектографе. Книга состояла из трех выпусков: первый был посвящен критике взглядов Михайловского, второй –

⁶⁸ См.: Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. Воспоминания. Л., 1958. 49.

⁶⁹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биография, 1870-1924. В 2 т. Т. 1. 1870-1917. М., 1987. С. 34.

политико-экономическим воззрениям Южакова (второй выпуск до сих пор не найден), третий – критике Кривенко.

В центре внимания оказались те же вопросы, которые в свое время были поставлены Плехановым: судьба капитализма в России, общественно-политические теории в новых условиях, положение различных классов, сословий. Для Ульянова (Ленина) капиталистическое развитие страны было объективной реальностью. Он не сомневался в том, что «капитализм засел уже прочно, сложился и определился вполне не только в фабрично-заводской промышленности, а и в деревне и вообще везде на Руси»⁷⁰. В то же время, стремясь доказать «полнейшее господство капитала в деревне», он явно забежал вперед, выдавая желаемое за действительное. Что касается народничества, то оно, по мнению Ульянова, попросту выродилось в «культурнический оппортунизм, выражающий только интересы мелкой буржуазии», «радикально-демократическое представительство мелкобуржуазного крестьянства»⁷¹.

Ульянов исключал саму мысль о наличии в крестьянской среде социалистических взглядов. Для него единственно последовательным сторонником социалистических идей являлся пролетариат. Крестьянство он рассматривал в лучшем случае как необходимого и временного союзника, поддержка которого являлась одним из условий победы рабочего класса. «Русский рабочий – единственный и естественный представитель всего трудящегося и эксплуатируемого населения России»⁷² – так звучала ленинская мысль. Книга заканчивается словами, которые до недавнего времени считались «вдохновенным пророчеством»: «На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получают широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, – тогда русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОБЕДОНОСНОЙ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»⁷³.

Книга Ульянова (Ленина) произвела сильное впечатление. Ее читали в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Владимире, Пензе, Ростове-на-Дону, Вильно, Киеве, Томске и других городах. По словам Н. А. Семашко, она была для них «настоящим евангелием. Мы... изучили ее почти наизусть»⁷⁴. Спустя много лет Ю. О. Мартов вспоминал: «После академической полемики Струве, от брошюры, исполненной желчных характеристик теоретической мысли и политических тенденций эпигонов народничества, веяло подлинной революционной страстью и плебейской грубостью, напоминавшей о временах демократической полемики 60-х годов. Несмотря на некоторую тяжеловесность изложения, плохую архитектуру статей и отдельные скороспелые мысли, брошюра обнаружила и литературное дарование и зрелую политическую мысль человека, сотканного из материала, из которого создаются партийные вожди. Я интересовался личностью автора, но уровень конспирации стоял тогда так высоко, что мне ничего не удалось узнать, кроме того, что брошюра вышла, по-видимому, из группы «стариков»; лишь впоследствии, через год, я услышал имя В. И. Ульянова»⁷⁵.

⁷⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1.

⁷¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 283, 286.

⁷² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 310.

⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 311-312.

⁷⁴ См.: Владимир Ильич Ленин. Биография, 1870-1924. Т. 1. С. 39.

⁷⁵ Мартов Ю. Записки социал-демократа. М., 1924. С. 240.

2. «Попутчики» Ульянова, или Многоликий «русский марксизм»

В критике либерального народничества В. И. Ульянов был не одинок. Мартов не случайно вспомнил Петра Бернгардовича Струве, сына губернатора, внука известного астронома – создателя Пулковской обсерватории. Ровесник Владимира Ульянова, Петр Струве заканчивал юридический факультет Петербургского университета и участвовал в марксистских образовательных кружках с целью «найти правду» марксизма. Еще до выхода книги Ульянова, в конце 1893 г. в органе немецкой социал-демократии появилась его критическая статья «К вопросу о капиталистическом развитии в России» по поводу вышедшей в свет книги Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». Статья вызвала оживленную полемику, и на Струве набросились все видные теоретики либерального народничества. В это время в Петербурге вокруг известной в прошлом участницы народовольческого движения А. М. Калмыковой сложился так называемый марксистский салон, в котором Струве играл заметную роль. (После смерти отца Петр Струве жил у Калмыковой на правах приемного сына, но в то же время, несмотря на разницу в возрасте в 21 год, они стали любовниками, тщательно скрывая эту связь.) Другой видной фигурой «салона» был М. И. Туган-Барановский.

В сентябре 1894 г. А. М. Калмыкова выпустила книгу Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», в которой выражалось сомнение в правильности выводов Маркса о крушении капитализма в результате обнищания пролетариата. Признавая марксистскую критику капитализма, Струве видел в нем «не только зло, но и могущественный фактор культурного прогресса – фактор не только разрушительный, но и созидательный»⁷⁶. Движение к социализму в его представлении было возможно только через капитализм как «зрелый и законный плод последнего». Отсюда он призывал «признать нашу некультурность и пойти на выучку к капитализму»⁷⁷. Книга была издана легально и сразу приобрела популярность, ее читали даже министры, а заключительные слова о «нашей некультурности» повторяли всюду.

Признанный авторитет В. И. Ульянова в среде петербургских социал-демократов – «нелегалов» и его критика народников заинтересовала участников марксистского «салона», и они решили пригласить его на свою встречу. Следует сказать, что в кругах «нелегалов» к Струве относились весьма сдержанно из-за его снобизма. Мартов, знавший его по университету, встретившись с ним вновь в 1894 г., заметил: «Его кислая усмешка и брезгливый тон производили впечатление той «умудренности», которая обычно сопровождает отказ интеллигента от революционной активности вообще»⁷⁸.

Первая встреча В. Ульянова с участниками марксистского «салона» состоялась в квартире инженера Р. Э. Классона на Охте в конце декабря 1894 г. Он пришел подготовленным – читал реферат, озаглавленный: «Отражение марксизма в буржуазной литературе» по поводу книги Струве «Критические заметки...». Тон реферата был резко критический: Ульянову не понравилось то обстоятельство, что революционная часть марксизма для Струве не представляла изначально никакой ценности. Да и сама критика народничества у Ульянова и Струве изначально имела совершенно разные цели. Если первый расценивал взгляды либеральных народников как «реформаторские» и уводящие в сторону от магистрального пути революционного движения, то второй защищал марксизм в полемике с народничеством потому, что тот «оправдывал» капитализм и давал научное объяснение исторической необходимости его в России.

⁷⁶ Струве П. Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. СПб., 1894. С. 287.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 224.

Судя по всему, В. И. Ульянов и П. Б. Струве сразу не понравились друг другу. Во всяком случае, Струве полагал, что Ульянов почувствовал в нем противника и «в этом он руководствовался не рассудком, а интуицией, тем, что охотники называют чутьем»⁷⁹. Несмотря на постоянные споры, стороны достигли компромисса, дабы, как выразился В. И. Ульянов, заключить союз «людей крайних с людьми весьма умеренными»⁸⁰ в борьбе против народничества. Результатом компромисса стал выход в апреле 1895 г. сборника «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития». В него вошли статьи Плеханова (псевдонимы – Д. Кузнецов и Утис), Ульянова (К. Тулин), Струве, Потресова и др. Таким образом, сборник впервые представлял союз эмигрантского, подпольного и так называемого «легального» марксизма (его представители публиковали свои теоретические статьи в легальных журналах). Сборник был сожжен цензурой, но сто экземпляров успели разойтись.

Временное объединение ортодоксальных (Плеханов, Ульянов, Мартов и др.) и «легальных» (Струве, Туган-Барановский, Бердяев) марксистов не могло быть продолжительным, так как, отдавая должное научному потенциалу теории Маркса, Струве и К° категорически выступали против ее догматизации, не принимали в марксизме его революционность, не видели в нем пролетарской исключительности, а также сторонились нелегальных форм деятельности. Под редакцией Струве в России легально издавались марксистские книги и журналы «Новое слово» (1897) (журнал в течение 8 месяцев, пока не был закрыт, печатал статьи Плеханова, Потресова, Засулич, Ульянова, Мартова и др., а в литературном отделе помещали очерки М. Горького), «Жизнь» (1897-1901), «Начало» (1899).

В дальнейшем взгляды Струве постепенно эволюционировали в сторону либерализма. В январе 1895 г. Струве ответил на слова Николая II о «бессмысленных мечтаниях» либералов, написав ему «Открытое письмо», в котором, выражая мнение земцев, предупреждал, что самодержавие вскоре «падет под напором живых общественных сил», если оно будет настаивать на управлении страной бюрократическими методами «при совершенной безгласности общества»⁸¹. По духу это была либеральная акция. В 1896 г. П. Б. Струве написал статью «К. Маркс» для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, критикуя некоторые положения его учения. В дальнейшем он отверг марксистскую теорию «краха капитализма», классовой борьбы, «обнищания пролетариата», социалистической революции. В конечном итоге, полагая, что «Манифест» Маркса уже не соответствует реалиям конца 1890-х гг., Струве пришел к выводу, что реформы, а не революция являются средством осуществления социального прогресса.

В начале XX в. произошел окончательный разрыв Струве с ортодоксальными марксистами. Он был ознаменован выходом в свет в 1902 г. легального сборника статей под редакцией Струве «Проблемы идеализма». Авторы статей – «легальные» марксисты Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк и др. – в качестве альтернативы революции выдвигали религиозную идею.

В. И. Ленин, систематически отслеживая деятельность Струве, беспощадно критиковал его и других «легальных» марксистов, отказывая им в праве именоваться социал-демократами. Как только он не называл Струве, какие ярлыки не навешивал! Самые корректные среди них – «Писатель», «Редактор», а чаще всего – «Близнец», «Бобо», «Иуда», «Теленок» и др. Называл он его и «контрреволюционером», и «высокообразованным, высокомерным и архиглупым вождем буржуазных реформистов» и даже придумал особый термин – «струвизм»⁸². Всего же из 55 томов «Полного собрания сочинений» В. И. Ленина его критика Струве содер-

⁷⁹ Струве П. Мои встречи и столкновения с Лениным // Новый мир. 1991. № 4. С. 219.

⁸⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 16.

⁸¹ Цит. по: Гнатюк О. Л. П. Б. Струве как социальный мыслитель. СПб., 1998. С. 84.

⁸² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 441; Т. 4. С. 358; Т. 7. С. 204-211; Т. 9. С. 51; Т. 12. С. 340; Т. 26. С. 227.

жится в 40 томах. Он считал Струве временным попутчиком, а затем ревизионистом, тянущим рабочее движение «по линии наименьшего сопротивления», т. е. по линии буржуазного тред-юнионизма, «квазимарксистом», которого необходимо «убрать от русской социал-демократии», вождем либеральной и «либерально-монархической буржуазии», «дюжинным буржуазным экономистом», оппортунистом, теоретиком «русского бернштейнианства», кончившим организацией либерального «Освобождения», более всего он обрушивался на его отказ от классового подхода.

Социал-демократ врач К. М. Тахтарев вспоминал, как в самом начале 1900-х гг. Ленин в беседе с ним назвал Струве «изменником и ренегатом». Тахтареву это показалось несправедливым по отношению к недавнему товарищу, и он обратил внимание Ленина на «возможные последствия подобного клеймения Струве», сказав: «А что если кто-либо из рабочих... под влиянием травли Струве на страницах «Искры» вдруг решится расправиться с ним или даже убьет его как «изменника и ренегата»? – «Его и надо убить», – ответил мне Владимир Ильич... Я все же стоял на своем, пытаюсь убедить Владимира Ильича в том, что некоторые из тех выражений, которые он пускал по адресу Струве, неподходящи и некоторые его полемические приемы недопустимы. «А что же, – возражал он мне, горячась, – по-вашему, мне надо надевать для расправы с ним замшевые рукавицы?» Видя, что наш разговор о Струве слишком задает Владимира Ильича за живое и сильно его горячит, я не решился продолжать и умолк, думая, что замшевые рукавицы все же лучше ежовых»⁸³.

В то же время, несмотря на идеологическое «клеймение» Струве, Ленин в «Материалах ко II съезду РСДРП», понимая огромное значение его эрудиции, высказывался о его «вхождении в партию»: «Струве организуется и войдет в партию»⁸⁴.

В. И. Ульянов. 1897 г.

Практическая деятельность петербургских марксистов, как и прежде, сводилась к кружковой работе среди передовых рабочих. Летом занятия в кружках обычно прерывались. Многие студенты-пропагандисты были иногородними и на каникулы отправлялись домой. Как шутили рабочие, «революция разъезжалась на дачи». В. И. Ульянова рабочие знали как «Николая Петровича», отзывались о нем благоприятно. Между собой они называли его иногда

⁸³ Тахтарев К. М. В. И. Ленин и социал-демократическое движение (по личным воспоминаниям) // Былое. 1924. № 24. С. 22-23.

⁸⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 430.

«Лысым», но обычно шутливо добавляли, что это «от слишком большого ума у него волосы вон лезут»⁸⁵.

Обе марксистские группы – «стариков» и «молодых» – были слабо связаны с предприятиями, вели пропаганду марксизма лишь в узком кругу сознательных рабочих. Но за пределами кружков оставались десятки тысяч пролетариев, которые все свое свободное время проводили в трактирах и враждебно относились к «бунтарям». Как вспоминал К. М. Тахтарев, «рядовые рабочие называли в это время кружковых рабочих безбожниками и сторонились их, говоря: «Кто от Бога и от царя отрекся, что же с ними разговаривать!»»⁸⁶

Петербургские кружковцы все больше испытывали неудовлетворенность «узостью» своей деятельности, понимали необходимость перехода к агитационной работе непосредственно на заводах и фабриках. Понимали это и в других промышленных центрах. В 1894 г. отбывавший ссылку в Вильно бывший студент Ю. О. Цедербаум (Мартов) отредактировал и написал предисловие к брошюре А. И. Кремера «Об агитации». Основная мысль брошюры сводилась к тому, что поднять рабочий класс и повести его на организованную классовую борьбу с буржуазией и самодержавием социал-демократия сможет, только взяв на себя роль организатора стихийно возникающих рабочих забастовок. Агитация среди рабочих должна быть поставлена на почву реальных повседневных нужд и требований.

Соглашаясь с такой постановкой вопроса, в то же время столичные марксисты опасались, как бы внедрение (проникновение) в рабочую среду не привело к скорым провалам. В феврале 1895 г. в столице встретились пять марксистов, представлявших социал-демократические группы Петербурга (Ульянов и Кржижановский), Москвы (Спонти), Киева (Ляховский) и Вильно (Копельзон). Собравшиеся обсудили вопросы о политической агитации, об издании популярной литературы для рабочих и установлении тесной связи с плехановской группой «Освобождение труда». Договорились, что за границу к Плеханову поедут двое – В. И. Ульянов и Е. И. Спонти.

Поездка неожиданно задержалась, так как Ульянов заболел воспалением легких и смог выехать лишь 25 апреля 1895 г. Это обстоятельство стало предлогом для поездки – Ульянову требовались отдых и лечение после перенесенной болезни. Заграничной агентуре было предписано «учредить за деятельностью Владимира Ульянова тщательное наблюдение». Встреча Ульянова и Плеханова состоялась в Женеве. 25-летний Владимир Ульянов отнесся к патриарху, первому русскому марксисту с чувством глубокого уважения и симпатии, от волнения он даже мало говорил и подарил ему свою книгу «Что такое «друзья народа»...». После встречи Плеханов дал своему гостю лестную характеристику. В те дни он писал жене: «Приехал сюда молодой товарищ, очень умный, образованный и даром слова одаренный. Какое счастье, что в нашем революционном движении имеются такие молодые люди»⁸⁷. Однако уже во время первой их встречи наметились некоторые разногласия. Ульянов отстаивал идею гегемонии пролетариата, его союза с крестьянством. Плеханов же отрицал революционность крестьянства и не одобрял нападок молодого Ульянова на либералов. «Вы. поворачиваетесь к либералам спиной, а мы лицом»⁸⁸, – заявил он. В Швейцарии Ульянов встречался также с П. Б. Аксельродом, в Париже – с Полем Лафаргом, зятем Маркса, одним из лидеров социалистического Интернационала. Лафарг интересовался тем, как русские социал-демократы ведут практическую работу. Между ними произошел любопытный разговор. Мартов так передал рассказ Ульянова:

«– Чем же вы занимаетесь в этих кружках? – спросил Лафарг. Ульянов объяснил, как, начиная с популярных лекций, в кружках из более способных рабочих штудируют Маркса.

⁸⁵ См.: Логинов В. Т. Владимир Ленин... С. 200-201.

⁸⁶ Тахтарев К. М. Рабочее движение в Петербурге (1893-1901 гг.). По личным воспоминаниям и заметкам. Л., 1924. С. 31.

⁸⁷ Исторический архив. 1958. № 6. С. 209; См.: Владимир Ильич Ленин. Биография, 1870-1924. Т. 1. С. 43.

⁸⁸ Переписка Г. В. Плеханова и П. Б. Аксельрода. М., 1925. Т. 1. С. 271.

– И они читают Маркса? – спросил Лафарг.

– Читают.

– И понимают?

– И понимают.

– Ну, в этом-то вы ошибаетесь, – заключил ядовитый француз. – Они ничего не понимают. У нас после 20 лет социалистического движения Маркса никто не понимает»⁸⁹.

Из Парижа Ульянов намеревался отправиться в Лондон для встречи с Ф. Энгельсом. Но, как выяснилось, тот был тяжело болен, и свидание не состоялось. В Германии петербургский гость работал в Прусской государственной библиотеке, посещал рабочие собрания и, наконец, встретился с Вильгельмом Либкнехтом – одним из лидеров Германской социал-демократической партии. Они обсудили возможность издания в Германии и транспортировки в Россию нелегальной литературы. 7 сентября Ульянов вернулся в Россию, привезя с собой чемодан с двойным дном, тайный отсек был набит нелегальной литературой. Полиция после самого тщательного досмотра его багажа «ничего предосудительного не обнаружила». Далее проездом через Вильно, Москву, Орехово Ульянов прибыл в Петербург. Осенью 1895 г. в жизни российской социал-демократии произошло историческое событие: все марксистские кружки Петербурга были объединены в политическую организацию, названную «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса».

3. Рождение «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». 1895 г.

Начало объединению было положено в октябре, когда в Петербург после двухлетней вильнюсской ссылки приехал Ю. О. Цедербаум (Мартов). Он вернулся с намерением использовать в столице вильнюсский опыт ведения агитации среди рабочих и организации издательского дела. Ульянов и другие «старики» были с ним солидарны. Их знакомство состоялось на квартире инженера-технолога Г. М. Кржижановского. Как вспоминал Мартов, «разговор сразу был поведен в тоне взаимного доверия». Мартов заявил, что он и его товарищи – «интеллигенты» могли бы и самостоятельно агитировать рабочих, но все «против кружкового дробления» и поэтому решили объединить свои усилия «с силами наиболее зрелой и старой из уже работающих групп». Оставалось только договориться о направлении совместной работы. По словам Мартова, «речь шла о принципиальном признании массовой агитации и отрицании метода «лабораторного» воспитания революционеров-рабочих путем кружкового штудирования книг».⁹⁰

⁸⁹ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 266.

⁹⁰ Там же. С. 265.

Ю. О. Мартов (Цедербаум)

Мартов сразу продемонстрировал «старикам» и Ульянову, чем отличается «живая» работа от «лабораторной», когда предложил им использовать типографскую новинку – мимеограф, бывший в распоряжении его группы. «Очень хорошо, – сказал Ульянов, обращаясь к своим коллегам, – можно будет напечатать переведенный Н. Н. «Жилищный вопрос» Энгельса. Очень важно его издать, – пояснил он, – ввиду антипрудонистских доводов Энгельса, бюющих и по народничеству»⁹¹. На это Мартов «с иронией заявил», что они «вовсе не намерены печатать литературу, которую будут читать, главным образом, студенты и маленькая верхушка рабочих. Брошюру Энгельса издать полезно, но, если в то же время та же техника может произвести десяток прокламаций, разъясняющих массам их экономическое положение, не может быть вопроса о выборе»⁹². «Старики» добродушно засмеялись и согласились с ним, что технику следует использовать более эффективно.

В те же дни марксисты пришли к соглашению с «Группой народолюбцев». Переговоры вел Ульянов. Договорились о том, что марксисты воздержатся от критики «идейных традиций» революционного народничества, а народолюбцы не станут пропагандировать террор и касаться вопроса о путях экономического развития России. Кроме того, народолюбцы предложили совместно издавать рабочую газету, первый номер которой они полностью отдавали на откуп марксистам, что их, по словам Мартова, «уже совсем. растрогало и обрадовало»⁹³.

Организационное слияние марксистских групп произошло на собрании, которое состоялось на квартире супругов Радченко. Кроме хозяев на нем присутствовало ядро группы «стариков»: В. И. Ульянов, Г. М. Кржижановский, В. В. Старков, инженер А. Л. Малченко, студенты университета А. А. Ванеев, М. А. Сильвин, П. К. Запорожец, Я. П. Пономарев, учительница Н. К. Крупская, курсистки Л. А. Якубова и З. П. Невзорова. От группы Мартова, помимо него самого, были Я. М. Ляховский, С. А. Гофман и В. М. Тренюхин. Эти 17 человек и составили костяк городской организации, которая еще не имела названия. Состав руководящей организации оказался, таким образом, чисто интеллигентским: рабочих там не было. Ненормальность такого положения для организации, претендующей на руководство рабочим движением, была

⁹¹ Там же. С. 267.

⁹² Там же. С. 267-268.

⁹³ Там же. С. 276.

очевидна многим. Но в то же время члены организации опасались, как бы при вводе рабочих в центральную организацию не была нарушена вся система внешней конспирации.

По предложению Ульянова, все члены организации распределились на три районные группы. В состав «Центральной группы» – руководящего центра всей организации – вошли Ульянов, Кржижановский, Ванеев, Старков и Мартов. Помимо этого Ульянов был назначен редактором предполагаемых изданий, С. И. и Л. Н. Радченко взяли на себя конспиративно-технические и финансовые дела, а Крупской поручалось поддерживать связи с рабочими через вечернюю школу. Таким был первый шаг на пути создания марксистской партии.

Уже осенью 1895 г. на петербургских предприятиях и в жилых рабочих казармах появились листовки, отпечатанные на mimeографе. Чтобы распространить среди своих товарищей листки, рабочие, связанные с организацией, прибегали к различным хитростям. Они забрасывали листовки в цеха через вентиляционные системы, рассовывали их по станкам, наклеивали у ворот предприятия, в «клубе» (так рабочие называли уборную) или раздавали незаметно при выходе с завода, прямо на улице.

Объединенная марксистская организация начала активно вмешиваться в ход стачек, охвативших в это время ряд петербургских предприятий. Следует отметить, что Петербургская губерния была главным очагом нестабильности: на нее за 10 лет приходилось более 11% всех забастовщиков в стране. В начале ноября 1895 г. на фабрике Торнтоната началась организованная «Союзом борьбы» забастовка 500 ткачей. Марксисты издали и распространили листок «Чего требуют ткачи». В ходе переговоров с администрацией забастовщики добились повышения заработка. Через два дня начались волнения на петербургской табачной фабрике «Лаферм». Причина – администрация снизила расценки с выработки. В ответ мастерицы перебили окна, мебель и поломали инструменты. Для подавления беспорядков градоначальник фон Валь распорядился оцепить фабрику и окатить работниц холодной водой из пожарных шлангов. Когда стачечницы жаловались градоначальнику на то, что невозможно прожить на пониженную зарплату, тот ответил: «Можете дорабатывать на улице». У социал-демократов не было непосредственных связей с фабрикой «Лаферм», но организации хотелось вмешаться в события. Для того чтобы собрать сколько-нибудь точную информацию о случившемся на фабрике,

В. И. Ульянов и М. А. Сильвин посещали некоторое время ближайший к месту событий трактир и чутко прислушивались к разговорам посетителей. Но пользы было мало. Как передавал Ульянов, купцы и мещане, виденные ими в трактире, рассказывали лишь о перипетиях обливания работниц водой и заканчивали рассказ нравоучительной сентенцией, отирая пот после соответствующего количества чайных порций: «А потому ни-и скандал!»⁹⁴ Тогда С. А. Гофман и М. А. Сильвин под благовидным предлогом стали завязывать разговоры с пожилыми работницами, возвращавшимися по вечерам домой, и понемногу собирали необходимые данные. Через несколько дней появилась листовка с изложением причин конфликта и требований папиросниц, которую с помощью разных ухищрений удалось распространить среди работниц фабрики.

Листовки имели большой успех. Их писали не «заумным» и нудным, а простым, понятным рабочим языком. Социал-демократическая интеллигенция нашла, наконец, ключ к «серой» рабочей массе. В конце 1895 г. нелегальная типография «Группы народовольцев» выпустила трехтысячным тиражом брошюру Ульянова «Объяснение закона о штрафах, взимаемых с рабочих на фабриках и заводах». Рабочие зачитывались брошюрой, писала Крупская, «она была им понятна и близка»⁹⁵. Высокую оценку брошюре Ульянова дали и Плеханов с Аксельродом, заявив, что «никто в России не пишет так хорошо для рабочих, как он»⁹⁶. Улья-

⁹⁴ Там же. С. 278.

⁹⁵ См.: История КПСС. Т. 1. М., 1964. С. 227.

⁹⁶ См.: Владимир Ильич Ленин. Биография, 1870–1924. Т. 1. С. 47.

нов ответил им: «Я ничего так не желал бы, ни о чем так много не мечтал, как о возможности писать для рабочих»⁹⁷.

В первых числах декабря была завершена подготовка первого номера газеты «Рабочее дело». Ульянов написал для него четыре статьи, в том числе передовую, призывавшую российский пролетариат к завоеванию политической свободы. Остальные статьи написали Мартов, Кржижановский, Ванеев, Сильвин, Запорожец и др. 8 декабря на квартире Крупской состоялось редакционное собрание по «Рабочему делу». Номер был сделан в двух экземплярах, один для передачи в типографию забрал Ванеев, а другой остался у Крупской. Но издать газету не удалось.

Полиция напала на след организации. Слежка усиливалась изо дня в день. Но ее члены накопили определенный опыт применения различных приемов конспирации. По свидетельству Н. К. Крупской, лучше всех по этой части был подкован В. И. Ульянов: он знал проходные дворы, умел великолепно надувать шпионов, учил товарищей писать «химией», точками, условными знаками в книгах, придумывал конспиративные клички. Члены организации для переписки использовали посреднические адреса, ввели псевдонимы, клички. Как вспоминал М. А. Сильвин, Ульянов «назывался «Тяпкин-Ляпкин» («до всего доходит собственным умом»), В. В. Старков – «Земляника», Г. М. Кржижановский – «Суслик»»⁹⁸. Ю. О. Мартова звали Егором. Частная переписка и хождения друг к другу были сведены до минимума.

4. Испытание тюрьмой и ссылкой. 1896-1899 гг.

В ночь с 8 на 9 декабря 1895 г. были арестованы четверо из пяти членов руководящего центра организации: Ульянов, Кржижановский, Старков, Ванеев, а также Запорожец, Малченко, рабочие-активисты Василий Шелгунов, Никита Меркулов, Иван Яковлев, Борис Зиновьев, Петр Карамышев и др. Из группы народолюбцев арестовали рабочего Н. В. Полетаева (впоследствии большевистский депутат III Государственной думы). Всем им было предъявлено обвинение «в государственном преступлении». На квартире Ванеева полиция захватила готовые к печати материалы первого номера газеты, и в ее руках оказались образцы почерков руководителей организации.

⁹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 12.

⁹⁸ Сильвин М. А. Ленин в период зарождения партии. С. 45.

И. В. Бабушкин

Однако деятельность не прекратилась. 15 декабря 1895 г. состоялось совещание уцелевших от ареста марксистов, на котором был восстановлен ее руководящий центр (в него вошли Мартов, Сильвин, Радченко и Ляховский). По предложению Ю. О. Мартова, организация обрела, наконец, свое название, вошедшее затем в историю – «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Участники совещания одобрили текст написанной Мартовым листовки, в которой говорилось, что полиция ошибается, полагая, будто «Союз» разгромлен. Напротив, борьба будет продолжена «до тех пор, пока не будет достигнуто полное освобождение рабочего класса из-под гнета капитализма». К концу года «Союз борьбы» выпустил еще одну прокламацию, «Что такое социалист и государственный преступник?», подписанную «Ваш товарищ рабочий». Листовку написал один из самых значимых членов организации 23-летний Иван Васильевич Бабушкин, служивший в то время сторожем в лаборатории Александровского чугунолитейного завода. Как вспоминал Мартов, несмотря на то, что Бабушкин «не без скептицизма... смотрел на начавшуюся полосу лихорадочной агитационной работы» («Вот, – говорил он нам, – стали во все стороны разбрасывать прокламации и в два месяца разрушили созданное годами»), он предложил воспользоваться интересом рабочих к нашумевшим арестам каких-то «сицилистов» и выпустить «популярный листок о социализме и борьбе за свободу»⁹⁹.

Активность Ю. О. Мартова не могла остаться незамеченной. Бывший сотрудник Петербургского охранного отделения П. Статковский в 1921 г. называл Мартова главным организатором Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». За ним было установлено постоянное наружное наблюдение, и в ночь с 4 на 5 января 1896 г. он был арестован. Одновременно взяли Ляховского, а также рабочих, в том числе и И. В. Бабушкина. Таким

⁹⁹ Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 294-295.

образом, число привлеченных к «делу декабристов», как их в шутку называли в радикальных кругах столицы,росло почти до сотни.

До февраля 1897 г. Ленин пробыл в одиночной камере № 193 петербургского Дома предварительного заключения. В камере он установил для себя строгий режим, соблюдение которого помогало ему переносить тяготы тюремной жизни. Весь день он работал (в тюрьме была прекрасная библиотека), соблюдал диету (ел очень мало хлеба) и каждый вечер делал гимнастику, которая помогала согреться в холодном помещении. Когда через два года в тюрьме окажется его младший брат Дмитрий, Ульянов в письме к матери порекомендовал ему самый эффективный прием – 50 земных поклонов. Он не без юмора вспомнил, как «надзиратель, подсматривая в окошечко», только диву давался, «откуда это вдруг такая набожность в человеке, который ни разу не пожелал побывать в предварилкинской церкви!»¹⁰⁰.

Тюремная камера В. И. Ульянова

Находясь в тюрьме, Ульянов не прекратил революционной деятельности. Здесь им была написана брошюра для рабочих «О стачках», две листовки, кроме того, он переписывался с товарищами, сидевшими в тюрьме. Свои работы Ульянов писал лимонным соком или молоком, налитым в маленькие чернильницы, сделанные из хлеба. Чтобы надзиратель не заметил этого, он, как только слышал щелканье дверной форточки, моментально съедал свою чернильницу. «Сегодня съел шесть чернильниц», – сообщал Ульянов в одном из своих писем. На воле листки с тайными записями прогревали над огнем или опускали в горячую воду и бесцветные строки делались заметными. Другим способом переписки с товарищами были книги из тюремной библиотеки. На их страницах Ульянов малозаметными точками отмечал буквы, из которых и складывалось послание. Главным связным между Ульяновым и волей была его старшая сестра Анна Ильинична, которая получала его шифрованные письма, а также сообщала родным других заключенных, какую книгу необходимо им попросить в тюремной библиотеке.

В тюрьме Ульянов начал работать над книгой «Развитие капитализма в России». Для этого родные с помощью А. Н. Потресова передали ему из библиотек Петербурга необходимую

¹⁰⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 72.

литературу. Тюремные правила позволяли снабжать заключенных книгами сколько угодно. Закончить книгу в камере он не успел. «Жаль, рано выпустили, надо бы еще немножко доработать книжку, в Сибири книги доставать трудно»¹⁰¹, – в шутку говорил Владимир Ильич.

Все арестованные «по делу с. – петербургского кружка социал-демократов» придерживались на допросах тактики «запирательства», полностью отрицая предъявляемые обвинения. Однако многие рабочие, впервые оказавшиеся на допросе, были напуганы и дали компрометирующие марксистов-интеллигентов показания. Как отмечает Мартов, «это было в порядке вещей». Совершенно неожиданно «раскололся» вожак путиловцев, 20-летний рабочий Борис Зиновьев, который на третьем месяце своего заключения отказался от политики «запирательства» и рассказал о многом, в том числе, как для помощи рабочему движению он «использовал» интеллигентов. Б. Зиновьев не был предателем. Просто товарищ прокурора С. – Петербургской судебной палаты А. Е. Кичин, который вел дознание, по словам Мартова, поймал Зиновьева «на удочку политического тщеславия». Кичин просил объяснить ему, что общего между таким умным и талантливым рабочим и интеллигентами. Кроме того, молодой рабочий считал «полезным для дела» объяснить властям цели и задачи нарождающегося рабочего движения. После заключения Зиновьева выслали под надзор в Тверь, где он возобновил пропаганду среди местных рабочих, но через два года заболел и умер. Мартов полагал, что «в его лице сошла в могилу крупная сила».

Аресты не разрушили «Союз борьбы». Пополнившись новыми членами (Ф. И. Дан, А. Н. Потресов, Ф. И. Гурвич и др.), он продолжал действовать. П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский и другие «легальные» марксисты оказывали организации всевозможную помощь. В 1896 г. «Союз борьбы» развил широкую агитационную деятельность среди рабочих при помощи многочисленных прокламаций, тайных собраний, устройства стачечных касс, распространения нелегальных брошюр. Впервые в Петербурге появился листок с призывом к празднованию 1 Мая, 2 тыс. экземпляров которого было распространено на 40 фабриках и заводах.

Летом 1896 г. произошла грандиозная стачка петербургских текстильщиков, получившая название «промышленной войны». В ней участвовало свыше 30 тыс. рабочих. Забастовка возникла по инициативе самих рабочих, но «Союз борьбы» принял в ней самое активное участие. Поводом к стачке послужил отказ фабрикантов оплатить рабочим дни коронации Николая II, во время которых они не работали. Рабочие проявили стойкость и организованность. Примерно сто представителей ткацких предприятий сообща выработали требования, передали их «Союзу борьбы», и 30 мая вышла листовка «Чего требуют рабочие петербургских бумагопрядилен и ткацких». А требовали забастовщики в первую очередь, чтобы их рабочий день продолжался 10,5 часа, «чтобы заработок. выдавали правильно и вовремя» и «чтобы было заплачено сполна за коронационные дни». Листок молниеносно разошелся по рукам. Пришлось трижды печатать его большими тиражами. Всего за время стачки было издано 13 прокламаций. Стачка длилась больше месяца и нашла горячий отклик среди западноевропейских рабочих. По инициативе дочери К. Маркса Элеоноры Эвелинг, рабочими Лондона было собрано и переслано в Петербург в помощь бастующим около 2 тыс. руб. В Англии было создано «Общество друзей свободы России», во главе которого стояли эмигранты-народники Н. Чайковский и Ф. Волховский. Многим членам «Союза борьбы» казалось, что «в воздухе пахнет революцией».

Русская печать не могла даже заикнуться о стачке. С помощью полиции и казаков, путем увещаний и угроз властям удалось заставить рабочих вернуться к станкам. Не менее 1 тыс. стачечников было арестовано, многих из них выслали из столицы. Стачка улеглась лишь тогда, когда правительство в лице министра финансов С. Ю. Витте объявило о созыве комиссии из фабрикантов и чиновников для рассмотрения вопроса о законодательном сокращении рабо-

¹⁰¹ См.: Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1989. С. 24.

чего времени. 2 июня 1897 г. вышел первый закон, ограничивающий продолжительность рабочего дня до 11,5 часа, также были сильно ограничены сверхурочные работы.

Но и полиция не дремала. В августе 1896 г. за решеткой оказались все руководители новой Центральной группы «Союза борьбы»: С. И. Радченко, Крупская, Сильвин, Гофман и Дан. К руководству пришли Тахтарев и его группа «молодых», известная под кличкой «Обезьяны». В организацию влилась и группа Чернышева, известная как «Петухи».

Успехи рабочего движения непосредственно отозвались на судьбе арестованных по делу «Союза борьбы». Поскольку «рабочий вопрос» становился все более актуальным, правительство изменило на время свое отношение к социал-демократам, полагая почему-то, что они ведут лишь экономическую, а не политическую борьбу. Первоначально намеченный для них приговор с долголетней ссылкой (до десяти лет) был заменен значительно более мягким. 13 февраля 1897 г. было объявлено «высочайшее повеление»: шестеро членов «Союза борьбы» (Ульянов, Кржижановский, Ляховский, Старков, Ванеев и Мартов) получили по три года ссылки в Восточную Сибирь. При этом их родственники выхлопотали у властей дотоле неслыханные льготы – разрешения перед отправкой в ссылку пробыть три дня в своих семьях.

В эти «отпускные» дни главные фигуранты дела провели два совещания с «молодыми» – новыми руководителями «Союза борьбы». Между «стариками» и «молодыми» развернулась горячая полемика о дальнейших путях развития «Союза борьбы». Тахтарев и его единомышленники, как выяснилось, не слишком склонные увлекаться политикой, ратовали за создание на предприятиях «рабочих касс» и «касс взаимопомощи», которые объединили бы в одно целое всю рабочую массу, не деля ее на «сознательных» и «серых». Ульянов и другие марксисты – «старика» с ними были не согласны: по их мнению, надо было крепить «Союз борьбы» как организацию революционеров и не отвлекаться от главной цели – политической борьбы. Но тогда эти разногласия не казались еще серьезными.

Ульянов, Мартов и еще пять осужденных членов «Союза» позволили себе еще одну вольность – они сфотографировались группой «на память» (этот снимок получил в советское время широкую известность) и только затем явились в пересыльную тюрьму. Оттуда их, кроме Ульянова и Ляховского (им было разрешено добираться до места ссылки за свой счет), отправили в Москву, где они полтора месяца провели в ожидании этапа в знаменитых московских Бутырках.

Руководители «Союза борьбы...»

Там находился и известный уже Н. Е. Федосеев. Но большинство «сидельцев» были поляки, участники варшавского и лодзинского рабочего движения. Они восхитили петербургских товарищей мастерством исполнения революционных песен. Г. М. Кржижановский здесь же в тюрьме перевел на русский язык два боевых гимна польских рабочих: «Варшавянку» Свенцицкого и «Красное знамя», и эти тюремные переводы вскоре сделали обе песни гимнами также и русского рабочего движения.

Из Москвы партию ссыльных отправили в Красноярск, где они встретились с В. И. Ульяновым, ожидавшим решения своей участи. Перед самым отъездом к месту назначения они устроили в тюрьме, как выразился Мартов, «дерзкую шутку». Дело в том, что в Красноярск привезли Н. Е. Федосеева, который отсюда должен был проследовать в Иркутскую губернию. Узнав, что В. И. Ульянов находится в городе, он попросил питерцев устроить ему встречу с ним. Вот как об этом рассказывает Мартов: «Мы, выходя из тюрьмы, не забрали своих пожитков, а на следующий день явились за ними в тюремный цейхгауз с телегой, которую кроме извозчика, сопровождал Ульянов в качестве, якобы хозяина телеги. Одета в шубу купецкая фигура Ульянова показалась часовым подходящей для извозпромышленника, и они нас пропустили. В цейхгаузе же мы потребовали у надзирателя вызова Федосеева, как «старосты» политиков, для сдачи нашего имущества. Таким образом, пока мы извлекали и нагружали свое добро, Ульянов и Федосеев могли беседовать, к великому смущению «помощника», понявшего, что его одурачили, но не пожелавшего поднимать шума»¹⁰².

Летом 1898 г. на новом месте ссылки в Верхотенске, не выдержав клеветнических нападок одного из ссыльных, терпя ужасную нужду, Н. Е. Федосеев покончил с собой выстрелом из ружья. Несмотря на определенные вольности режима содержания, не была «санаторием» и

¹⁰² Мартов Ю. Записки социал-демократа. С. 336-337.

царская тюрьма. Здесь сошел с ума П. К. Запорожец (вскоре он умер). Нажитый в «одиночке» петербургской пересыльной тюрьмы туберкулез свел в могилу А. А. Ванеева и учительницу Сибилеву. Заболел тяжелым психическим расстройством С. А. Гофман.

Вечером 8 мая 1897 г. В. И. Ульянов прибыл на место назначения – в село Шушенское Минусинского округа Енисейской губернии, где когда-то жили ссыльные декабристы, а в 1860-х гг. отбывал ссылку М. В. Буташевич-Петрашевский. Местом ссылки Ю. О. Цедербаума (Мартова) власти назначили Туруханск – самое гиблое в тех краях место. Другие главные фигуранты петербургского «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» также были разбросаны по разным углам Севера и Сибири.

Шушенское – место ссылки В. И. Ульянова

С точки зрения реалий сегодняшнего дня шушенская ссылка Ульянова может показаться отдыхом. Да и не только сегодняшнего: «Нельзя представить себе наказание, в большом и малом, столь приятное и столь полезное, как ссылка Ленина»¹⁰³, – писал Н. В. Вольский (Н. Валентинов), бывший большевик и соратник Ленина, в 1930 г. эмигрировавший из СССР. В самом деле, царское правительство выдавало ссыльным небольшие деньги – всего 8 рублей в месяц. Но надо учитывать небывалую дешевизну продуктов в Шушенском. По свидетельству Крупской, «за свое «жалованье» ее супруг «имел чистую комнату, кормежку, стирку и чинку белья – и то считалось, что дорого платит. Правда, обед и ужин был простоват – одну неделю для Владимира Ильича убивали барана, которым кормили его изо дня в день, пока всего не съест; как съест – покупали на неделю мяса, работница во дворе в корыте, где корм скоту заготавливали, рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, тоже на целую неделю»¹⁰⁴. Вдоволь было и молока, в огороде росла «всякая всячина – огурцы, морковь, свекла, тыква», не следует забывать еще картошку, кислую капусту и сибирские ватрушки. Добавим, что Ульянов часто ходил на охоту и возвращался с добычей. А сибирская природа, свежий воздух и чистая вода! Через полгода после приезда в Шушенское Владимир Ульянов в письме признавался:

¹⁰³ Валентинов Н. В. Малоизвестный Ленин. СПб., 1991. С. 26.

¹⁰⁴ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 30.

«Здесь тоже все нашли, что я растолстел за лето, загорел и высмотрю совсем сибиряком. Вот что значит охота и деревенская жизнь! Сразу все питерские болезни побоку!»¹⁰⁵

Действительно, Ульянов в ссылке приобрел столь упитанный вид, что приехавшая в Шушенское в мае 1898 г. вместе с Крупской ее мать, увидев его, не могла воздержаться от возгласа: «Эк вас разнесло!» После приезда Надежды Константиновны молодые супруги стали жить отдельно, завели собственное хозяйство (заботу о нем проявляла теща – Елизавета Васильевна), наняли прислугу. В деньгах не нуждались – Ульянов регулярно получал от матери финансовую помощь. Они ездили в гости к другим ссыльным и принимали их у себя, два раза в неделю получали почту: письма (их было очень много), журналы, газеты, книги на разных языках. Как отмечает Н. В. Вольский (Н. Валентинов), Ульянов приехал «в Шушенское с двумя десятками книг», а уехал «оттуда с 15 пудами очень ценных книг, стоящих многие сотни рублей»¹⁰⁶. Зимой катались на коньках. «В общем, ссылка прошла неплохо», – резюмировала Крупская.

В ссылке, однако, будущий «вождь пролетариата» не только отдыхал и поправлял здоровье, но и много работал. За три года ссылки Ульянов написал свыше тридцати произведений. В том числе здесь он закончил фундаментальное исследование «Развитие капитализма в России» (ее первоначальное название – «Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности»), объемом 500 страниц. Много сил и времени он потратил на изучение материалов, относящихся к теме исследования. Всего Ульянов использовал около 600 источников: монографии, статьи, статистические справочники, сборники. Всю необходимую литературу ему доставала сестра А. И. Ульянова-Елизарова и П. Б. Струве. Книга была издана легально в марте 1899 г. Большую роль в издании работы сыграл П. Б. Струве, который доставал деньги, вел переговоры об издании книги и других статей Ульянова. Он же настоял на более емкой заголовке книги, исходя из ее реального содержания, а отчасти и рекламно-коммерческих соображений. Книга вышла под псевдонимом В. Ильин большим по тем временам тиражом – 2400 экземпляров и быстро разошлась среди интеллигенции и учащейся молодежи. Издательница книги М. И. Водовозова тогда же отметила необычайный успех работы Ульянова. Она писала: «Я издала ее весной, и, несмотря на наступление лета и отлив молодежи из столиц перед Пасхой, эта книжка расходуется с невероятной быстротой... Нельзя читать книгу без самого захватывающего интереса»¹⁰⁷. «Книга Ильина по глубине и последовательности его анализа, несомненно, является крупным вкладом в нашу экономическую литературу», – писал журнал «Образование».

В работе «Развитие капитализма в России» Ульянов дал анализ пореформенного развития России, показал особенности и противоречия русского капитализма, определил место различных классов в освободительном движении и доказывал необходимость руководящей роли пролетариата в революции, его «способность повести многомиллионные массы полукрепостного крестьянства на штурм царского строя».

5. «Союзы борьбы» действуют

В Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» имел связи с рабочими 70 предприятий. В их число входили 39 фабрик и заводов, насчитывавших более тысячи или около тысячи рабочих. По примеру петербургского «Союза борьбы» подобные организации возникли во многих городах Центральной России, а также в национальных районах: на Украине, в Закавказье, Польше и Латвии. По сравнению с прежними кружками пропагандистов

¹⁰⁵ См.: Валентинов Н. В. Малоизвестный Ленин. С. 21.

¹⁰⁶ Там же. С. 24.

¹⁰⁷ См.: Владимир Ильич Ленин. Биография, 1870-1924. Т. 1. С. 65-66.

«Союзы борьбы» были более крупными организациями, в них готовили почву для создания единой марксистской революционной организации.

Особенно энергичной была деятельность образованного в 1894 г. «Московского рабочего союза», переименованного в 1898 г. в «Московский союз борьбы за освобождение рабочего класса». В разное время социал-демократическую группу возглавляли С. И. Мицкевич, А. Н. Винокуров, М. Н. Лядов, М. Ф. Владимирский, В. В. Воровский, И. Ф. Дубровинский. Активное участие в «Рабочем союзе» принимали А. И. Ульянова-Елизарова, М. Т. Елизаров, В. Д. Бонч-Бруевич, Л. П. Радин – автор революционной песни «Смело, товарищи, в ногу!» В 1896 г., по случаю 25-летия Парижской коммуны, москвичи послали французским рабочим адрес, подписанный 605 рабочими, 50 рублей и письмо с просьбой возложить венок на могилу парижских коммунаров. На пике своей активности «Рабочий союз» вел агитацию на 55 крупных заводах, фабриках и в железнодорожных мастерских; он был связан с товарищами из других городов и с группой «Освобождение труда». Однако после того как московское охранное отделение возглавил С. В. Зубатов, в рядах «Рабочего союза» появились провокаторы, начались аресты, что не могло не отразиться на его деятельности.

При содействии москвичей заметную роль стал играть иваново-вознесенский «Рабочий союз». Связь с петербургским «Союзом борьбы» и московским ивановцы поддерживали через городского судью С. П. Шестернина, рабочих Ф. А. Афанасьева, Н. И. Махова, М. А. Багаева, «домашнюю учительницу», как ее называли в полицейских донесениях, О. А. Варенцову. Для своих целей ивановцы приспособили небольшую книжную лавку, в которой продавцами работали социал-демократы. В лавке приобретали легальные издания, обменивались нелегальными, узнавали о собраниях, явках, а продавцы намечали среди своих покупателей кандидатов в рабочие кружки. Местом явок, встреч, передач служила также чайная «Общества трезвости». Иваново-вознесенский «Рабочий союз» участвовал и возглавлял забастовки местных текстильщиков. Широкий резонанс получила трехнедельная стачка 15 тысяч ткачей, начавшаяся 22 декабря 1897 г. из-за того, что фабриканты при осуществлении закона от 2 июня 1897 г. о сокращении рабочего дня до 11,5 часа решили компенсировать свои потери за счет сокращения праздничных дней.

В Киеве в 1896 г. марксисты – сторонники политической агитации (Ю. Д. Мельников, Б. Л. Эйдельман, П. Л. Тучапский, Н. А. Вигдорчик) – создали группу «Рабочее дело». Шесть лет группа издавала газету «Вперед», выходившую под девизом «Счастье рабочих – в их собственных руках. Сила рабочих – в их союзе». В марте 1897 г. они объединились с группой польских социал-демократов в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Только за один этот год совместными усилиями киевские социал-демократы выпустили свыше 6,5 тыс. экземпляров листовок. Их разбрасывали на улицах, у ворот домов, в железнодорожных мастерских, в тех местах, где было много рабочих. Кроме того, киевские листовки распространялись в Екатеринославе, Николаеве, Одессе.

В Николаеве начал свою революционную деятельность сын херсонского колониста 18-летний Л. Д. Бронштейн (Троцкий). По его инициативе в 1897 г. возник «Союз николаевских рабочих» («Южнорусский рабочий союз»). По собственному признанию Л. Д. Троцкого, тогда он еще «считал себя противником Маркса, книг которого, правда, не читал». В одной из ранних автобиографий Троцкий писал: «Политическое невежество мое было глубокое. В сущности, я ни одной революционной книги тогда не читал, и даже с Коммунистическим манифестом познакомился, читая и разъясняя его в кружке»¹⁰⁸. Местные рабочие знали Троцкого под псевдонимом Львов. Он развил бурную деятельность: подготовил устав новой организации, писал прокламации, статьи для нелегальной газеты «Наше дело». Подпольные встречи с рабочими проходили на квартирах, в лесу, на реке. Некоторые рабочие, «захваченные новыми

¹⁰⁸ См.: Васецкий Н. А. Троцкий: Опыт политической биографии. М., 1992. С. 16.

чувствами», сочиняли «пролетарские стихи». А один даже «сочинил украинскую думку про Карла Маркса», которую распевали хором. Вспоминая тот период, Троцкий писал: «Влияние союза росло быстрее, чем формирование ядра вполне сознательных революционеров. Наиболее активные рабочие говорили нам: на счет царя и революции пока поосторожнее.

После такого предупреждения мы делали шаг назад, на экономические позиции, а потом сдвигались на более революционную линию»¹⁰⁹. «Южнорусский рабочий союз» просуществовал всего девять месяцев. Не без помощи двух провокаторов полиция арестовала свыше 200 человек, в том числе Троцкого.

Высылая активных участников марксистских кружков из центральных районов на окраины империи, полиция в немалой степени способствовала установлению связей между ними. В 1896-1897 гг. ссыльные русские социал-демократы и их грузинские единомышленники создали марксистские кружки в Тифлисе, Батуме, Кутаиси. В один из таких кружков вступил ученик Тифлисской духовной семинарии И. В. Джугашвили (Сталин), который вел социал-демократическую пропаганду среди рабочих железнодорожных мастерских.

В 1890-е гг. центрами социал-демократического движения среди еврейских рабочих на западе и юго-западе России были Вильно и Минск. В Вильно среди социал-демократов существовало мнение об использовании марксизма в процессе объединения еврейских рабочих для борьбы с бесправием и притеснением евреев в Российской империи. В своем выступлении на собрании виленских агитаторов в мае 1895 г. Ю. О. Мартов предлагал создать специально еврейскую рабочую организацию, которая явилась бы руководительницей и воспитательницей еврейского пролетариата в борьбе за экономическое, гражданское и политическое освобождение. В то же время он подчеркивал, что рабочее движение интернационально, что еврейский пролетариат может победить только вместе с рабочими других национальностей. В сентябре 1897 г. еврейские социал-демократы Вильно, Минска, Белостока, Варшавы, Витебска объединились во «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России» («Алгемейнер Идишер Арбетер Бунд»), ставший широко известным под именем «Бунд». Основой организации были стачечные кассы. Бундовцы выступали за создание единой российской социал-демократической партии, но считали, что внутри нее должна существовать автономная организация еврейских рабочих. Они вели пропаганду, причем на русском языке, не только среди евреев, но также среди поляков и литовцев. Бунд был связан с петербургским и киевским «Союзами борьбы» и московским «Рабочим союзом», а также принимал активное участие в доставке нелегальной литературы из-за границы.

6. Рождение РСДРП (1898 г.): «первый блин комом»

В середине 1890-х гг. идея объединения разрозненных социал-демократических групп в партию уже носилась в воздухе и была очень популярна. Такую задачу ставили перед собою и социал-демократы петербургского «Союза борьбы». Находясь в тюремном заключении, В. И. Ульянов сначала написал молоком между строк легальной книги «Проект программы» для будущей партии, а затем «Объяснение программы» и передал их на волю через Н. К. Крупскую. Летом 1896 г. она ездила в Полтаву договариваться с киевскими марксистами о подготовке съезда и издании общей нелегальной газеты. Однако аресты и ссылка не позволили социал-демократам Петербурга созвать всероссийский партийный съезд. Затем за подготовку съезда взялись киевляне. В марте 1897 г. представители группы «Рабочее дело», объехав ряд организаций, пригласили в Киев товарищей из Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенска, Вильно и польских социал-демократов. Однако явились только делегаты Петербурга и Москвы. Московский делегат показался инициаторам съезда подозрительно юным, и его отправили обратно.

¹⁰⁹ См.: Невский В. И. Южно-русский рабочий союз. М., 1922. С. 24.

Так что вместо съезда получилась лишь скромная конференция. На ней было решено наладить в Киеве издание нелегальной общерусской «Рабочей газеты». Б. Л. Эйдельман, Н. А. Вигдорчик, П. Л. Тучапский выпустили в свет два номера: в августе и в декабре 1897 г. В передовице второго номера газеты говорилось, что «борьба с самодержавным правительством за политическую свободу есть ближайшая задача русского рабочего движения». И далее: «Наступает пора, когда отдельные, разбросанные всюду рабочие кружки и союзы должны превратиться в один общий союз или одну общую партию»¹¹⁰. Г. В. Плеханов и группа «Освобождения труда» в целом отзывались о «Рабочей газете» довольно одобрительно. «В моих глазах, – писал Плеханов киевским товарищам, – ваш орган есть также и наш орган, орган всех тех, которые принадлежат к русской социал-демократической партии»¹¹¹.

В это же время с инициативой проведения съезда выступил Бунд. (По мнению Ю. О. Мартова, организация Бунда ускорила сплочение других социал-демократических формирований и созыв I съезда РСДРП.) Один из основателей еврейской организации А. И. Кремер съездил сначала в Петербург, а затем в Киев для переговоров, в ходе которых стороны пришли к соглашению. Таким образом, мысль о созыве учредительного партийного съезда российской социал-демократии исходила одновременно от Бунда и киевского «Союза борьбы». Техническую работу по подготовке съезда взял на себя Бунд.

Местом съезда был избран Минск, тогда тихий провинциальный город. Здесь не было еще усиленной полицейской слежки, как в Петербурге, Москве или Киеве. Делегаты съезжались поодиночке. На вокзале их встречали представители Бунда и разводили окольными путями по квартирам. Делегатов было очень мало: всего девять человек. На съезде присутствовали представители четырех «Союзов борьбы за освобождение рабочего класса»: С. И. Радченко – от Петербурга, А. А. Ванновский – от Москвы, К. А. Петрусевич – от Екатеринослава, П. Л. Тучапский – от киевского «Союза борьбы» и Рабочего комитета, а также Б. Л. Эйдельман и Н. А. Вигдорчик – от «Рабочей газеты», А. И. Кремер, А. Мутник и Ш. Кац – от Бунда. На съезд не пригласили петербургских «молодых», одесскую и николаевскую социал-демократические группы, как не вполне устойчивые и недостаточно конспиративные. По разным причинам отказались участвовать в нем харьковские социал-демократы и Литовская социал-демократическая партия.

Съезд открылся в 10 часов утра 1 марта 1898 г. на квартире железнодорожника, социал-демократа П. В. Румянцева, в небольшом деревянном домике на окраине города, на Захарьевской улице. Съезд был строго законспирирован, хотя заседал в непосредственной близости от полиции: на другой стороне улицы находилось помещение конной жандармерии. Проходил съезд под видом вечеринки по случаю именин жены П. В. Румянцева. Из окна маленькой боковой комнатки, где заседал съезд, была предусмотрительно на случай побега вынута вторая рама. Окно выходило в сад, за которым текла река Свислочь и начинались лесные заросли. В соседней комнате непрерывно топились печка, чтобы при налете полиции можно было быстро сжечь компрометирующие материалы.

Съезд заседал три дня и имел шесть заседаний. Председателем был избран Эйдельман, Вигдорчик – секретарем. Порядок дня определял устав, составленный Эйдельманом и по конспиративным соображениям названный «Устав коллоквиума». Протокол не велся, записывались только резолюции. Первым на съезде обсуждался вопрос о названии партии. Судя по проекту программы съезда, предлагалось рассмотреть несколько вариантов: «Русская социал-демократическая партия», «Русская рабочая партия», «Русский рабочий союз». Название «социал-демократическая» разногласий не вызывало. В конечном итоге решили назвать пар-

¹¹⁰ См.: История КПСС. Т. 1. С. 258.

¹¹¹ См.: Лепешинский П. Первый съезд. Харьков, 1928. С. 15-16.

тию «русской». Тем самым съезд подчеркнул, что она должна строиться не по узконациональному признаку.

Часть делегатов выступила против наименования партии «рабочей», мотивируя это тем, что фактически в социал-демократические группы входит пока немного рабочих. Мнения разделились. Большинством в пять голосов против четырех съезд утвердил название «Русская социал-демократическая партия». Слово «рабочая» было включено в него уже после съезда, при составлении Манифеста, с согласия двух членов ЦК.

При обсуждении национального вопроса, который вырос из более частного – об отношении партии к PPS (партии польских социалистов), делегаты высказались за признание права каждой нации на самоопределение. Остальное время съезд посвятил докладам делегатов с мест и, главным образом, обсуждению принципов построения партии. Они были изложены в 11 параграфах. В первом параграфе, по требованию делегации Бунда, было сказано, что он входит в партию как автономная организация, самостоятельная в вопросах, связанных с работой среди еврейского пролетариата. По предложению делегата из Екатеринослава, съезд дал автономии местным комитетам, разрешив им выполнять постановления ЦК в той форме, которую они найдут более подходящей для местных условий, а в исключительных случаях комитеты могли отказаться от выполнения требований ЦК, известив его о причине отказа.

Съезд избрал Центральный Комитет в составе С. И. Радченко, Эйдельмана и Кремера. Официальным органом партии была объявлена «Рабочая газета». Тучапский предложил обратиться к Плеханову с просьбой составить программу партии вместе с торжественной декларацией о ее возникновении, но Радченко посоветовал поручить это петербургской организации, так как, по его мнению, в Петербурге больше возможностей сделать это без проблем, «какие неизбежны при сношениях с границей». Съезд согласился с его доводами. Избранному ЦК было поручено выпустить Манифест партии.

3 марта 1898 г. съезд закончил свою работу. Напоследок делегаты решили отправить приветствие Плеханову в связи с 15-летием со дня выхода в свет его первой книги «Социализм и политическая борьба». В тот же вечер, по-видимому, они составили письмо к немецкой социал-демократии, посвященное 50-летию революции 1848 г. в Германии.

Казалось, что цель достигнута. Вскоре, однако, последовали «провалы». Киевские делегаты «притащили» с собой в Минск трех филеров из «летучего отряда», посланного на Юг начальником московского охранного отделения С. В. Зубатовым по поручению департамента полиции для розыска типографии «Рабочей газеты». И хотя в самом Минске никто не был задержан (филерам не удалось узнать, зачем сюда приезжали киевские социал-демократы), но буквально через неделю после съезда пятеро из девяти делегатов были арестованы. В июле полиция арестовала все руководство Бунда и их типографию в Бобруйске. Партийный центр фактически перестал существовать. Всего, по некоторым данным, в 27 городах России подверглось аресту около 500 социал-демократов.

Забегая вперед, отметим, что никто из делегатов I съезда РСДРП и избранного на нем ЦК большевиком не стал. Освободившись, многие из них отошли от всякой партийной работы.

Оставшийся на свободе С. И. Радченко предложил П. Б. Струве написать «Манифест РСДРП». Тот, по его признанию, не вкладывал в него личных убеждений, будучи к этому времени уже «критическим» марксистом. Он не подписал «Манифест», и уже много позднее писал: «Я сделал все, что было в моих силах, чтобы не внедрить в текст манифеста ничего из моих собственных убеждений, которые либо были бы восприняты как ересь, либо просто оказались бы недоступны для восприятия среднего социал-демократа»¹¹².

После того как С. И. Радченко и Кремер внесли в Манифест незначительные изменения, он увидел свет. В Манифесте указывалось, что местные социал-демократические группы,

¹¹² Цит. по: История КПСС. Т. 1. С. 266.

«соединяясь в партию», тем самым «окончательно закрепляют переход русского революционного движения в новую эпоху сознательной классовой борьбы», а сама «Российская социал-демократическая рабочая партия продолжает дело и традиции всего предшествовавшего революционного движения в России», но она избирает другие пути и использует иные средства борьбы.

Манифест и решения съезда были опубликованы в апреле 1898 г. отдельным листком. Весть о возникновении партии произвела большое впечатление на всех марксистов. В. И. Ульянов узнал о съезде от Н. К. Крупской, которая приехала к нему в Шушенское в мае 1898 г. По воспоминаниям П. Лепешинского, Владимир Ильич «радовался, как ребенок. Он с величайшей гордостью заявил нам, своим ближайшим товарищам по ссылке и единомышленникам, что отныне он член российской соц. – дем. рабочей партии. Мы тоже все с большим удовольствием подхватили этот новый для нас мотив и как будто сразу выросли в своих собственных глазах»¹¹³. По случаю такого события Ю. О. Мартов на радостях распил с товарищами ссыльными бутылку редкой в Туруханском крае наливки, а после написал популярную брошюру о целях социал-демократии. Она была опубликована в Женеве.

Историческое значение первого съезда состоит в том, что он официально провозгласил образование РСДРП, завершив тем самым «период детства и отрочества» русской социал-демократии. Теперь прокламации марксистов стали выходить за новой подписью – «Комитет РСДРП». Однако говорить о реальном возникновении партии не приходилось. Какой-то координации между различными подпольными группами местного значения не существовало. В условиях отсутствия единого центра, программы, устава и после многочисленных провалов местные социал-демократические организации пребывали в состоянии организационного разброда и шатания. И значит, все надо было начинать сначала.

7. Первый раскол: марксисты – «политики» и марксисты – «экономисты»

После Минского съезда реальное объединение не состоялось не только в силу полицейских репрессий, но и по причине внутренних разногласий в среде социал-демократов – между «экономистами» и «политиками» (ортодоксальными марксистами).

В конце 1890-х гг. социал-демократическое движение встало перед альтернативой: либо сосредоточить свои усилия на улучшении экономического положения рабочих, либо готовиться к революционному свержению самодержавия. Сторонники первой точки зрения считали необходимым создавать партию не на базе нелегальных революционных кружков интеллигенции, а на широкой основе рабочих организаций. Поскольку основной акцент делался на экономическую пропаганду среди рабочих, его представители получили название «экономистов». При всем многообразии идейных оттенков «экономистов» объединяло стремление приноровиться к интеллектуальному уровню пролетарской массы, общаться с ней на понятном ей языке. Они буквально понимали лозунг «Освобождение рабочих – дело рук самих рабочих». Отсюда – их стремление к строительству широкой рабочей организации, не стесненной партийными рамками, чуждой централизму и действующей самостоятельно относительно интеллигентских кружков. Среди активных деятелей этого течения были Б. Н. Кричевский, В. А. Бухгольц, Т. М. Копельзон, К. М. Тахтарев, А. А. Якубова, Н. Н. Лохов, П. В. Теплов, В. П. Иваньшин, С. Н. Прокопович. В их среде стало модным учение Э. Бернштейна.

Видный теоретик германской социал-демократии Э. Бернштейн сделал попытку пересмотреть фундаментальные постулаты учения К. Маркса и Ф. Энгельса. Он обосновывал неприемлемость революционных методов достижения социализма, ратуя за перманентные

¹¹³ Лепешинский П. Первый съезд. С. 26.

реформы. Бернштейн пропагандировал классовое сотрудничество, основанное на расширении сферы демократических норм и неизбежности «мирного сосуществования» различных форм собственности.

Идеи Бернштейна нашли поддержку как в среде российской эмиграции, так и в самой России. В 1897 г. к руководству петербургским «Союзом борьбы» пришли «экономисты» и приступили к изданию газеты «Рабочая мысль». Она приобрела популярность, поскольку рассказывала о стачках и рабочей жизни. Первые два номера были отпечатаны на мимеографе и, как писала В. Засулич, «особенности языка свидетельствовали о том, что «статьи пишутся и редактируются самими рабочими»». Так оно и было. Один из учредителей газеты «Рабочая мысль» Я. А. Андреев с Колпинского механического завода вспоминал: «Мы представляли вихрастую группу самородков. Такой был и первый номер «Рабочей мысли». В нем вместе с революционным пылом гнездилась и чисто обывательская оценка возможностей, которые, по нашему мнению, могли использовать рабочие в борьбе за свое существование. Мы вихрасто жили, вихрасто думали и вихрасто, конечно, писали»¹¹⁴. С третьего номера газета печаталась за границей и просуществовала до 1902 г. (редакторами ее были К. М. Тахтарев и А. А. Якубова).

Среди «экономистов» действовало несколько групп. Особую позицию занимали супруги С. Н. Прокопович и Е. Д. Кускова. (В 1904 г. они вступили в либеральный «Союз освобождения».) В 1899 г. Кускова систематизировала свои представления и размышления о марксизме, характере рабочего движения и задачах социал-демократии в тезисном наброске под названием «Краткое изложение взглядов», не предназначая свою рукопись для общего сведения. Однако А. И. Ульянова-Елизарова послала копию тезисов Кусковой брату в Шушенское, подставив заголовок: «Кредо» (т. е. символ веры, мировоззренческая программа). В этом документе отказ рабочего класса от политической борьбы формулировался ясно и определенно, Кускова заявляла об исторической исчерпанности марксизма в том виде, в каком он был сформулирован в «Манифесте Коммунистической партии». Автор «Кредо» оценивала русский марксизм как «печальное зрелище», поскольку, по ее мнению, схемы, заимствованные «с чужого плеча», не соответствовали состоянию рабочего движения в России. Согласно ее пониманию, рабочий класс может и должен вести только экономическую борьбу, а «пропагандировать рабочим свержение самодержавия... это значит подвергать их величайшей опасности, какая только была возможна в истории». Кускова писала: «Для русского марксиста исход один: участие, т. е. помощь экономической борьбе пролетариата, и участие в либерально-оппозиционной деятельности». А поэтому «стремление к захвату власти» должно уступить место стремлению «к изменению, к реформированию современного общества в демократическом направлении»¹¹⁵. Прокопович и Кускова выступали против идеи создания рабочей партии в России.

Документ, написанный Кусковой, произвел переполох в марксистских кружках и ссылке. Получив «Кредо», В. И. Ульянов написал «Протест российских социал-демократов». По его просьбе, 20 августа 1899 г. 17 социал-демократов (супруги Ваневы, Кржижановские, Старковы, Лепешинские, а также Сильвин и др.), отбывавших ссылку в Минусинском округе, собрались в селе Ермаковском. После бурных дебатов, продолжавшихся почти три дня, все единодушно поддержали «Протест» против идей «экономистов» и подписались под ним. Копию документа послали Ю. О. Мартову, и ссыльные небольшой колонии Туруханска без колебаний присоединились к нему. Вторую копию «Протеста», направленную в Орлов Вятской губернии, поддержали А. Н. Потресов, Ф. И. Гурвич (Дан), В. В. Воровский, Н. Э. Бауман и др. – всего 23 человека. Плеханов, получив от Ульянова «Протест», напечатал его в направленном против «экономизма» сборнике.

¹¹⁴ Цит. по: Невский В. И. История РКП (б). Краткий очерк. Л., 1926. С. 93.

¹¹⁵ Там же. С. 90-91.

Ульянов и другие ортодоксальные марксисты оценивали «Кредо» как отход от марксизма; Кускову и Прокоповича он назвал «более бернштейнианцами, чем сам Бернштейн». Ругая «экономистов», Ульянов писал, что марксисты никогда не отрицали значения экономической борьбы. Речь шла лишь о необходимости ее соединения с борьбой политической в единую классовую борьбу. Осуществление же программы «Кредо», по его мнению, «было бы равносильно политическому самоубийству русской социал-демократии...»¹¹⁶. Главную задачу рабочего движения революционные марксисты видели в создании такой социал-демократической партии, которая была бы нацелена на «захват политической власти пролетариатом для организации социалистического общества». В 1900 г. В. И. Ульянов писал: «Перед нами стоит во всей своей силе неприятельская крепость, из которой осыпают нас тучи ядер и пуль, уносящие лучших борцов. Мы должны взять эту крепость, и мы возьмем ее, если все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию.»¹¹⁷

Поскольку «экономисты» начинали явно преобладать в российском социал-демократическом движении, Ульянов не сомневался ни минуты: партия должна быть пересоздана заново. А это значит, по его мнению, что надо вырвать руководство из рук «оппортунистов» (т. е. отступников от бескомпромиссной революционности) и направить ее по единственно верному, истинно революционному пути.

Среди социал-демократов не было единого мнения о том, с чего и как начать построение партии. Одни полагали, что для ее создания достаточно восстановить ЦК, избранный на I съезде РСДРП; другие доказывали, что надо созвать второй съезд партии, который изберет новый ЦК и объединит все местные организации в единую партию.

Свой план ее создания разработал Ульянов. Наброски этого плана содержались в статьях, написанных им в ссылке: «Наша программа», «Наша ближайшая задача» и «Насущный вопрос» (1899). Ульянов считал необходимым, прежде всего, решительно размежеваться с «экономистами» и добиться единого понимания программных целей и тактических задач партии. По его мнению, такую задачу была способна выполнить общерусская политическая газета. Такая газета при помощи сети агентов дала бы возможность организационно объединить отдельные социал-демократические организации в партию.

8. «Как чуть не погасла «Искра»». 1900 г.

Заканчивалась сибирская ссылка В. И. Ульянова. В конце 1899 г. он списался с Мартовым и Потресовым, предложив им заключить «тройственный союз» для подготовки издания газеты. К работе предполагалось привлечь группу «Освобождение труда». 29 января (10 февраля) 1900 г. срок ссылки В. И. Ульянова истек. Решением Особого совещания ему было запрещено проживать в университетских городах и крупных рабочих центрах России. Поэтому выбор места жительства был ограничен. Но еще летом 1899 г. Ульянов согласовал с Мартовым и Потресовым, членами Литературной группы, вопрос о будущем местожительстве – Пскове. За Псков говорила его близость к Петербургу и границе. 27 июня 1899 г. Владимир Ильич писал А. Н. Потресову: «Мой срок кончается 29.I.1900... Мечтаю о Пскове».

По дороге из Шушенского в Псков Ульянов побывал в целом ряде городов: Уфе, Москве, Подольске, Риге, Смоленске, Нижнем Новгороде, Казани и Самаре, созывал там совещания социал-демократов, подбирал первых корреспондентов газеты, договаривался о способах конспиративной связи (о шифрах, адресах, средствах, корреспонденциях и т. д.). В феврале 1900 г. Ульянов нелегально посетил Петербург, где на квартире Калмыковой провел переговоры с

¹¹⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 173.

¹¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. 376-377.

тайно приехавшей в Россию В. И. Засулич об участии группы «Освобождение труда» в издании за границей газеты и научно-популярного журнала.

В Пскове Ульянов жил с 26 февраля (10 марта) по 20 мая (2 июня) 1900 г. Здесь поселились Потресов и Л. Н. Радченко с детьми. Потресов и Ульянов получили, наконец, возможность обговорить все тонкости предстоящего дела. О чем они говорили, догадаться несложно: как вспоминала Н. К. Крупская, со слов Ульянова, «малышки-девочки Радченко, Женюрка и Люда, передразнивали его и Потресова. Заложив руки за спину, ходили по комнате рядом, одна говорила «Бернштейн», другая отвечала «Каутский»»¹¹⁸.

Наконец, в начале апреля 1900 г. в Пскове на квартире Любови Николаевны Радченко встретились В. И. Ульянов, Ю. О. Мартов, А. Н. Потресов, П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский. Они утвердили названия будущей газеты и журнала – «Искра» и «Заря» – и одобрили написанный Ульяновым проект заявления «От редакции». Участники совещания решили, что за границей они будут жить по чужим паспортам, строго конспирировать работу и личное участие в ней. При этом П. Б. Струве и М. Туган-Барановский заявили, что, несмотря на свое несогласие с ортодоксально-марксистским направлением газеты, они будут ее поддерживать как орган, ставящий себе целью организацию политической борьбы против самодержавия.

Из-за сугубой конспирации Псковского совещания протокол не велся. Воспоминания Мартова являются, вероятно, единственным источником сведений о том, как проходило это совещание. С программной речью выступил Ульянов. Мартов и Потресов предварительно ознакомились с предложениями Ульянова и одобрили их. По наблюдению Мартова, Струве отмалчивался, а Туган-Барановский спорил. Но спор быстро угас, Струве и Туган-Барановский согласились сотрудничать в газете и журнале и даже сделали небольшой ежемесячный денежный взнос (Струве – 5 руб., Туган-Барановский – 10 руб.). Мартов сообщал о своих колебаниях по поводу сотрудничества с «легальными» марксистами. И тут же замечал: «Здесь я впервые мог наблюдать некоторые свойства Ленина как практического политика, которые развернулись впоследствии, – из своего скептицизма он отнюдь не делал вывода о необходимости для нас идти своим путем, ликвидировав свои отношения к правому крылу марксизма. Напротив, он, может быть, еще инстинктивно нащупал политическую линию, в которой, как столь часто у него впоследствии, мысль о самых широких исторических задачах причудливо сочеталась с представлением о весьма мизерных, мелкотравчатых, если хотите, вульгарных средствах. Нельзя ли сложившуюся ситуацию «использовать» для образующейся рабочей партии в том смысле, чтобы взять у будущих либералов все, что они сегодня могут дать в смысле поддержки нашей организации, – их средства, их влияние, их таланты, – с тем, чтобы завтра, когда с ними уже будет не по пути, выбросить их, как выжатый лимон. Эта приблизительно идея мелькала смутно еще в мозгу Ленина, когда он упорно возвращался к плану начинать нашу работу по строительству «ортодоксальной» революционной социалистической партии при непременно участии тех людей, которых он в душе уже считал отпетыми буржуазными демократами, внутренне разорвавшими с марксизмом и, вдобавок, в данный момент наиболее опасными для нашего собственного еще молодого движения, которое они развращали теоретическими софизмами»¹¹⁹.

¹¹⁸ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 39.

¹¹⁹ См.: Урилов И. Х. Ю. О. Мартов. Политик и историк. М., 1997. С. 146-147.

П. Б. Струве и А. Н. Потресов – участники Псковского совещания

Этим высказыванием Мартов отделял себя от Ульянова, прежде всего в морально-политическом плане. Мартов предлагал на совещании сотрудничать не со Струве и Туган-Барановским, а с бундовцами и «экономистами», более близкими им по своим воззрениям, но Ульянов настоял на своем. Он предлагал ограничиться в общении со Струве сугубо деловыми контактами, несущими свои выгоды обеим сторонам. Но в начале 1901 г. пути Ульянова, тогда уже одного из редакторов «Искры», и Струве вновь разошлись, когда их переговоры о совместном издании общеполитического приложения к журналу «Заря» под названием «Современное обозрение» закончились ничем.

После совещания в Пскове началась деятельная подготовка к изданию «Искры». Искровскую группу в Пскове должны были возглавить А. М. Стопани и П. Н. Лепешинский, в Риге – М. А. Сильвин, в Смоленске – И. В. Бабушкин, в Уфе – Н. К. Крупская и А. Д. Цюрупа. Социал-демократические явки, адреса, связи были намечены в Москве, Петербурге, Нижнем Новгороде, Сызрани, Самаре, а также на Украине (через Мартова, жившего тогда в Полтаве). Так шаг за шагом складывалась знаменитая сеть агентов газеты, которая впоследствии послужила остоном русской организации «Искры».

Еще до совещания в Пскове, в феврале-марте 1900 г., А. М. Калмыкова совершила поездку в Германию для переговоров с одним из руководителей Германской социал-демократической партии А. Бебелем о возможности постановки издательского дела в Германии. А. Бебель советовал Ульянову поселиться в Баварии. Хорошая полиграфическая база в Германии расширяла возможности для постановки нелегальной типографии, а общая государственная граница облегчала транспортировку нелегальной литературы в Россию.

В начале апреля 1900 г. Ульянов подал прошение псковскому губернатору о выдаче ему заграничного паспорта для поездки в Германию. Цель поездки Ульянов мотивировал так: «еду. для продолжения моих научных занятий и пользования библиотеками, так как в России мне закрыт доступ во все большие города, а также и с лечебными целями»¹²⁰. Ходатайство было удовлетворено, и 5 мая он получил заграничный паспорт.

Перед отъездом за границу Ленин вместе с Мартовым вновь тайно наведлся в Петербург. Здесь их выследили и арестовали. Причем, как рассказывал Ульянов потом, сразу схватили «за руки, один – за правую, другой – за левую, да так взяли, что не двинешься. если бы надо было что-нибудь проглотить, не дали бы. Привезли в градоначальство, обыскали, стали допраши-

¹²⁰ Красная летопись. 1924. № 1 (10). С. 19.

вать: «Зачем приехали? Ведь вам известно, что в столицы вам запрещен въезд?»¹²¹ Начальник петербургской охраны полковник Пирамидов иронизировал: «И выбрали путь, нечего сказать! Через Царское Село! Да разве вы не знаете, что там мы за каждым кустиком следим?» Крупская вспоминала, что в жилетке у Ленина «было 2 тысячи рублей, полученных от Тетки (А. М. Калмыковой), и записи связей с границей, писанные химией на листке почтовой бумаги, на которой для проформы» был написан какой-то счет. Жандармы не догадались нагреть листок, а то «не пришлось бы Владимиру Ильичу ставить за границей общерусскую газету»¹²². Через десять дней их выпустили.

В июле 1900 г. Ульянов выехал за границу. Причем к тому времени у него было два паспорта. Один – на имя Николая Ленина. Вопрос о том, как и откуда у В. И. Ульянова появился псевдоним Н. Ленин, вызвал множество версий. Но наиболее убедительный ответ дал М. Г. Штейн в своей книге «Ульяновы и Ленины. Тайна родословной и псевдонима». Дело, видимо, обстояло так. Когда возникло опасение, что власти могут отказать Владимиру Ильичу в выдаче заграничного паспорта, Н. К. Крупская обратилась за помощью к своей хорошей знакомой Ольге Николаевне Лениной, выпускнице историко-филологического факультета Высших женских (Бестужевских) курсов, которая работала в Смоленской вечерней рабочей школе в Петербурге. Чтобы помочь В. И. Ульянову, О. Н. Ленина передала эту просьбу брату – видному чиновнику министерства земледелия, агроному Сергею Николаевичу Ленину. С аналогичной просьбой к нему, видимо, обратился и его друг – статистик А. Д. Цюрупа, познакомившийся с Ульяновыми в Уфе. Сам С. Н. Ленин и его брат Николай были знакомы с В. И. Ульяновым – в 1895 г. они встречались в Вольном экономическом обществе. К тому же Ульянов трижды ссылался на статьи С. Н. Ленина в «Развитии капитализма в России». Посоветовавшись, брат и сестра Ленины решили передать Ульянову паспорт отца – Николая Егоровича Ленина, статского советника в отставке (он умер 6 апреля 1902 года). Как пишет М. Г. Штейн, «в одной из псковских гостиниц С. Н. Ленин и передал паспорт своего отца с переделанной датой рождения Владимиру Ильичу, проживавшему тогда в Пскове. Но в тот момент паспорт на имя Н. Е. Ленина В. И. Ульянову не понадобился»¹²³.

В начале августа Ульянов вел предварительные переговоры с Аксельродом в Цюрихе и Плехановым в Женеве. 11 (24) августа все съехались в Корсье, близ Женевы. Пять дней Ульянов, Потресов, Плеханов, Аксельрод и Засулич совещались об издании «Искры» и «Зари», их программе и совместном редактировании. Ульянов, Потресов и Мартов еще в России решили возглавить редакцию «Искры», сохранив свою самостоятельность. Плеханов пребывал в плохом настроении: в апреле 1900 г. на II съезде «Союза русских социал-демократов за границей» (он был создан в 1894 г.) в Женеве произошел окончательный разрыв группы «Освобождение труда» с «экономистами» и большинством «молодых» членов «Союза». Е. Д. Кускова тогда заявила: «Ну, что ж, Георгий Валентинович, до сих пор вы стояли во главе революционного движения. Теперь пришла очередь Сергея Николаевича [Прокоповича]».

Теперь Плеханов, одобряя идею издания марксистских органов, претендовал на особое, привилегированное положение в редакции, фактически требуя редакторского единоначалия. Переговоры протекали очень бурно и едва не кончились полным разрывом. Был момент, когда Ульянов и Потресов чуть было не отказались от совместной работы с Плехановым. «Как чуть не потухла «Искра»? – так назвал Ульянов свою запись об этом совещании, адресованную Н. К. Крупской, в которой он излил свою боль: «Быть пешками в руках этого человека мы не хотим; товарищеских отношений он не допускает, не понимает... Это была настоящая драма, целый разрыв с тем, с чем носился, как с любимым детищем, долгие годы, с чем неразрывно связывал

¹²¹ Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. В 5 т. Т. 1. Воспоминания родных. М., 1984. С. 121.

¹²² Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 41.

¹²³ Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. Семейные тайны. СПб., 2004. С. 419.

всю свою жизненную работу»¹²⁴. Стороны с большим трудом пришли к согласию. В редакцию «Искры» вошли представители социал-демократических организаций России (В. И. Ульянов, Ю. О. Мартов и А. Н. Потресов) и члены группы «Освобождение труда» (Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод и В. И. Засулич), причем Плеханову предоставлялось два голоса.

Переговоры дались Ульянову нелегко. «В эти дни, – рассказывал Потресов, – он перестал есть, спать, осунулся, пожелтел, даже почернел». Немедленно после совещания Ульянов выехал в Мюнхен, где обосновалась редакция «Искры». Здесь он первое время жил без прописки под фамилией Мейер на квартире германского социал-демократа Ритмейера, державшего пивную. «Комнатешка у Владимира Ильича была плохонькая, – вспоминает Н. К. Крупская, – жил он на холостяцкую ногу, обедал у какой-то немки... Утром и вечером пил чай из жестяной кружки, которую сам тщательно мыл и вешал на гвоздь около крана»¹²⁵. В Мюнхене же остановились Потресов и Засулич, а весной 1901 г. приехали Мартов и Крупская, которая стала секретарем редакции. Плеханов и Аксельрод остались в Швейцарии, связь с ними поддерживалась перепиской и редкими совещаниями редакции.

В конце сентября—начале октября 1900 г. отдельным листком вышел первый программный искровский документ – написанное Ульяновым «Заявление редакции «Искры»». В нем говорилось, что путь к созданию партии лежит через размежевание: «Прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, мы должны сначала решительно и определенно размежеваться». Вся осень 1900 г. ушла на организационную подготовку издания: Ульянов договаривался с типографией, устанавливал контакты с деятелями международной социал-демократии (Кларой Цеткин, Адольфом Брауном, Юлианом Мархлевским) и т. п.

9. Из «Искры» возгорится пламя! 1901-1902 гг.

Наконец 11 (24) декабря 1900 г. в Лейпциге вышел первый номер «Искры» – нелегальной общерусской политической газеты. Последующие ее номера издавались в Мюнхене, с июня 1902 г. – в Лондоне, с весны 1903 года, незадолго до II съезда партии, – в Женеве. В заголовке газеты значилось: «Российская социал-демократическая рабочая партия». Эпиграфом газеты были взяты слова из ответа декабристов Пушкину: «Из искры возгорится пламя!» В первом номере были напечатаны три статьи Ульянова, две – Мартова, а также Аксельрода, Раковского, обширная хроника рабочей жизни и т. п.

С первого номера газета критиковала на материалах русской действительности политику правительства как «прямого врага» социал-демократов, а также вела ожесточенную полемическую борьбу с «экономистами». Искровцы высмеивали взгляды последних в распространенном в то время среди марксистов «Гимне новейшего русского социализма», который пелся на мотив «Варшавянки»:

Грозные тучи нависли над нами,
Темные силы в заговор нас быют,
Русские спины покрыты рубцами,
Хлещет неистово варварский кнут.
Но, потираючи грешное тело,
Мысля конкретно, посмотрим на дело:
«Кнут ведь истреплется, – скажем народу, —
Лет через сто ты получишь свободу».

¹²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 344-345.

¹²⁵ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 44.

Медленным шагом,
Робким зигзагом,
Тише вперед,
Рабочий народ!..

В нашей борьбе самодержца короны
Мы не коснемся мятежной рукой,
Кровью народной залитые троны
Рухнут когда-нибудь сами собой.
Высшей политикой нас не прельстите
Вы, демагоги трудящихся масс.
О коммунизмах своих не твердите,
Веруем. в мощь вспомогательных касс.

Если возможно,
Но осторожно,
Шествуй вперед,
Рабочий народ!

Это стихотворение, принадлежащее перу Ю. О. Мартова, было впервые напечатано в апреле 1901 г. на страницах журнала «Заря» под псевдонимом «Нарцис Тупорылов». Приехав в Мюнхен весной 1901 г., Мартов сразу стал, по определению Троцкого, «главной публицистической силой «Искры»». До II съезда РСДРП все номера газеты в редакционно-техническом отношении готовились им вместе с Лениным. В 1900-1903 гг. в «Искре» было помещено 49 публикаций Мартова, в том числе 13 передовых статей. Ленин (с декабря 1901 г. В. И. Ульянов стал подписывать некоторые свои работы этим псевдонимом) опубликовал 32 материала, из них 16 передовиц.

Первый номер «Искры»

Номера «Искры» выпускались в среднем тиражом в 8 тыс., а иногда до 10 тысяч экземпляров. Это было немало даже для легальной печати того времени. Помимо редакторских статей в 44 номерах газеты, вышедших до II съезда партии, было опубликовано около 500 заметок рабочих корреспондентов.

«Искра» превратилась в центр руководства местными социал-демократическими организациями, связь с которыми осуществлялась через агентов газеты Н. Э. Баумана, И. В. Бабушкина, Е. Д. Стасову, В. К. Курнатовского, В. З. Кецховели, Г. И. Окулову и многих других. Функции агентов «Искры» были чрезвычайно разнообразны: они занимались транспортировкой газеты и другой нелегальной литературы через границу, ее доставкой и распространением, устанавливали и расширяли связи с редакцией, собирали деньги для регулярного выпуска «Искры» и т. д.

После основания «Искры» главной проблемой было ее распространение. В мае 1901 г. Ленин настойчиво напоминал П. Н. Лепешинскому и П. А. Красикову: «Вообще весь гвоздь нашего дела теперь – перевозка, перевозка и перевозка. Кто хочет нам помочь, пусть всецело наляжет на это»¹²⁶. До весны 1901 г. редакция «Искры» не имела своих путей переправки газеты через границу и использовала для ее транспортировки возможности других революционных организаций. Это был весьма ненадежный канал доставки литературы. Так, в начале 1901 г. транспорт с № 1 «Искры» должны были доставить в Россию студенты-латыши Э. Ролау и Э. Скубик, обучавшиеся в Цюрихе и занимавшиеся перевозкой запрещенных изданий на латышском языке через прусско-русскую границу. Однако к тому времени они уже находились под наблюдением парижской агентуры Департамента полиции. Поэтому весь транспорт был арестован, и в руки жандармов попало около 6,5 тыс. экземпляров искровских изданий, в том числе большая часть тиража первого номера «Искры». В июне 1901 г. Э. Ролау был схвачен при переходе границы, и жандармы захватили еще семь тюков с искровской литературой. Таким образом, оба транспорта (11 169 экз.) не дошли до пунктов назначения в России. При этом редакция «Искры» понесла еще и тяжелый финансовый урон. Он составил свыше 2 тыс. руб., что было равнозначно почти половине первоначального фонда «Искры».

На первых порах агенты «Искры» пользовались так называемым чемоданным путем, то есть специальными чемоданами с двойными стенками, в которые заделывалась литература. Такие чемоданы в большом количестве изготовляла для революционеров одна мелкая фабрика в Берлине. Например, в декабре 1900 г. один из первых агентов газеты в России Н. Э. Бауман нелегально привез в Москву в таком «секретном» чемодане около 260 экземпляров первого номера газеты «Искра». Чемоданный способ, однако, имел большие недостатки: чемоданы зачастую брали с оказией люди, сочувствующие социал-демократам, но слабо связанные с организацией, которые вдобавок доставляли литературу не туда, где она была особенно нужна в данный момент, а куда они сами ехали. Иногда у «сочувствующих» не хватало храбрости пройти с таким чемоданом таможенный досмотр – они оставляли его на пограничной станции «с той стороны». Тогда чемодан приходилось вырывать. П. Н. Лепешинский вспоминает, например, как за оставленным в Выборге кем-то чемоданом ездила его жена – Ольга Борисовна. Тяжелый (в стенки заделана литература) чемодан оказался пустым. На закупку каких-либо дорожных вещей или предметов туалета не хватает денег. В огромном количестве закупаются. выборгские крендели. При таможенном досмотре «осмотрщик с четверть минуты стоит

¹²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 46. С. 115.

над чемоданом с тупым взором, как будто что-то соображая. Ужасных, полных драматизма четверть минуты. Потом машет рукой и идет к следующему пассажиру»¹²⁷.

Агенты «Искры»:

Н. Э. Бауман, Г. М. Кржижановский, М. М. Литвинов, О. А. Пятницкий

Всего до февраля 1902 г. удалось отправить в Россию 60 чемоданов с искровской литературой. С весны 1902 г. от чемоданов пришлось отказаться, так как полиция раскрыла этот способ доставки литературы. «Чемоданным способом больше пользоваться нельзя»¹²⁸, – сообщила Крупская Бюро русской организации «Искры» в апреле 1902 г.

Поскольку потребность в литературе была очень велика, искровцы придумывали все новые хитрые способы ее доставки. О. А. Пятницкий, один из организаторов транспортировки «Искры», проживавший в Берлине, вспоминал: «Тогда мы изобрели панцирь: для мужчин сшивали нечто вроде жилета, куда вкладывали 200-300 экземпляров «Искры» и нетолстые брошюры, а для женщин – лифы и еще заделывали в юбках. Женщины могли брать с собою экземпляров 300-400 «Искры». Это называлось на нашем языке – транспорт «экспресс». Одевали мы в такие панцири всех – от ответственных товарищей до простых смертных, которые только попадали нам в руки»¹²⁹. Ходить в таком панцире летом, в жару было невыносимо тяжело, но некоторым даже нравилось: «женщины привыкали к ним, панцири делали их статными, солидными, с хорошими фигурами»¹³⁰.

К осени 1901 г. удалось организовать транспортировку «Искры» через австрийскую границу, а вскоре и через германскую. Эти пути оказались самыми надежными. Другие оказались неудачными, быстро провалились: так, случайно в Архангельске при выгрузке разбился бочонок с литературой и из него на глазах у жандармов вместо сельдей (как значилось по накладной) посыпались издания «Искры».

В самой России удалось создать три группы содействия «Искре»: в Полтаве, Пскове и Самаре. Здесь имелись склады, специальные люди принимали и развозили литературу, собирали деньги, посылали корреспонденции и т. п. Вскоре благодаря энергии Н. Э. Баумана, для конспирации называвшего себя представителем крупной немецкой фирмы «Зингер» и имевшего подпольные клички Аким и Грач, появился еще один опорный пункт в центре – в Москве.

«Искра» получала разную помощь от людей, сочувствовавших ее делу. Актриса МХТ М. Ф. Андреева, формально вступившая в большевистскую партию в 1904 г., а задолго до этого работавшая под партийной кличкой Феномен, выполняла многочисленные поручения

¹²⁷ Лепешинский П. Н. На повороте (от конца 1880-х годов к 1905 г.). Л., 1925. С. 120-121.

¹²⁸ Пролетарская революция. 1928. № 6-7. С. 148.

¹²⁹ Пятницкий О. Записки большевика. Л., 1926, С. 42-43.

¹³⁰ Там же.

«Искры» и лично Ленина. В. И. Качалов предоставил свой адрес для направления переписки «Искры», укрывал от полиции агента «Искры» Н. Э. Баумана. Тесно был связан с «Искрой» и Московским комитетом партии и А. М. Горький, оказывавший им большую денежную помощь. В 1901 г. совместно с писателем С. Т. Петровым (Скитальцем) А. М. Горький приобрел мимеограф, начав печатать на нем прокламации для рабочих Сормова и Нижнего Новгорода. За это они были арестованы.

Вопросам конспирации уделялось большое внимание: важно было вовремя выявить наружное наблюдение, суметь оторваться от филеров и не привести хвост на явку или конспиративную квартиру. Для этой цели использовали извозчиков, проходные дворы и т. д. Г. М. Кржижановский писал 12 (25) апреля 1902 г. в редакцию «Искры»: «...за нами за всеми отчаянно следят, и во многих случаях мы, увы, оказались не на высоте положения. Опыт показывает, что, чтобы что-нибудь сделать под нашей фирмой, надо быть прямо гением конспирации...»¹³¹ Следовало уделять внимание каждой мелочи. Подтверждением тому может служить арест И. С. Блюменфельда при транспортировке искровской литературы через русско-австрийскую границу. Он провалился только потому, что метка на его носовом платке не соответствовала начальным буквам его вымышленных имени и фамилии, и на это обратил внимание офицер пограничной стражи. При тщательном осмотре багажа полиция обнаружила в трех чемоданах с двойным дном 354 экземпляра «Искры», 42 экземпляра книг В. И. Ленина «Что делать?» и другую литературу. В картонной коробке с куклой, в крышке с двойным дном, были обнаружены картонные матрицы «Искры». И. С. Блюменфельд был арестован и препровожден в Киев, в Лукьяновскую тюрьму.

В конце 1901 – начале 1902 г. полиция нанесла удар по «Искре», захватив транспорты литературы на германской границе, в Харькове, Одессе, Ростове; за тюремной решеткой оказались многие видные агенты «Искры». Особенно большой потерей стал арест в феврале 1902 г. Н. Э. Баумана. Полиция давно за ним следила. Стремясь уйти от преследования, он выпрыгнул на ходу из поезда и, голодный и усталый, был выдан негодяем, к которому обратился за помощью. Но уже через полгода ему удалось бежать. 18 августа 1902 г. 11 политических заключенных совершили дерзкий побег из Лукьяновской тюрьмы в Киеве. На свободе оказались десять искровцев (Н. Э. Бауман, И. С. Блюменфельд, Л. Я. Гальперин, М. М. Литвинов, О. А. Пятницкий и др.) и эсер Б. М. Плесский.

Полиция пыталась вербовать арестованных искровцев. Так, когда в 1902 г. при выполнении поручения редакции «Искры» в Москве была задержана О. Л. Канцель (Таня), начальник Московского охранного отделения С. В. Зубатов предложил ей поступить на службу в охранку. В ответ на это, выражая свое возмущение, Таня бросила в него чернильницу. Впоследствии Н. К. Крупская писала: «Первое время не было такого обилия провокаторов, как позднее. Люди были все надежные, хорошо знавшие друг друга»¹³².

Еще в октябре 1901 г. Ленин вел переговоры с Г. М. и З. П. Кржижановскими, приехавшими к нему по окончании сибирской ссылки, на предмет создания русской организации «Искры». В конце января 1902 г. в Самаре состоялся съезд искровцев, который избрал Центральный комитет из 16 человек. Чтобы обеспечить влияние «Искры», во все основные районы направлялись ее представители. К середине 1902 г. силы были распределены следующим образом. В Пскове находился П. Н. Лепешинский. В Москву направлена Г. И. Окулова. В Поволжье работали Е. В. Барамзин, В. П. Арцыбушев и К. К. Газенбуш. В Киев переехал Ф. В. Ленгник, в Одессу – Д. И. Ульянов, позднее – Р. С. Землячка. «Летучими агентами» были И. И. Радченко и М. А. Сильвин.

¹³¹ Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900-1903 гг. Т. 1. М., 1969. С. 492.

¹³² Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 1. С. 254.

10. Типография «Нина», Леонид Красин и деньги, деньги, деньги...

Поскольку в Россию груз с искровской литературой шел долго, издатели решили печатать газету в самой России, где уже существовали подпольные типографии в Баку, Кишиневе и Нижнем Новгороде. Бакинская типография, основанная грузинским социал-демократом В. З. (Ладо) Кецховели и названная «Нина», проработала дольше других.

Огромную организационную и техническую помощь типографии оказывал бывший ссыльный инженер Л. Б. Красин (Никитич). В июне 1900 г. он приехал в Баку, получив приглашение от своего товарища по Петербургскому технологическому институту Р. Э. Классона руководить строительными работами только что основанного акционерного общества «Электросила». Стараниями Красина на электростанции, где он занимал должность помощника директора, оказались чуть ли не все видные члены Бакинского комитета РСДРП: Н. П. Козеренко стал бухгалтером, Л. Е. Гальперин – статистиком, Авель Енукидзе – чертежником, В. А. Шелгунов и С. А. Аллилуев – монтерами и т. д. Гальперину принадлежала главная роль в налаживании транспорта искровских изданий по маршруту Вена – Тавриз (Персия) – Баку. В Персию литературу слали посылками, а из Тавриза в Баку перевозили на лошадях. Отсюда конспиративное название персидского пути – «лошадиный» и партийный псевдоним Гальперина – Коняга. А потом в целях конспирации в далекой Женеве секретарь «Искры» Н. К. Крупская зарегистрировала всю Бакинскую организацию под именем «лошадей».

В представлении Красина, «электрическая станция, да еще строящаяся, была чрезвычайно удобной базой для хранения литературы, шрифта и т. п. Два-три раза жандармы пробовали производить обыски на электрической станции, но, безнадежно махнув рукой, должны были оставить в покое эту техническую цитадель, ввиду полной невозможности там что-либо сделать»¹³³. Сообщив издателям «Искры» о своей готовности печатать газету, бакинцы просили регулярно присылать им макеты набора, с которых можно было отливать металлические матрицы. Чтобы избежать конфискации на таможне, Красину посылали макетные листы внутри технических книг и журналов, которые он специально, как уважающий себя инженер, стал выписывать из-за границы. Кроме того, Красин несколько раз помогал модернизировать печатный станок, доставая в Германии необходимые детали.

После ареста Кецховели и его помощника А. С. Енукидзе в 1902 г. революционеры еще больше засекретили деятельность «Нины», типография несколько раз меняла адреса, в конечном итоге Бакинский комитет решил спрятать ее буквально под землю. Оборудование типографии находилось в подвале амбара, куда вел потайной ход. В подполье, где размещалась типографская техника, никто из посторонних не допускался. К тому же типография находилась в районе, населенном татарами, которые особенно враждебно относились к полиции, а та в свою очередь сравнительно редко его посещала. Поэтому полиция никак не могла напасть на ее след. Но работать в подпольной типографии было невероятно трудно: в помещение не проникал солнечный луч и едва поступал свежий воздух, работники не имели права выходить на улицу днем, да и ночью их прогулки ограничивались небольшим квадратом внутреннего двора дома, в котором была расположена типография. Поэтому напряжение было настолько громадным, что у рабочих иногда сдавали нервы. Много усилий прилагал А. С. Енукидзе, бежавший из-под стражи по пути в сибирскую ссылку, чтобы успокоить, ободрить вконец измотанных людей.

¹³³ Красин Л. Б. Большевики в подполье. М., 1932. С. 48.

В. З. Кеջховели

Для постановки издательского дела постоянно требовались финансы, и немалые. Значительная часть средств шла на зарплату наборщикам и печатникам, на покупку техники, шрифтов, бумаги. Кроме того, много средств тратилось на перевозку и хранение литературы. Инженер Л. Б. Красин играл главную роль в добывании денег для типографии. Он развернул бурную деятельность: обращался за помощью к тем представителям либеральной интеллигенции, которые сочувствовали революционерам, устраивал аукционы, организовывал чтение лекций, проводил лотереи. Немалые средства собирались за счет организации музыкальных и вокальных вечеров и показов спектаклей в домах местных богатей-нефтепромышленников. На них, как правило, приходила состоятельная публика, платившая за вход большие деньги, вовсе не подозревая, куда они пойдут. Успех сопутствовал Красину во многом потому, что он, стройный, всегда хорошо одетый, с изысканными манерами, обаятельный, умел произвести впечатление на окружающих.

Запоминающимся оказался приезд в Баку в январе 1903 г. знаменитой актрисы В. Ф. Комиссаржевской. Красин воспользовался моментом и организовал бенефис актрисы, причем представление состоялось в доме начальника полиции. Комиссаржевская впоследствии так рассказывала о своем знакомстве с Красиным одному из его ближайших помощников А. Н. Тихонову (А. Сереброву): «Леонид Борисович был там инженером, а я гастролировала. Пришел ко мне – никогда я его прежде и не видела – и с первого слова: "Вы – революционерка?" Я растерялась, ничего не могла ответить, только головой кивнула...» В таком случае сделайте вот что...» И таким тоном, словно я ему подчиненная.

В Баку меня любят. Начальник жандармов – мой поклонник. У него в квартире мы и устроили концерт. Закрытый, только для богатых. Билеты не дешевле пятидесяти рублей. Я пела, читала, даже танцевала тарантеллу. Успех полный. В антракте мне поднесли букет из сторублевков. Леонид Борисович, красивый, во фраке, понюхал букет, смеется: "Хорошо пахнет". И – мне на ухо: "Типографской краской пахнет! «... Дело-то в том, что сбор с концерта шел на подпольную типографию. После концерта у меня в уборной – вся местная знать. Благодарят, целуют мне руки. Леонид Борисович стоит в сторонке, ухмыляется. Распорядитель вечера подносит мне на блюде выручку с концерта. Что-то несколько тысяч. Деньги перевязаны розовой ленточкой с бантом. Через несколько дней Леонид Борисович уехал с ними за

границу – покупать типографию. Я ему говорю: " Вы бы мне хоть розовую ленточку оставили – на память! ", смеется: " И так не забудете! " Сумасшедший!»¹³⁴

Комиссаржевская прониклась, видимо, симпатией к Красину не только потому, что он был, по ее словам, «щеголеватый мужчина, ловкий, веселый, сразу видно, что привык ухаживать за дамами»¹³⁵, но и потому, что он заставил ее вспомнить героев всех революционных романов, прочитанных ею в юности. И в дальнейшем Вера Федоровна помогала революционерам. Причем имя Красина – Никитича действовало как пароль. Г. М. Кржижановский свидетельствует, как в 1905 г., по поручению Красина, он прибыл в Киев, где в то время гастролировала Комиссаржевская. После спектакля, очередного триумфа, к актрисе было не подойти: всюду море цветов, в приемной теснилась огромная толпа «почитателей таланта». Кржижановский волновался, примет ли? Ему неловко – ведь предстояло, по его словам, нечто вроде «ограбления». Он передал лакею «записочку» от Никитича и, к его удивлению, тут же был удостоен аудиенции. Целый час он беседовал с Комиссаржевской о делах, «а больше всего о " Никитиче », внушающем ей искреннее восхищение»¹³⁶. Как-то само собой был решен и денежный вопрос. «Ну и Никитич, ну и мастер!» – восхищался Кржижановский про себя после этого «экса».

Деятельность Красина, связанная с типографией «Нина», не оставалась незамеченной. В дальнейшем его роль как добытчика денег на революцию необычайно возросла, и он стал главным финансистом РСДРП. При посредничестве А. М. Горького Бакинский комитет установил связь с А. Д. Цюрупой, управлявшим тогда в Уфимской губернии имениями Кугушева. Цюрупа с этого момента стал систематически помогать Бакинской типографии деньгами. Но особенно «прибыльным» для социал-демократов стало знакомство с известным предпринимателем, владельцем крупнейшей ткацкой фабрики С. Т. Морозовым.

Зимой 1903 г. инженер Красин приехал к Горькому, который жил в это время на курорте в Сестрорецке, просить его от имени Ленина и марксистов организовать встречу с Саввой Морозовым. Свидание состоялось через три дня. А. М. Горький вспоминал: «Деловая беседа фабриканта с профессиональным революционером, разжигавшим классовую вражду, была так же интересна, как и коротка. Вначале Леонид заговорил пространно и в «популярной» форме, но Морозов, взглянув на него острыми глазами, тихо произнес:

– Это я читал, знаю-с. С этим я согласен. Ленин – человек зоркий-с.

И красноречиво посмотрел на свои... часы... Затем произошло приблизительно следующее:

– В какой же сумме нуждаетесь? – спросил Савва.

– Давайте больше. Савва быстро заговорил.

– Личный мой доход ежегодно в среднем шестьдесят тысяч, бывает, конечно, и больше, до ста. Но треть обыкновенно идет на разные мелочи, стипендии и прочее такое. Двадцать тысяч в год – довольно-с?

– Двадцать четыре – лучше! – сказал Красин.

– По две в месяц? Хорошо-с.

Леонид усмехнулся, взглянув на меня, и спросил: нельзя ли получить сразу за несколько месяцев?

– Именно?

– За пять, примерно?

– Подумаем.

¹³⁴ Серебров А. (А. Н. Тихонов) [Комиссаржевская и Красин] // Вера Федоровна Комиссаржевская. Письма актрисы, воспоминания о ней, материалы. Л. – М., 1964. С. 254.

¹³⁵ Горький М. Красин и Савва Морозов // Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья. Сборник воспоминаний, статей и документов. М. – Л., 1928. С. 208.

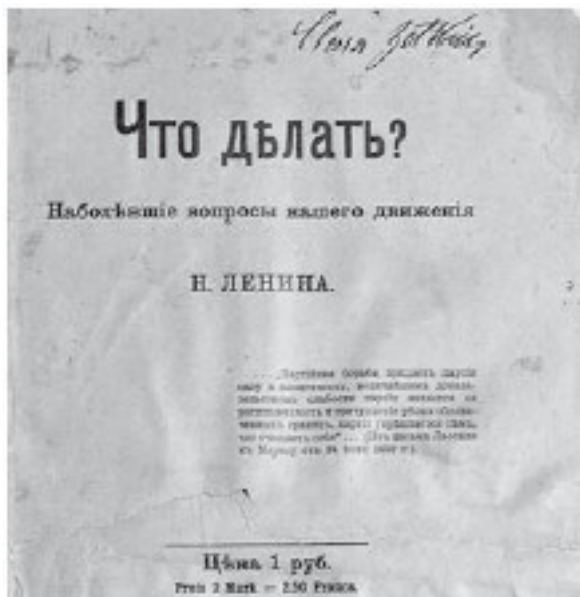
¹³⁶

И, широко улыбаясь, пошутил:

– Вы с Горького больше берите, а то он извозчика нанимает за двугривенный, а на чай извозчику полтинник дает»¹³⁷.

Таким образом, по утверждению Горького, С. Т. Морозов «давал на издание «Искры», кажется, двадцать четыре тысячи в год»¹³⁸. Почему Морозов стал помогать, и не только финансово (известно, что он, например, укрывал от полиции Н. Э. Баумана), революционерам? Когда писатель прямо спросил его об этом: «Скажи, наконец, чего тебе надо от революции?», тот ответил: «Твердой власти и порядка. Самодержавие прогнило насквозь. Россию можно перестроить только снизу»¹³⁹. Морозов считал, что революция расчистит предпринимателям путь к власти.

Постепенно многие местные социал-демократические организации присоединялись к программе «Искры». В марте 1902 г. в Штутгарте вышла в свет книга Ульянова «Что делать?», которую он подписал «Н. Ленин». Эту работу он начал писать весной 1901 г. «Помню, как он рассказывал мне о ней, – вспоминала А. И. Ульянова-Елизарова, – о ее плане весной 1901 г., когда мы уходили с ним вечером побродить по улицам Мюнхена, а потом заходили в какой-нибудь трактирчик выпить пива; помню, как он убегал от Мартова, от всех разговоров, потому что находился в периоде творчества...»

Обложка книги Ленина «Что делать?»

Тема «Что делать?» – как должна создаваться и какой должна быть революционная пролетарская партия. С целью преодоления «кружковщины» Ленин задумывал партию как жесткую централистскую организацию. Вопреки заявлениям «экономистов», что социалистическое сознание может быть выработано со временем самим движением, Ленин утверждал, что оно должно быть внесено в него извне профессиональными революционерами. Только они способны внести в рабочую среду политическую сознательность и привести пролетариат к победе. Силами «доморощенных» социал-демократических кружков, пытающихся идти в ногу со стихийным рабочим движением, революцию никогда не произвести. Но «дайте нам организацию

¹³⁷ Горький М. Собр. соч. в 30 т. Т. 17. М., 1952. С. 52.

¹³⁸ Горький М. Литературные портреты. М., 1986. С. 220.

¹³⁹ См.: Гавлин М. Российские Медичи. Портреты предпринимателей. М., 1996. С. 100.

революционеров – и мы перевернем Россию!»¹⁴⁰ Это перефразированное изречение древнегреческого ученого Архимеда «дайте мне точку опоры, и я подниму Землю» – квинтэссенция всей ленинской работы. Именно эта книга Ленина сразу стала популярной среди молодых социал-демократов России. В то же время, как писал впоследствии один из лидеров меньшевизма Ф. И. Дан, идеи «Что делать?» оказались динамитом, через какой-то год взорвавшим единство партии.

¹⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 127.

III глава

«Драку заказывали?» РСДРП в 1903-1907 гг.

II съезд вскрыл наличие серьезных организационных разногласий, разделивших партию на две части, на большевиков и меньшевиков, из которых первые отстаивают организационные принципы революционной социал-демократии, а вторые катятся в болото организационной расплывчатости, в болото оппортунизма...

После II съезда... меньшевики создали тайно от партии свою антипартийную фракционную организацию, во главе которой стояли Мартов, Троцкий и Аксельрод... Они окопались в «Заграничной Лиге» русских социал-демократов... и стали обстреливать оттуда партию, Ленина, ленинцев.

Это была разнузданная пропаганда организационной распущенности, подрыва партийности и партийной дисциплины, восхваления интеллигентского индивидуализма, оправдания анархической недисциплинированности. Меньшевики явно тащили партию назад от II съезда партии к организационной раздробленности, к кружковщине, к кустарничеству.

Революция привела в движение все классы общества... Рабочий класс возглавил борьбу народных масс против самодержавия. Лозунг большевиков о массовой политической стачке дал свои результаты. Октябрьская всеобщая забастовка заставила насмерть перепуганного царя выступить с манифестом 17 октября.

История ВКП(б): Краткий курс

1. «Буря! Скоро грянет буря». Россия накануне революции (1901– 1903)

В начале XX в. Россию охватил глубокий кризис. Своим положением были недовольны практически все слои российского общества. В результате экономического кризиса 1900-1903 гг., затронувшего все передовые страны, в России резко упала деловая активность, в пять раз сократилось железнодорожное строительство, закрылось свыше 3 тыс. предприятий, на улице оказались 112 тыс. рабочих.

Кризис неблагоприятно сказался на положении пролетариата. Хозяева предприятий, стремясь сохранить свои доходы, снижали зарплату или переводили рабочих на сдельщину, применяли другие «антикризисные» меры. В ответ рабочие все чаще устраивали забастовки, в основном экономического характера, выступая против задержки заработной платы, ее понижения, уменьшения расценок, сокращения рабочего дня при уменьшении заработной платы, против сверхурочных работ, предполагаемых увольнений, закрытия предприятий. В обстановке жесткого нажима на рабочих, доходившего до использования во время стачек полиции и войск, у них сохранялся только один стимул к труду – желание «работать, чтобы выжить». Всего в 1895-1903 гг. в России произошло 6678 стачек, в которых приняли участие 1 215 186 рабочих.

В 1900 г. произошла первая крупная майская демонстрация в Харькове, захватившая почти все фабрики и заводы. В ней участвовали 10 тыс. человек, а над толпой едва ли не впервые открыто появилось полотнище с лозунгом «Долой самодержавие!». В 1901 г. на всю страну прогремела забастовка рабочих Обуховского завода в Петербурге, получившая название «Обуховской обороны». Военный Обуховский сталелитейный завод считался наиболее благонадежным предприятием: здесь никогда не было забастовок, а рабочие принадлежали к числу наибо-

лее высокооплачиваемых в Петербурге. Обуховцы жили в деревне, где имелись и библиотека, и театр, а также воскресные и вечерние классы. Одним словом, культурная жизнь передовой пролетарской молодежи складывалась наиболее благоприятно. Среди передовых пролетариев других районов репутация обуховцев сложилась двойственная: «ребята сознательные, но больше отличаются щегольством, увлекаются барышнями и любительскими спектаклями». Однако влияние экономического кризиса сказалось и здесь: на заводе стали широко использовать сверхурочные работы, снижать расценки. Появились рабочие-агитаторы, образовалось несколько социал-демократических кружков, не связанных между собой, и один эсеровский кружок.

Под влиянием агитации рабочих-активистов 1 мая 1901 г. 1200 рабочих прекратили работу. На следующий день начальство объявило об увольнении 26 человек, по заводу распространились слухи, что в последующие дни будут рассчитаны еще около тысячи. В ответ на это 7 мая рабочие-обуховцы написали карандашом на клочке бумаги свои требования и предъявили их заводской администрации. Они требовали: восстановить уволенных рабочих, ввести 8-часовой рабочий день, разрешить им свободно праздновать 1 Мая, отменить сверхурочные работы и штрафы и уволить помощника начальника завода подполковника Иванова. Когда тот возмущенно заявил: «Вы скоро, пожалуй, потребуете увольнения и министров!», один из руководителей забастовщиков А. В. Шотман ответил при всеобщем одобрении: «Не только министров, но и царя потребуем уволить». Администрация завода, однако, не пошла на уступки. Тогда около четырех тысяч обуховцев бросили работу. По воспоминаниям А. В. Шотмана, остановили станки даже те «старожилы», которые были враждебно настроены против каких-либо «беспорядков», «а тем, кто не желал добровольно кончать работу, мы грозили очутившимися у нас в руках палками»¹⁴¹.

Забастовщики вышли на Шлиссельбургский тракт (ныне пр. Обуховской Обороны). Против них были брошены войска и полиция. Но рабочие оказали стойкое сопротивление: на головы карателей полетели камни, поленья. Даже дети выворачивали из земли булыжники и подносили их оборонявшимся. Полицейские открыли огонь из револьверов по баррикаде. Однако забастовщиков невозможно было остановить, они уже вошли во вкус «классовой борьбы» и, как вспоминал А. В. Шотман, «до того разгорячились, что вскакивали на забор и, выставляя раскрытые груди, кричали «фараонам»: «Стреляй, сволочь, все равно не победишь!» Бой продолжался более 3 часов. Среди рабочих были раненые, двое убиты, в том числе 12-летний мальчик, сын рабочего. Вечером начались аресты: полицейские хватали всех подряд, в том числе и детей. 122 человека были арестованы, но вскоре освободили 60. Многим руководителям забастовки удалось скрыться. 37 рабочих-обуховцев были осуждены на каторгу. Однако администрация завода вынуждена была удовлетворить некоторые требования забастовщиков. Старые рабочие говорили: «Спасибо молодым, что отстаивали рабочего человека», «раньше мы совсем не чувствовали, что мы люди», «а мы-то, дураки, как огня, боялись своего начальства и полиции». Правда, по словам Шотмана, «в течение всей этой недели» рабочие «не видели ни одного «интеллигента», то есть социал-демократа – пропагандиста «и вообще мы не имели за это время никакой связи с центром»¹⁴². «Обуховская оборона» была первым опытом баррикадной борьбы в России. По мнению В. И. Ленина, «оборона» показала, что «уличная борьба возможна, безнадежно не положение бойцов, а положение правительства, если ему придется иметь дело с населением не одного только завода»¹⁴³.

В 1902 г. во многих городах вновь состоялись первомайские стачки и демонстрации. Наиболее крупной из них была демонстрация в Сормове. С пением революционных песен пять

¹⁴¹ Шотман А. Записки старого большевика. М., 1925. С. 45.

¹⁴² Шотман А. Записки старого большевика. С. 47.

¹⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 19.

тысяч человек прошли по главной улице города. Молодой рабочий, член социал-демократической группы Петр Заломов нес красный флаг. На флаге помимо лозунга «Да здравствует политическая свобода!» был вышит и другой, более дерзкий: «Долой самодержавие!». В ходе разгона демонстрации войсками было арестовано и отдано под суд 28 человек.

Наибольшего подъема забастовочная волна достигает в 1903 г. Тогда произошло 2099 забастовок (примерно треть от их общего числа за 1895-1903 гг.), в которых участвовало около 330 000 человек. В 1903 г. число стачек в России возросло по сравнению с 1902 г. в 3,6 раза, а стачечников – в 2,5. Ведущую роль в забастовочной борьбе играли квалифицированные рабочие: металлисты, рабочие железнодорожных мастерских, отличавшиеся большей восприимчивостью к лозунгам революционных партий, большей организованностью, а также текстильщики, горняки. Активно бастовали рабочие-нефтяники Бакинской губернии.

Булжник – оружие пролетариата. Скульптор И. Шадр. 1927 г.

Забастовочное движение 1903 г. отличалось и большим числом общегородских всеобщих стачек. Так, 8-15 марта на Южном Урале в городе Златоусте Уфимской губернии экономическая стачка 2,6 тыс. рабочих переросла в крупную демонстрацию, окончившуюся ее расстрелом (было убито 69 человек и ранено 250, свыше 100 были арестованы). На эти события откликнулись все газеты, начиная от социал-демократической «Искры» и кончая «Биржевыми ведомостями». 14 местных комитетов РСДРП выпустили по этому поводу листовки, в некоторых городах прошли стачки протеста против расстрелов в Златоусте. Они перешли в первомайские политические выступления, состоявшиеся в 63 населенных пунктах страны.

Наибольший резонанс вызвали всеобщие стачки на юге России в июле-августе 1903 г., охватившие крупные промышленные центры Украины и Закавказья: Одессу, Киев, Елизаветград, Екатеринослав, Керчь, Бердичев, Николаев, Баку, Тифлис, Батум. В них участвовали 200 тыс. рабочих. На многочисленных собраниях, митингах, демонстрациях иногда звучали политические лозунги «Да здравствует солидарность!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!», «Долой правительство!», «Да здравствует социализм!», всюду разбрасывались листовки. Всеобщие стачки парализовали жизнь этих городов: остановилась работа фабрично-заводских предприятий, нефтяных промыслов, многих ремесленных заведений, ряда учреждений и торговых заведений. Прекратилась отправка поездов и пароходов, подача воды, работа электростанций, повсюду проходили митинги и собрания. Такого в начале XX в. не знала ни одна страна.

В то же время следует отметить, что всеобщая стачка на юге России 1903 г. и синхронно с ней проходивший за рубежом II съезд РСДРП не были связаны друг с другом. В ходе стачки значительная роль принадлежала Еврейской независимой рабочей партии, не признанной и не представленной на съезде. Определяющее значение в забастовочном движении регионов «черты оседлости» имел автономный внутри РСДРП Бунд. Бакинская стачка была спровоцирована не входящей в местный комитет РСДРП организацией братьев Шендриковых, а в ходе ее между собой конкурировали за лидерство социал-демократы и эсеры.

Летние стачки 1903 г. на юге России получили общественный резонанс во многих странах мира. В речи при открытии II съезда РСДРП Г. В. Плеханов назвал их «самым крупным и самым замечательным явлением в жизни европейского пролетариата 1903 года наряду с победой германских рабочих во время последних выборов в рейхстаг»¹⁴⁴. Сила забастовочного движения в России в 1903 г. оказалась столь значительной, что в Европе заговорили о близости русской революции. Чешские социал-демократы отмечали в августе 1903 г., что «Россия становится надеждой всех революционеров Европы», так как здесь «социализм соединяется с мощью народа»¹⁴⁵.

Правительственные круги отдавали себе отчет в том, что рабочее движение превратилось в один из ведущих факторов политической жизни страны. Начальник Московского охранного отделения, а затем глава Особого отдела Департамента полиции полковник С. В. Зубатов выдвинул идею так называемого «полицейского социализма» (так прозвали его «изобретение» в леворадикальных кругах). Чтобы отвлечь пролетариат от революционной борьбы, он предлагал «прикармливать рабочих, обезоруживая массы путем своевременного и неустанного улучшения их положения на почве их мелких нужд и требований». «Зубатовщина» имела определенный успех. 19 февраля 1902 г., в очередную годовщину отмены крепостного права, монархически настроенные рабочие, входившие в легальные организации, провели 50-тысячную демонстрацию, возложив венок к памятнику Александру II в Кремле. Легальные рабочие общества были созданы также в Петербурге, Перми, Харькове, Киеве, Екатеринославе и Николаеве. В юго-западных губерниях в противовес Бунду охранкой была создана «Еврейская независимая рабочая партия», по иронии судьбы сыгравшая решающую роль в начале всеобщей южной стачки 1903 г. Вопреки ожиданиям властей повели себя и зубатовские рабочие в Одессе в период всеобщей стачки. Боясь потерять влияние на своих членов, зубатовский «Независимый союз механических рабочих» поддержал экономические требования забастовщиков. Это так напугало власти, что Зубатов был отправлен в отставку.

Таким образом, с каждым годом пролетариат крупных предприятий превращался во все более весомую общественную силу, с которой правительство не могло не считаться, пытаясь сочетать в решении рабочего вопроса реформы и репрессии. Хотя император Николай II безразлично относился к «рабочему вопросу» (в период июльских стачек 1903 г. царь был всецело занят открытием мощей св. Серафима Саровского и его канонизацией), сторонником совершенствования рабочего законодательства выступал министр финансов С. Ю. Витте. В 1903 г., после 15 лет обсуждения, был принят закон о пособиях рабочим, пострадавшим от несчастных случаев на производстве. На предприятиях появился институт фабричных старост.

Наряду с «рабочими беспорядками» в начале века, после пяти неурожайных лет вновь начались крестьянские волнения, вошедшие в историю под названием «грабизжа». Поводом к ним стал недород 1901 г. Особенно сильно бунтовали крестьяне весной 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях. Там мужички 156 сел разгромили и разграбили 105 помещичьих усадеб – «экономий». Прокурор Харьковской судебной палаты А. А. Лопухин откровенно излагал Николаю II причины крестьянского бунта: «Голодные, не евшие в течение нескольких лет

¹⁴⁴ Цит. по: Пушкарева И. М. Рабочее движение в год II съезда РСДРП // Отечественная история. 2003. № 4. С. 3.

¹⁴⁵ Там же.

хлеба без примеси соломы или древесной коры и давно не знавшие мясной пищи мужики шли грабить чужое добро с сознанием своей правоты, основанном на безвыходности положения и на том, что им помощи ждать не от кого»¹⁴⁶. Крестьяне не только увозили хлеб, но и уносили инвентарь, угоняли скот, поджигали усадьбы. Усмирить их удалось только с помощью войск. Всего в 1900-1904 гг. произошло 670 крестьянских бунтов (за предыдущее пятилетие – всего 82).

Еще в конце XIX в. забурлило студенчество. Поводом к возмущению студентов послужил Университетский устав 1884 г. и новые правила, лишившие университеты большей доли автономии. Ситуация усугубилась назначением в 1898 г. на пост министра народного просвещения Н. П. Боголепова, человека сухого и черствого, консервативного во взглядах, получившего среди студентов прозвище Каменный Гость. В феврале 1897 г. в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, облившись керосином, подожгла себя студентка М. Ф. Ветрова, проходившая по делу народовольческой типографии. Вскоре она умерла в страшных мучениях. Весть об этом, распространенная студенческими прокламациями, прокатилась по всей России, явившись поводом для демонстраций, панихид и сходок.

8 февраля 1899 г. произошло еще одно событие, возмутившее студенчество. Полиция избила студентов Петербургского университета только за то, что они собирались традиционно весело отпраздновать день основания университета. Причем конная полиция, получившая приказ разогнать толпу, била студентов нагайками по головам, а те забросали ее снежками и ледышками. Забастовку Петербургского университета поддержали 35 тыс. студентов ведущих университетов страны. Студенты – «социалисты» (среди них будущие эсеры-террористы Б. Савинков и И. Каляев) выпустили манифест с призывом к свержению самодержавия.

В начале 1901 г. студенты вновь протестовали, теперь уже против отдачи в солдаты более 200 участников студенческих волнений. Месяц спустя студент социал-демократ, а затем эсер П. В. Карпович стрелял в министра просвещения Н. П. Боголепова и смертельно ранил его.

По-прежнему острым оставался еврейский вопрос. В начале века по империи прокатилась волна массовых еврейских погромов, эпицентром которой стали западные и юго-западные регионы страны. Самый жестокий и кровавый погром, получивший всероссийский и международный резонанс, произошел в Кишиневе 6-7 апреля 1903 г., в дни христианской Пасхи. Предлогом оказались нелепые сообщения, опубликованные в печати, будто бы евреи совершали ритуальные убийства христиан, а также слухи о якобы личном указании царя бить евреев в течение трех дней. Погромщики (торговцы, трактирщики, прочие местные обыватели) за два дня убили 45 и изувечили несколько сотен человек. Местные власти бездействовали, а столичные позже выразили сожаление по поводу случившегося.

В результате всеобщей политизации российского общества оживилось либеральное движение. В июле 1903 г. в Швейцарии земцы и оппозиционно настроенные представители творческой интеллигенции (в том числе Н. А. Бердяев, В. И. Вернадский, П. Б. Струве и др.) создали «Союз освобождения». Считая своим идеалом полную парламентскую демократию, они готовы были «считаться с историческими условиями данного момента». Либералы предупреждали царя, что «русская монархия будет конституционной или ее не будет вовсе».

В начале 1902 г. на базе различных народнических кружков и групп образовалась партия социалистов-революционеров (эсеров). Проект ее программы объявлял главной целью организацию жизни страны на социалистических началах. Программа-минимум требовала демократизации государственного строя, уничтожения частной собственности на землю, «социализации земли», т. е. уравнительного землепользования для крестьян и передачи земли в распоряжение «демократически организованных общин» как общенародного достояния.

¹⁴⁶ См.: Первая революция в России: Взгляд через столетие. М., 2005. С. 81-82.

Эсеры защищали и интересы рабочих, поддерживая их главные требования. Руководителями партии были В. М. Чернов, Г. А. Гершуни, Е. К. Брешко-Брешковская.

«Крайним и энергичным», хотя и не единственным средством борьбы с самодержавной бюрократией эсеры считали индивидуальный террор. Осенью 1901 г. Григорий Гершуни приступил к созданию Боевой организации (БО) эсеров, глубоко законспирированной, автономной и от ЦК, и от партии, со своей кассой, явками, динамитными мастерскими. Эти обстоятельства во многом объясняют тот факт, что в течение ряда лет Боевую организацию возглавлял провокатор Е. Азеф. Она заявила о себе 2 апреля 1902 г., когда С. В. Балмашов убил в Мариинском дворце министра внутренних дел Д. Сипягина.

Вот в такой обстановке назревания революционной «бури» русские марксисты приступили к созданию своей партии.

2. На пути к съезду: склочная эмигрантская жизнь. 1901-1903 гг.

В начале XX в. в российской социал-демократии соперничали два идейно-политических течения. «Экономисты» (Е. Д. Кукова, С. Н. Прокопович) считали главным борьбу за улучшение повседневных условий жизни трудящихся, поддерживали либералов в их политических требованиях. Революционные марксисты (В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов) выдвигали на первый план политическую борьбу. Их идейными и организационными центрами были газеты «Искра» (орган революционных марксистов, издававшийся с декабря 1900 г.), «Рабочая мысль» (орган «экономистов»).

За границей существовало несколько организаций русских социал-демократов: экономический «Союз русских социал-демократов», плехановский «Социал-демократ», заграничный отдел «Искры», а также группа «Борьба» (Д. Б. Рязанов, Ю. М. Стеклов и др.) и Заграничный комитет Бунда. В 1901 г., по инициативе группы Д. Б. Рязанова, были предприняты попытки объединения всех этих организаций в интересах создания сильной политической партии на марксистской платформе. Искровцы тоже стояли за объединение, но они требовали отмежевания от «оппортунистических» тенденций как в российском, так и в международном социал-демократическом движении. Не достигнув соглашения по принципиальным вопросам, в октябре 1901 г. в Цюрихе Ленин, Мартов и Плеханов инициировали раскол объединительного съезда заграничных организаций РСДРП, а затем покинули съезд и основали «Заграничную Лигу русской революционной социал-демократии».

В 1902 г. внутри редакции «Искры» начались серьезные столкновения. В январе в Мюнхене состоялось редакционное совещание, где обсуждался проект программы РСДРП, составленный Плехановым. «Молодые» (Ленин, Мартов, Потресов) раскритиковали его и внесли существенные поправки и дополнения. Ленин, наиболее решительно настроенный, сочинил свой контрпроект, учтя при этом мнение мягкого и деликатного Мартова, старавшегося сгладить острые углы и сделать текст более приемлемым для «отца русского марксизма».

Разногласия между Плехановым и Лениным не выходили за рамки революционного марксизма. Плеханов не устраивала в проекте Ленина явно выраженная тенденция представить российский капитализм как уже сложившуюся общественно-экономическую формацию, а пролетариат – как единственный революционный класс, призванный вести за собой все другие социальные слои и группы, могущие принять участие в борьбе с самодержавием. В письме к В. И. Засулич 19 марта 1902 г. он прямо указывал, что ленинская характеристика российского капитализма может привести к ошибочным оценкам в программе, «так как русские экономические отношения далеко не обладают всеми типическими чертами развитого капитализма»¹⁴⁷. Плеханов не хотел раньше времени обострять отношения с либералами, стремился

¹⁴⁷ Цит. по: Диалог. 1991. № 7. С. 89.

максимально расширить фронт сторонников борьбы с самодержавием. В письме к Аксельроду от 12 марта 1902 г. Плеханов признавался, что Ленин бесит его «своими куцыми взглядами».

Ленин, предложивший свой проект программы, вел себя напористо. Он считал, что капитализм в России уже преобладает, мелкое хозяйство вытесняется крупным, настаивал на введении в программу положения о диктатуре пролетариата. Плеханов в пику «молодым» в высокомерно-насмешливом тоне отверг новый вариант программы. Тогда была создана согласительная комиссия в составе Ю. О. Мартова, В. И. Засулич, Ф. И. Дана и Л. Г. Дейча, положившая в основу своей работы текст Плеханова. На совещании в Цюрихе в апреле 1902 г. коллективный проект программы партии был одобрен и опубликован редакцией газеты «Искра». Наиболее активное участие в его подготовке принял Мартов: все документы комиссии написаны его рукой.

Но вскоре внутри редакции «Искры» выявились новые расхождения. В апреле 1902 г. Ленин, Крупская, Мартов и Засулич обосновались в Лондоне. Плеханов выразил недовольство решением «молодых» перенести издание «Искры» в Лондон, а не в его «родную» Женеву. Правда, затем под влиянием Засулич он смягчился, решил пойти на мировую и даже обещал приехать в Англию.

Другой причиной размолвки явилась статья Ленина «Аграрная программа русской социал-демократии». Плеханов отверг статью целиком, поскольку был решительным противником национализации земли при капитализме. В Лондон он прислал свои письменные замечания, которые были выдержаны в безапелляционном цензорском тоне, а местами просто оскорбительны. В ответ Ленин написал Плеханову резкое, негодующее письмо, по существу означавшее разрыв всяких личных отношений. Крупская вспоминала, что «Владимир Ильич крайне болезненно относился ко всякой размолвке с Плехановым, не спал ночи, нервничал. А Плеханов сердился, дулся»¹⁴⁸. Однако усилиями других членов редакции «Искры», в первую очередь Засулич и Мартова, конфликт был улажен. Несмотря на это, мелкие ссоры и недоразумения периодически продолжали возникать. Во время споров редакция делилась обычно на две «тройки»: Плеханов, Аксельрод и Засулич против Ленина, Мартова и Потресова.

В Лондоне Мартов, Засулич и социал-демократ Н. А. Алексеев жили своеобразной коммуной, сняв «на одной из улиц в районе трущоб британской столицы, недалеко от квартиры Ленина, пять небольших комнат на двух этажах... Однако вскоре хозяин дома, шокированный безалаберным поведением и неряшливостью беспокойных постояльцев, расторг договор. Но и на новом месте привычки «коммунаров» остались прежними, и посетивший их во время своего визита в Лондон Плеханов назвал жилище этой троицы «вертепом»¹⁴⁹. Ненадолго порядок в этой коммуне навел рабочий Иван Бабушкин, гостивший в Лондоне осенью 1902 г. после побега из екатеринославской тюрьмы. Он прибрал весь мусор, столы застелил газетами, подмел пол. Ленину и Крупской, пораженным чистотой комнат, Бабушкин сказал: «У русского интеллигента всегда грязь – ему прислуга нужна, а сам он за собой прибирать не умеет»¹⁵⁰.

Осенью 1902 г. в Лондоне появился Л. Д. Троцкий. Молодые редакторы взяли его под свою опеку, увидев в нем талантливого оратора и публициста (у Троцкого был красноречивый псевдоним – Пери). Ленин предложил кооптировать его в редакцию, думая, видимо, что Троцкий обеспечит ему постоянное большинство. Плеханов усмотрел в этом попытку «переворота», направленного против него, и возненавидел Троцкого до конца своей жизни.

Из членов редакции Троцкий ближе всего был связан с Мартовым, Засулич и Аксельродом. Он свидетельствовал, что, хотя Мартов и Ленин были еще тогда на «ты», в их отноше-

¹⁴⁸ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1989. С. 54.

¹⁴⁹ Савельев П. Ю., Тютюкин С. В. Юлий Осипович Мартов (1873–1923): человек и политик // Новая и Новейшая история. 1995. № 4. С. 143.

¹⁵⁰ Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. С. 65.

ниях уже явственно проскальзывал холодок отчужденности. «Когда они разговаривали друг с другом при встрече, не было уже ни дружеских интонаций, ни шуток, – вспоминал Троцкий. – Ленин говорил, глядя мимо Мартова, а у Мартова глаза стекленели под отвисавшим и никогда не протиравшимся пенсне»¹⁵¹. Вместе с тем и Троцкий, и Крупская независимо друг от друга утверждали, что, хотя во взглядах редакторов «Искры» и были те или иные оттенки, все конфликты изживались внутри самой редакции и не выходили наружу.

В апреле 1902 г. Ленин писал в Бюро Русской организации «Искры» Кржижановскому о главной задаче момента: помня «о важнейшем значении Второго съезда», необходимо завоевать «возможно большее число комитетов», т. е. речь шла о том, что накануне съезда искровцы должны были добиться численного перевеса в местных комитетах РСДРП.

Особенно беспокоила Ленина ситуация в Петербурге. В июне 1902 г. агенты «Искры» И. И. Радченко с помощью Лепешинского, Красикова, при энергичной поддержке левого крыла «Союза борьбы» – Краснухи, Стасовой и других – удалось добиться победы над «экономистами». Петербургский комитет обратился с заявлением «Ко всем российским социал-демократическим организациям». Оно призывало «закончить, выражаясь словами автора брошюры «Что делать?», ликвидацию периода кустарничества, периода местной раздробленности, организационного хаоса и программной разногласности»¹⁵². В дальнейшем на помощь искровцам были командированы И. В. Бабушкин, А. П. Доливо-Добровольский и М. М. Эссен. Так было и в других городах. Агенты «Искры», по свидетельству Мартова, «водворяясь в городах, где комитеты тянули к «экономистам», собирали вокруг себя недовольные элементы и «взрывали» старые комитеты». Во второй половине 1902 – начале 1903 г. большинство местных организаций РСДРП перешли на искровские позиции.

Между тем «экономисты» из заграничного «Союза русских социал-демократов» торопились перехватить инициативу в созыве съезда. По их инициативе, в конце марта 1902 г. в Белосток прибыли делегаты от семи организаций. Но поскольку местные русские организации были представлены еще меньше, чем на I съезде РСДРП, прибывшие объявили себя лишь конференцией и избрали Организационный комитет по созыву съезда. Однако к работе он так и не приступил. Дело в том, что еще накануне «черный кабинет» полиции перехватил письмо петербургского «Союза борьбы» с извещением о съезде. Полагая, что революционеры соберутся в Петербурге, охранка установила наблюдение за известными ей столичными «эсдеками». Вскоре почти все делегаты конференции, в том числе искровец Ф. И. Дан (его схватили в Москве на Ярославском вокзале), были арестованы.

Повальные аресты подтвердили правоту Ленина о том, что созыв съезда партии в России невозможен. Редакция «Искры» взяла в свои руки подготовку II съезда РСДРП. Состав нового Организационного комитета (ОК) определился в феврале 1903 г. на совещании в Харькове и, возможно, в Орле. В него вошли 9 человек: шесть – от организации «Искры», двое – от группы «Южный рабочий» и один – от Бунда. Организационному комитету и его заграничному отделу пришлось решать самые разные задачи: выбрать место для созыва съезда, изыскать финансовые средства для его организации, решать проблему прикрытия делегатов (приобретать паспорта) и их переброски через границу.

II съезд РСДРП было решено созвать в Брюсселе, где в начале 1900-х гг. жил «старый плехановец» Д. Кольцов – Б. А. Гинзбург. По воспоминаниям Н. К. Крупской, он «взял на себя устройство всего дела», а его квартира стала явкой для сбора делегатов. «Брюссель, rue Tugole, 94, Гинзбург, звонить 3 раза, спросить Евгения» – эта явка была направлена в ОК для сообщения делегатам съезда.

¹⁵¹ Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 1. М., 1990. С. 175-176.

¹⁵² См.: История КПСС. Т. 1. М., 1967. С. 426-427.

Для обеспечения перехода делегатов через границу Организационный комитет использовал действовавшие для доставки «Искры» и политической литературы транспортные пути через прусскую и австрийскую границы. «И вот через целую сеть явок, – вспоминал Д. И. Ульянов, – я добрался до Кишинева, откуда меня проводили в одно место, находившееся верстах в десяти от австрийской границы. Там в небольшом домике я ждал с 10 часов утра до 10 часов вечера. И наконец ночью на телеге провожатый повез меня дальше. Версты за две от границы оставили мы телегу и пошли пешком. Пробирались по кустам без дороги. Вдруг послышался топот. Мы залегли. Спустившись к речке, пошли вброд. Течение было такое быстрое, что провожатый все время держал меня за руку. За речкой начинались пшеничные поля, и мы путешествовали по этим полям всю ночь. Наконец провожатый привел меня в какую-то хибару вблизи железнодорожной станции и сказал, что через два часа я могу садиться в поезд. Так я очутился за границей»¹⁵³.

3. Второй съезд РСДРП (1903 г.): праздник, закончившийся вечной ссорой

Второй съезд Российской социал-демократической рабочей партии начал свою работу 17 (30) июля и окончил 10 (23) августа 1903 г. На съезде было представлено 26 социал-демократических организаций. Присутствовало 57 делегатов. 43 делегата имели 51 решающий голос. По уставу съезда каждой полноправной организации предоставлялось два голоса, независимо от того, сколько делегатов она прислала – двух или одного. 23 социал-демократические организации имели по два голоса, ЦК Бунда – три, Петербургский комитет и петербургская «Рабочая организация» – по одному. Кроме того, 14 человек присутствовали с совещательным голосом, в том числе два представителя социал-демократии Польши и Литвы. Они прибыли, когда шло уже 10-е заседание. Польские товарищи были уполномочены вести переговоры об объединении Социал-демократии Королевства Польского и Литвы с РСДРП.

¹⁵³ Ульянов Д. И. Воспоминания о Владимире Ильиче. М., 1971. С. 69-75.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.